Учредитель:
АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (55)
2019

Журнал включен

в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК

Тексты статей размещены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

12+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., *кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права;*

Ахамер Гилберт, *доктор наук, член Австрийской Академии наук (Институт экономической географии), профессор Университета Грац, профессор Университета Зальцбурга, профессор Австрийского института прикладных наук, профессор Университета Челло (Вена), Университета Кремс, эксперт Европейской комиссии по вопросам образования, науки и экологии, соредактор и член редакционных советов в международных научных журналах (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Вена, Австрия.*

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Ю.В., *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий;*

Салихов Б.В., *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха П.В., *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский С.В., *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.*

12.00.00 Юридические науки

Агапов П.В., *доктор юридических наук, доцент, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов С.В., *доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;*

Гаврилов Б.Я., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации;*

Дорская А.А., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Кузнецов П.У., *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев А.В., *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права, конституционное и административное право», заместитель директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университет;*

Нарутто С.В., *доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);*

Пашенцев Д.А., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета;*

Полякова Т.А., *доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором Информационного права Института государства и права Российской академии наук;*

Радько Т.Н., *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации;*

Тарасов А.М., *доктор юридических наук, профессор, советник в отделе Главного территориального управления Администрации Президента РФ, заслуженный юрист Российской Федерации.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян А.Ю., *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Ю Синода, *доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Эксперты:

Меськов В.С., *доктор философских наук, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;*

Тихонов А.В., *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;*

Шеремет И.А., *доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационная безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.*

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Золотарев В.А., *доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетный профессор Военного университета Министерства обороны России, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны, действительный государственный советник РФ 1-го класса, заместитель Генерального директора Международного биографического центра от России (Великобритания, Кембридж), действительный член Итальянской академии экономики и социальных наук, почетный доктор Нью-Йоркского Университета; почетный член Западноевропейской академии науки и культуры*

Зам. главного редактора: Шкурко Н.М., *кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»*

Директор Научно-издательского центра: Чеботарев В.Е., *кандидат экономических наук, доцент*

Технический редактор: Савеличев М.Ю.

Корректор: Игнашина А.А.

© Коллектив авторов, 2019
© АНО ВО «МИГУП», 2019

Establisher:
ANO HE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201 Vestnik Akademii prava i upravleniâ

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
OF ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 2 (55)
2019

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The magazine has been put on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions, where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«Bulletin of Academy of Law and Management» is included in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., *PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,*
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law
Ahamer Gilbert, *PhD, Member of the Austrian Academy of Sciences (the Institute of Economic Geography), professor of Graz University, professor of Salzburg University, professor of the Austrian Institute of Applied Sciences, professor of Cello University (Vienna), Krems University, expert of the European Commission for Education, Science and Environment, co-editor and member of editorial boards at the international scientific journals (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Vienna, Austria.*

Members of Editorial Board:

08.00.00 Economic sciences:

Ragulina Yu., *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the all-Russian Research Institute of Agricultural Economics of the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas;*

Salikhov B., *Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel;*
Solodukha P., *Doctor of Economics, Professor, Chairholder, Dean of the Faculty of Economics of the Russian State Social University;*
Shkodinskiy S., *Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow Region State University.*

12.00.00 Sciences of Law:

Agapov P., *Doctor of Law, Associate Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*
Bazhanov S., *Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;*
Dorskaya A., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);*
Gavrilov B., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Law Faculty of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen;*
Kuznetsov P., *Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Information Law of the Ural State Law University;*
Minbaleev A., *Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law", Deputy Director for Science of the Law Institute of the South-Ural State University;*
Narutto S., *Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);*
Pashentsev D., *Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City University;*
Polyakova T., *Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Information Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;*
Rad'ko T., *Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation;*
Tarasov A., *Doctor of Law, Professor, Advisor in the Department of the Main Territorial Administration of the Presidential Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation.*

Foreign Members of Editorial Board

Anil Sarwal, *PhD, professor of the Punjab University (Chandigarh, India);*
David Reynolds, *Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nikhon (Tokyo), Po (Paris). From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;*
Mkrtumyan A., *Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;*
Paul Smit, *PhD, professor of the University of Pretoria, South Africa (RSA);*
Warren Kimbol, *Honored Professor of Historic Faculty of the Ruthgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;*
Yu Sinoda, *Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).*

Expert members:

Mes'kov V., *Doctor of Philosophy, Professor of Chair of Pedagogy of the Higher School of Education, Professor of Chair of Theology of the Faculty of Philology, Director of Educational-Scientific Center of Interdisciplinary Issues of Education and Cognitive Science of the Moscow Pedagogical State University;*
Sheremet I., *Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Chair "Information safety" of Financial University under the Government of the Russian Federation, Full State Counselor of the Russian Federation of the 3rd Class;*
Tikhonov A., *Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS.*

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., *Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of the Military University of the Russian Ministry of Defense, President of the Association of the Second World War Historians, Full State Counselor of the Russian Federation of the 1st Class, Deputy Director General of the International Biographical Center from Russia (United Kingdom, Cambridge), Full Member of the Italian Academy of Economics and Social Sciences, Honorary Doctor of New York University, Honorary Member of the Western European Academy of Science and Culture*
Deputy Chief Editor: Shkurko N., *PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Autonomous Nonprofit Organization for Higher Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"*
Director of scientific-publishing center: Chebotarev V., *PhD in Economics, Associate Professor*
Make-up Editor: Savelichev M.
Proofreader: Ignashina A.

© Group of Authors, 2019
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Бажанов С.В.,
СКРЫТАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СМУТНЫХ БУДНЕЙ РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ 9

Ломтев С.П.,
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ 17

Захарова В.В.,
СПЕЦИФИКА АБСОЛЮТИЗМА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ 21

Мамина О.И., Семичева А.С.,
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАДЗОРА И НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ 25

Борисов А.В.,
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ТРАНСПОРТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 30

Шекк Е.А.,
ПРОФИЛАКТИКА ПРИТОНОСОДЕРЖАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННОГО
С НЕМЕДИЦИНСКИМ ПОТРЕБЛЕНИЕМ НАРКОТИКОВ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 35

Шиян В.И., Хвостова Е.С.,
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 40

Новикова О. В.,
РОЛЬ ЦЕРКВИ В ПРОЦЕССЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ 47

Чеботарева А.А.,
ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА
В РАЗВИТИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 51

Жарова А.К., Елин В.М.,
ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ
ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 59

Власов А.В., Чеботарев В.Е.,
БЛОКЧЕЙН КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСПОРТА:
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 66

Петришин А.П.,
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНИПА
ГЛАСНОСТИ ПРАВОСУДИЯ 73

Королев С.В., Полякова Т.А.,
ДВА РЕЖИМА ЭЛЕКТРОННОГО ДОГОВОРА В ИНТЕРНЕТ-ПРАВЕ ГЕРМАНИИ 78

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Шкодинский С.В., Надысева Д.М.,
ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ 83

Назаров А.Г.,
ОЦЕНКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
НА ОСНОВЕ АНАЛИТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИХ СХЕМ 90

Салихов Б.В.,
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И КАЧЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ 101

Буров В.В.,
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 108

Шатская И.И.,
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАХОВОГО БИЗНЕСА РОССИИ.....112

Салихова И.С.,
СТРУКТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ 118

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Bazhanov S.,
HIDDEN PREHISTORY OF VAGUE EVERYDAY RUSSIAN FORENSICS 9

Lomtev S.,
CRIMINAL TECHNOLOGY CHARACTER: PROBLEMS OF CONCEPTUAL
AND LEGISLATIVE DEFINITION 17

Zakharova V.,
SPECIFICS OF ABSOLUTISM AS A SPECIAL FORM OF GOVERNMENT 21

Mamina O., Semicheva A.,
THE LEGAL NATURE OF SUPERVISION AND SUPERVISION AS A WAY
OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF LEGALITY 25

Borisov A.,
CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF TRANSPORT CRIME 30

Shekk E.,
PREVENTION OF DRUG DENS ASSOCIATED WITH THE NON-MEDICAL
USE OF DRUGS: STATE AND PERSPECTIVES 35

Shiyan V., Khvostova E.,
MODERN CONDITION OF CRIME FOR MINORS 40

Novikova O.,
ROLE OF THE CHURCH IN THE PROTECTION OF THE PROTECTION
OF THE RIGHTS OF CONDEMNED TO THE DETERMINATION OF THE FREEDOM 47

Chebotareva A.,
ELECTRONIC COMMERCE: THE STRATEGIC DIRECTIONS OF THE STATE
IN DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION 51

Zharova A., Elin V.,
FEATURES OF REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD
OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION 59

Vlasov A., Chebotarev V.,
BLOCKCHAIN AS TECHNOLOGY OF PROVIDING DIGITAL TRANSFORMATION OF TRANSPORT:
ECONOMICAL AND LEGAL ASPECTS 66

Petrishin A.,
INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE IMPLEMENTATION
OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF JUSTICE 73

Korolev S., Polyakova T.,
TWO MODES OF ELECTRONIC CONTRACT IN GERMAN INTERNET LAW 78

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Shkodinsky S., Nadyseva D.,
RESEARCH OF THE ROLE OF ECONOMIC INSTITUTIONS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES 83

Nazarov A.,
ASSESSMENT OF THE SUSTAINABILITY OF DEVELOPMENT OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF INDUSTRIAL
ENTERPRISES ON THE BASIS OF ANALYTICAL AND PROGNOSTIC SCHEMES 90

Salikhov B.,
SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE DEFINITION OF THE ESSENCE
AND QUALITY INTEGRITY 101

Burov V.,
NEW APPROACHES TO EVALUATING THE EFFICIENCY OF INVESTMENTS
IN HUMAN CAPITAL IN THE MANAGEMENT OF MODERN ORGANIZATIONS.....108

Shatskaya I.,
CONTEMPORARY ISSUES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN INSURANCE BUSINESS 112

Salikhova I.,
STRUCTURAL INNOVATIONS IN THE PARADIGM OF SUSTAINABLE PROGRESSIVE DEVELOPMENT 118

УДК 343.98

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке

СКРЫТАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СМУТНЫХ БУДНЕЙ РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

В настоящей статье говорится об истории становления и развития российской криминалистики, её «белых пятнах», которых наблюдается достаточно много при внимательном ознакомлении с соответствующей юридической литературой. Автор обоснованно ставит вопрос о некорректности описания эволюции рассматриваемой отрасли научных знаний в официальной отечественной историографии и необходимости более объективного (взвешенного) подхода к поиску и закреплению её вековых корней.

Даже поверхностный взгляд на историю становления и развития отечественной правовой системы, входящих в неё государственных (правоохранительных и контролирующих) органов демонстрирует отсутствие в отечественной юридической литературе системного подхода к её объективному освящению. Данная ситуация обусловливается радом факторов объективного и субъективного свойства, разобрать и проанализировать которые в рамках отдельно взятой статьи невозможно. Тем не менее, в рамках настоящей публикации предпринята попытка критического осмысления общеизвестных и общепринятых криминалистических понятий и категорий, таких как криминалистическая характеристика преступлений, частная методика расследования отдельных преступлений, методика проведения судебно-экспертных и криминалистических исследований с акцентом на существенном вкладе в их научно-теоретическое обоснование именно российских ученых.

В заключение статьи её автор ратует за необходимость освоения криминалистической наукой принципиально нового подхода к предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, основанного на активном употреблении для названных целей частных криминалистических техник (технологий), которые при грамотном их применении в состоянии существенно сократить традиционные процедурные сроки, то есть привести к раскрытию и расследованию преступления с наименьшими затратами.

Ключевые слова: криминалистика, предупреждение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, криминалистическая характеристика преступлений, методика проведения судебно-экспертных и криминалистических исследований, частная методика расследования, криминалистическая техника (технология) выявления преступлений, государственно-правовая политика Российской Федерации в области борьбы с преступностью, правоохранительные и контролирующие органы

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice

HIDDEN PREHISTORY OF VAGUE EVERYDAY RUSSIAN FORENSICS

This article speaks about the history of the formation and development of Russian forensic science, its "white spots", of which there is quite a lot on careful examination of the relevant legal literature. The author reasonably raises the question of the incorrect description of the evolution of the considered branch of scientific knowledge in official domestic historiography and the need for a more objective (weighted) approach to the search and consolidation of its age-old roots.

Even a superficial glance at the history of the formation and development of the domestic legal system, which is part of its state (law enforcement and regulatory) bodies, is demonstrated by the absence of a systematic approach to its objective sanctification in the domestic legal literature. This situation is due to a number of objective and subjective factors, which cannot be disassembled and analyzed in a single article. Nevertheless, within the framework of this publication, an attempt has been made to critically comprehend well-known and generally accepted forensic concepts and categories, such as the forensic characterization of crimes, the private method of investigating individual crimes, the methodology for conducting forensic and forensic studies with an emphasis on significant contribution to their scientific and theoretical justification of Russian scientists.

In conclusion, the author of the article advocates the need to master the forensic science of a fundamentally new approach to the prevention, detection, detection and investigation of crimes based on the active use of private forensic techniques

(technologies) for the above purposes, which, if properly used, can significantly reduce traditional procedural deadlines , that is, lead to the detection and investigation of the crime at the lowest cost.

Keywords: criminalistics, prevention, detection, disclosure and investigation of crimes, forensic characteristics of crimes, methods of conducting forensic and forensic research, private investigation techniques, forensic techniques (technology) of crime detection, state law policy of the Russian Federation in the field of crime control, law enforcement and regulatory authorities

В научно-популярной литературе последних лет можно встретить суждения о том, что современное отношение к корректности хронологии исторических событий в любой области науки или общественной жизни, к сожалению, не приходиться считать уважительным [11, с.7].

Сказанное относится и к криминалистике, время зарождения которой в системе «российских координат» представляет особый интерес для развернутых «археологических раскопок».

Пристальный взгляд на историю становления и развития отечественной правовой системы, сформировавшихся в её недрах правоохранительных органов, а также присущих им методов профессиональной деятельности обнаруживает умственно воспринимаемый исход связанных с этим событий лишь с XVIII – XIX вв. Отправным моментом здесь признается реформаторский почин Петра I, ознаменовавшийся полным неприятием древнерусского опыта политико-социального обустройства, в значительной мере отвергнутого к тому времени. Российская Империя превратилась в полицейское государство, «мирно» воспринявшее традиции «Старого Света», что, надо полагать, обусловливалось реальными, а не вымышленными последствиями войны 1812 г., гипертрофированно освященными в официальной отечественной историографии [5, с. 10].

По оценкам различных ученых человечество живет на планете Земля от десяти – сотен тысяч до нескольких миллионов лет. Однако вопрос о моменте возникновении криминалистики и её первопроходцах остаётся открытым. Бытует мнение, что до потопа, достаточно длительный период своего существования люди вообще жили без греха, преступности не ведали, вследствие чего до «полицейской техники» им не было никакого дела.

В свете изложенного, инициирование дотошных исследований на сей предмет лишь усугубляет проблему, ибо всякий энтузиаст, который сподобиться, вдруг, заняться ими, неминуемо столкнется с рядом сомнительных, говоря языком криминалистики, «исходных ситуаций». Одна из них сопряжена с уголовным процессом, возникшим, якобы, на заре рабовладельческого строя, и прошедшим впоследствии все этапы революционных преобразований в рамках общепринятой (марксистской) догмы о последовательном обновлении общественно-экономических формаций [21].

Что касается криминалистики, то повременных упоминаний о ней в документальных и литературных источниках особо не сохранилось. Надо полагать, они канули в Лету вследствие укоренившейся небрежности, а может быть преступной «аккуратности» никому не ведомых «архивариусов».

Вышесказанное и дало некоторым авторам право на выдвижение тезиса о том, будто бы труды советско-российских криминалистов всех аспектов представляемой ими науки не исчерпали [20, с. 39-51], ибо не в полной мере освятили её богатейшую «родословную». В них подчеркивается лишь, что изначально она возникла как наука о практических средствах и методах расследования преступлений, основанных на положениях естественных и технических наук [15, с. 5].

Складывается впечатление, что несмотря на солидную школу доморощенных ученых, перечислять имена и регалии которых не хватило бы объема серьезной (по объему) научной статьи, их неоценимый вклад в эволюцию рассматриваемой отрасли научных знаний по умолчанию отходит в небытие, угнетая и без того неопределенный статус Российской Федерации как «страны невыученных уроков».

Нельзя не учитывать и того, что на протяжении обозримого периода своего существования Российское государство, попеременно меняя официальные «вывески», практически постоянно втягивалось в изнурительные войны, в силу чего криминалистическими изысками заниматься было и некому, и некогда. Исключение может составить лишь полевая криминалистика, наблюдения в части касающейся которой, наверное, были, как были и мысли. Однако запатентовать последние, или по-другому, «застолбить» авторство тогдашним «естествоиспытателям», видимо, не удавалось.

Именно поэтому в интерпретации хроникальных событий отечественной криминалистки так зримо довлеет заморское начало, проявляющее себя в труднопроизносимых фамилиях «авторитетов», в

Как цитировать статью: Бажанов С.В. Скрытая предыстория смутных будней российской криминалистики // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). с. 9–16

заимствованных (*оттудова*) словообразованиях, а равно в отдельных понятиях и категориях. В качестве примера можно привести хотя бы слово «след» (на французском языке – la trace), откуда произошло наименование одного из классических подразделов криминалистической техники – трасологии, тогда как логичнее, а главное – приятнее было бы использовать выражение «следология».

Оригинальной литературы по истории криминалистики, равно как и её переводных (адаптированных) изданий в распоряжении автора настоящей статьи не имеется, в силу чего приходится довольствоваться теми незначительными выкладками, которыми «кишит» на эту тему Интернет. Поклонники объективного отражения постулатов гуманитарной науки могут возразить в том смысле, что упомянутая выше «всемирная паутина» невероятно далека от правдивого изложения даже вполне очевидных фактов. Однако ветераны литературного фронта, а также знатоки издательского дела не дадут автору настоящей статьи соврать, поскольку и печатные (бумажные) репринты сплошь и рядом напичканы самыми невероятными фейками, особенно тогда, когда их авторы пытаются чересчур легковесно комментировать события многовековой давности.

Надо заметить, что в интернетовских обзорах мировой криминалистики никому неведомые сочинители используют терминологию крайне низкого сорта, представляющую собой конгломерат словообразований, почерпнутых из области криминологии, уголовного и, в равной мере, колхозного права, а лишь потом – криминалистики.

Согласно названному источнику, основателем криминалистики признаётся Ганс Густав Адольф Гросс – «рядовой» следователь из Австрии – страны, где преступность особых хлопот правоохранителям никогда не доставляла. Работал он судебным следователем в Черновцах («...что-то слышится родное...» – **С.Б.**). Подготовил рекомендации по расследованию преступлений, легшие в основу его труда «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции» (1893). Так и не получив докторской степени, он стал профессором *уголовно-исполнительного права* в местном университете (1897), перейдя в 1902 г. в Пражский университет, а вскорости – в университет провинциального Граца (1905), где благополучно закончил свои дни (1915).

Примерно в эти же предреволюционные годы в Российской Империи стала приумножаться преступность, а имевшийся опыт борьбы с ней уже не отвечал предъявлявшимся требованиям. Это объективировало социальный заказ на разработку продвинутых методов расследования, которые Р.А. Рейс назвал «научной полицией» («технической полицией», «техническими методами следственного производства»), А. Вейнгардт – «уголовной тактикой», В. Штебер – «уголовной полицией», Г. Шнейкерт – «уголовной техникой», а упоминавшийся уже Г. Гросс – (собственно) «криминалистикой».

В русле этой «плодотворной» работы была предпринята попытка создания принципиально новой (типовой) схемы расследования преступлений, пригодной «для всех случаев жизни». Предполагалось, что путем последовательного расширения и уточнения её компонентов наука должна была снабдить субъектов поисково-познавательной деятельности достаточными знаниями и устойчивыми навыками, способными привести их к достижению «назначения уголовного судопроизводства».

С высоты современных научных веяний следует признать, что в подобном подходе пробивались первые «ростки» до конца не осмысленных представлений о криминалистической характеристике преступлений (КХП), замышлявшейся учеными в качестве научной абстракции – системы сведений о типичных элементах видовых криминальных ситуаций, уголовно-релевантных связях между ними, а также особенностях механизма образования следов [19, с. 4].

Спустя годы, КХП стала трактоваться как инструмент, предназначенный по неполной совокупности имеющихся в распоряжении субъекта доказывания элементов с известной долей вероятности устанавливать недостающие.

Однако предпринятые впоследствии обобщения накопленного опыта каких-либо закономерностей (корреляций) в этом вопросе не выявили, что, в конечном итоге, и позволило профессору Р.С. Белкину заявить о том, что КХП возлагавшихся на неё надежд не оправдала, и, по сути, себя изжила [12, с. 223]. Надо заметить, что данная точка зрения разделялась не всеми.

При ознакомлении с литературой по истории криминалистки, поневоле испытываешь недоумение в связи с обнаруживаемыми то там, то тут вкраплениями явно сомнительной природы. Их суть сводится к тому, чтобы убедить читающую аудиторию в том, будто бы в основу научных изысканий первых отечественных криминалистов (Л.Е. Владимирова, И.Н. Якимова, В.И. Громова и др.) клались идеи иностранных авторов (практиков). В данном контексте наряду с Г. Гроссом, А. Вейнгардтом, Р. Рейсом упоминаются также: А. Бертильон, Б.Л. Бразоль, Х. Вучетич, Р. Гейндль, Э. Локар, Ч. Ломброзо, С. Оттоленги, «одарившие», якобы, имперских местечковых специалистов новейшими приемами и способами расследования преступлений.

Несколько по-иному, но равно в навязчивой манере, подается информация, в частности, о С.Н. Трегубове, который в 1912 г. подготовил конспекты лекций, прочитанных затем швейцарским криминалистом, доктором *химии*, профессором Лозаннского университета Р.А. Рейсом группе высокопоставлен-

ных судебных чиновников России. В их числе был С.М. Потапов – будущий лидер советской криминалистики.

В своих трудах названные и многие другие авторы (Н.С. Бокариус, С.А. Голунский, В.И. Громов, А.А. Захарьин, А.А. Поповицкий, С.М. Потапов, В.Л. Русецкий, А.А. Сальков, П.С. Семеновский, Н.В. Терзиев, Б.М. Шавер, И.Н. Якимов) в той или иной степени выделяли методические рекомендации в самостоятельный раздел (учебного курса) криминалистики. При этом под методом расследования ими понимались допустимые законом, разработанные наукой и практикой, проверенные опытом приемы и способы исследования преступлений и обнаружения «виновников».

По ходу (и «объективности ради») «редакторы» научных трудов поименованных выше ученых, как бы исподволь, подводили поклонников этого «популярного жанра» к мысли о том, что западные криминалисты еще до опубликования трудов (того же В.И. Громова) «уже тогда» выделяли методические рекомендации в самостоятельный раздел криминалистической теории.

В справочниках П.П. Михеева, Н.Н. Семенова, подготовленных «на основе» работ Е. Анушат, А. Вейнгардта, Г. Гросса, А. Ничефоро, С. Оттоленги, Р. Рейса, И.Н. Якимова, криминалистика подразделялась на три основных раздела: уголовную технику, уголовную тактику и методологию. Последний из них, по замыслу единомышленников, призван был обучать следователей правильному применению методов уголовной техники и тактики при производстве по конкретным уголовным делам.

В итоге заказанная «наглядная картинка» втемную подводила неискушенного исследователя к однозначному выводу о том, будто бы отечественная научная литература по криминалистике до 30-х гг. XX в. представляла собой конгломерат отчасти переводной, отчасти компилятивной, а в остальном – давно устаревшей «версии» мировых достижений в рассматриваемой области. Таким примитивным способом у российских «аборигенов» формировался комплекс неполноценности, затушёвывавший вопрос о плагиате, постановку и обострение которого никто почему-то не инициировал.

«Наметившееся» отставание советской криминалистики от потребностей практики и в последующие годы подавалось с упрямой оглядкой по сторонам. Аргументировалось оно непростой политической обстановкой в СССР, непримиримой борьбой с врагами народа, «орудовавшими в области права», «загонявшими», вследствие этого, криминалистику на «задворки истории». Подспудно нагнеталась неуёмная критика чуждых советскому строю воззрений буржуазных ученых, позиционировавших преступника как представителя враждебного класса, действовавшего в условиях жесткой идеологической борьбы. Таким образом, в условиях политизированной науки объективное восприятие криминалистики «самостийными пытливыми умами» было затруднительным, хотя некоторыми из них уже тогда высказывалось заслуживающее поддержки мнение о том, что единых методов и способов расследования преступлений, скорее всего, не существует. Целесообразна разработка лишь некоей совокупности общих принципов, которыми позволительно руководствоваться ученым-последователям при разработке частных криминалистических методик (Б.М. Шавер).

Перечисленные тенденции нашли отражение в работах М.Е. Евгеньева (1940), Б.Л. Зотова (1955), а несколько позже – А.В. Васильева, А.Н. Калиниченко и И.М. Лузгина, которые, следуя «традициям, заложенным зарубежными криминалистами», заостряли внимание на необходимости:

– строгого соблюдения последовательности в производстве неотложных и последующих следственных действий;

– понимания методики расследования как обособленного раздела криминалистики, состоящего из общих положений и частных (конкретных) методик.

Дальнейшая разработка криминалистической методики привела к включению в неё правовых основ, принципов организации, способов совершения преступлений, организационных мероприятий по их предотвращению, раскрытию и расследованию; криминалистических характеристик и классификаций, а равно представлений о периодизации этапов расследования (следственных ситуациях) и «обстановок вокруг уголовных дел».

В учебнике криминалистики (1952) констатировалось, что «Часть науки советской криминалистики, обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая в строгом соответствии с требованиями советского уголовно-процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений, называется методикой расследования отдельных видов преступлений, или частной методикой» [14, с. 4].

В более поздних сочинениях на эту тему приведенная формулировка, за малыми исключениями, повторялась [16, с. 606]; её же придерживался профессор И.А. Возгрин [13, с. 3] и др.

В учебнике криминалистики (2009) составители главы 31, участие которых в ней строго не разделено, описывая общие положения методики расследования преступлений, утверждают, что начало исследованию этого раздела криминалистики в советской науке было положено И.Н. Якимовым (1925). Третья часть изданного им руководства по уголовной технике и тактике так и называлась: «Методология.

Применение методов уголовной техники и тактики к расследованию преступлений». И, несмотря на то, что составленная им «схема расследования преступлений» заимствовала схему расследования западноевропейского (хорошо, не южноафриканского – **С.Б.**) криминалиста Ничефоро, претендующую на универсальность, данная работа сыграла свою положительную роль в дальнейшей теоретической разработке этого раздела науки [17, с. 560, 561].

Зациклившись на Ничефоро, автор настоящей статьи задумался: фамилия это или имя, родственное российскому Никифору или (в украинском просторечье) – Ничифору? Ответ обнаружился в Интернете: Альфредо Ничефоро – *криминолог*, *антрополог* школы Ч. Ломброзо, *социолог*, *статист* и *криминалист*, обучавшийся *криминологии* в Лозанне (Швейцария) и Брюсселе (Бельгия), а *статистике* – в университетах Неаполя и Рима.

Что российскому бомонду известно об Италии? – Четвертая экономика в Европе после Германии, Франции и Испании. Общественность будоражит преступность, главным образом, уличная («щипачи», «барсеточники»); об остальной её части ничего «такого» не слышно. Она если и существует, то в очень организованных формах, о методах борьбы с которыми дискутировать вслух не принято. Несмотря на это, ученый-энциклопедист А. Ничефоро сподобился-таки изобрести методику расследования преступлений, которую впоследствии «срисовали» советские криминалисты.

Методика расследования преступлений – последний (четвертый) раздел криминалистики, совершенствующийся вплоть до настоящего времени. Описание входящих в её структуру частных методик осуществляется по следующей «типовой» схеме:

– краткая криминологическая характеристика преступлений (по видам);

– краткая уголовно-правовая характеристика преступлений;

– развернутая криминалистическая характеристика преступлений (которая, как научная категория, вроде бы себя изжила);

– источники первичной информации о преступлении, увязываемые с типичными исходными ситуациями;

– типичные версии, выдвигаемые при планировании расследования;

– порядок производства неотложных и первоначальных следственных действий (которые многими авторами почему-то отождествляются);

– особенности (очередность) назначения и производства судебно-экспертных и криминалистических исследований.

При ближайшем рассмотрении любая частная методика расследования представляет собой алгоритм действий субъекта доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса, долженствующего преодолевать череду повторяющихся в определенной последовательности (одна за другой) следственных ситуаций. Принято полагать, что строгое соблюдение очерченного регламента в состоянии приводить следователя к успешному завершению расследования (с составлением обвинительного заключения), хотя оное нередко приостанавливается либо прекращается вовсе, в том числе по надуманным основаниям. Объясняется это тем, что следственным путем раскрывается лишь малая толика регистрируемых уголовно наказуемых деяний – 1,5-2,0% (за вычетом латентных), что актуализирует постановку вопроса о приемлемости некогда не состоявшейся функции расследования (в традиционном понимании), но не оправдывает факт отказа от неё в пользу так называемого уголовного преследования. В научно-исследовательском ракурсе такое «телодвижение» – крутой реверанс в бок.

Обсуждать суррогатную функцию уголовного преследования в данном случае и в данном контексте возможно лишь с «особым пристрастием», поскольку она:

– являет собой махровый анахронизм, заимствованный (как понятие) из «мрачной глубины веков»;

– подрывает на корню демократическую природу российского уголовного процесса (как идею).

Если раньше следователь, руководствуясь принципом всесторонности, полноты и объективности расследования, обязан был добывать любые сведения, становившиеся при их оценке обвинительными или оправдательными доказательствами, то теперь его поисково-познавательная деятельность приняла однобоко обвинительный уклон. Стало не ясно, кто в «новых» условиях обязан собирать «оправдательные доказательства» с намёком на потенциал профессиональных защитников, могущих, будто бы, налаживать оное в условиях адвокатского расследования (адвокатского уголовного преследования?). До этого, слава Богу, пока не дошло [8, с. 19-27].

В то же время, проповедуя для наук уголовно-правового блока единую терминологию, частные методики расследования правильнее было бы называть частными методиками уголовного преследования, что провоцирует возникновение малопродуктивных, и в силу одного уже этого, бессмысленных дискуссий.

Что до частных криминалистических методик, то в их содержание целесообразнее бы включать не криминологические и уголовно-правовые характеристики преступлений, которые, в тесном смысле, не имеют к ним прямого отношения, и даже не криминалистические, а, вроде бы как, – оперативно-розыскные. Но и здесь обнаруживается незадача, поскольку оперативно-розыскное расследование, как известно, в предмет криминалистики не входит.

Поэтому в виду недостаточной научной проработанности «озвученной» проблемы и получается, что предварительное расследование, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений, имеющих широкую географию, большое количество обвиняемых и эпизодов противоправной деятельности длится подчас годами и заканчивается ничем (например, по налоговым преступлениям) [6, с. 3-6]. Если сюда приплюсовать неизбежные долгосрочные судебные разбирательства становятся очевидными недоработки современной государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью. Статья 6.1 УПК РФ, регламентирующая нерегулируемый, выраженный оценочным понятием, «разумный срок», положения не спасает [7, с. 15-19].

Складывающаяся вокруг процессуальной деятельности следователей обстановка осложняется еще и тем, что многие ученые, рассуждая об организации расследовании преступлений, стали избегать выражения «раскрытие». Поначалу задумались над тем, какой термин – «раскрытие» или «расследование» – ставить впереди? Затем «обнажилась» проблема второго порядка: как толковать термин «раскрытие» с позиций оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права?

В первом случае особых трудностей не возникало; по сложившейся традиции преступление признавалось раскрытым с момента выявления и оперативно-розыскного документирования посредством сыскных доказательств факта преступления и лица, к нему причастного [4].

Во втором случае всё оказалось сложнее. По старой (советской) следственной практике преступление относилось к числу раскрытых с момента вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого (выставлялась карточка по форме № 2 на лицо, его совершившее) [18, с. 7,8].

Однако позднее в теории уголовно-процессуального право возобладало мнение о том, что преступление следует признавать раскрытым только после вступления обвинительного приговора суда в законную силу (презумпция невиновности; ст. 14 УПК РФ). С тех самых пор вопрос этот «повис в воздухе».

Так или иначе, но российские ученые не перестают удивлять своих и чужих коллег новейшими разработками методик проведения судебно-экспертных и криминалистических исследований в области биометрических данных человека, компьютерной информации, полиграфологии, одорологии и проч. Несмотря на их индивидуальную значимость, сами по себе эти методики далеко не всегда позволяют субъекту поисково-познавательной деятельности успешно оканчивать расследование. Самостоятельную ценность они приобретают лишь в тех нечастых случаях, когда проистекающие из них заключения (экспертов) непосредственно устанавливают так называемый «главный факт». В других же преобладающих в следственной практике случаях, заключения экспертов, использовавших указанные методики, выступают в качестве «рядовых» доказательств в совокупности с другими, если, конечно, таковые в распоряжении субъекта доказывания имеются. Их оригинальность не превосходит обыденности, ибо они, если и приближают следователя к объективной истине, то окольно, с великой задержкой во времени. А это превращает любую частную криминалистическую методику в очередную научную мистификацию, не более.

Стало быть, комментируемые экспертные методики в познавательном аспекте науку, безусловно. обогащают, а в прикладном (потребителей) – «порабощают», поскольку всерьез удорожают продолжающееся и после приобщения к материалам уголовного дела заключений экспертов судопроизводство.

Перечисленные факторы актуализировались в конце XX – начале XXI вв. на фоне обвальной дифференциации правоохранительных и контролирующих органов, вознамерившихся в одночасье обрести независимость, – тенденции нашедшей отражение, в частности, в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1].

Возобладавший в умах ученых «зуд реформаторства» трансформировался в спонтанное дробление некогда интегрированных в едином ведомстве подразделений и служб, неоднозначно переживших своё обновленческое обустройство впоследствии; достаточно вспомнить о судьбе налоговой полиции (2003).

Одновременно приумножились научные дискуссии о недопустимости совмещения в одном должностном лице разнородных функций, чего не избежал и статус следователя. Утвердилась точка зрения о том, будто бы его правовое положение сочетает в себе функцию уголовного преследования, по недоразумению отождествлявшуюся с функцией обвинения, с частично остававшейся в его распоряжении функцией защиты, и даже с функцией (окончательного) разрешения дела по существу (без направления в суд).

Но и этого оказалось мало. Многие энтузиасты начали выступать за необходимость назначения и проведения в ряде случаев, так называемых, независимых экспертиз, которые на поверку не всегда выполнялись добросовестно. Робкие возражения на этот счёт местами как раздавались, так и раздаются, в том числе и потому, что средняя их («коммерческих» экспертных исследований) стоимость в различных регионах Российской Федерации колеблется в пределах 300000 руб.

Подводя черту под приведенными соображениями, остаётся добавить, что криминалистические

характеристики преступлений, методики проведения судебно-экспертных и криминалистических исследований, а также частные методики расследования, в теоретическом плане удовлетворяя потребности ученого сообщества, в прикладной плоскости далеко не всегда способствуют радикальному сокращению процессуальных сроков. Упование в них на то, что в каждом отдельном случае следователь наделяется правом на обращение к оперативно-розыскным органам за содействием, по сути, ничего не меняет.

В то же время при «вынашивании» частных криминалистических методик их разработчики не исключают того, что широкое использование в расследовании приемов и способов раскрытия отдельных видов преступлений может оказываться приемлемым и для других (смежных) частных методик, что обусловливает их трансформацию в методики родовые [9, с. 43-47].

Проблемы уголовно-процессуальной деятельности «на тонком плане» осложняются еще и тем, что ученые процессуалисты и криминалисты, а также официальные представители следственных органов, «вываливающие» на суд общественности (с экранов телевизоров) рабочие версии намечаемых расследований, сплошь и рядом трактуют преступление как событие, а не юридически значимый факт в форме деяния [3, с. 31-36]. Несмотря на то, что означенную терминологию («событие преступления») использует и законодатель, подобные толкования, как это не покажется парадоксальным, следует считать некорректными.

Вышесказанное свидетельствует о том, криминалистика последнего своего слова об эффективном предупреждении, выявлении и расследовании преступлений всё еще не сказала, хотя на горизонте российской науки очертания перспективных прикладных исследований на этот счет, вкупе с достижениями других наук уголовно-правового блока, просматриваются неплохо.

1. Легализация уголовной ответственности юридических лиц за отдельные виды преступлений, особенно экономической направленности. Данный институт применяется в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Китае и др. уже давно; считается, что угроза уголовного наказания способна повысить эффективность вневедомственного и внутриведомственного надзора (контроля), а также заинтересованность компетентных должностных лиц в соблюдении требований федеральных законов вопреки эгоистическим (корпоративным) интересам.

Предполагается, что внедрение аналоговых механизмов в российскую правоприменительную практику в состоянии оптимизировать порядок применения юридических санкций к субъектам различных секторов экономики, в том числе к кредитным организациям, замеченным в незаконном перемещении принадлежащих им активов за рубеж [10, с. 24-31], а также активизировать возвращение преступно нажитых капиталов на родину их происхождения.

Но для начала ведущим отечественным экономистам пора разобраться с вопросом о том, является ли Банк России государственной организацией. Сторонники его автономности апеллируют к тому, что у мегарегулятора, мол, должны быть свои потаенные секреты. В таком случае не ясно, зачем вообще нужен вневедомственный, а в особенности, внутриведомственный (банковский) надзор и контроль?

Положительное решение данного вопроса в состоянии повысить качество работы федеральных органов власти по предупреждению преступлений, совершаемых в сфере банковской деятельности, причем не обязательно в уголовно-правовом порядке. Правило объективного вменения оказывается здесь весьма кстати. Банк России выдаёт лицензию, отзывает её; он же должен отвечать за неблагоприятные последствия в банковском секторе экономики принадлежащими ему активами («живым рублем»).

2. Разработка учеными криминалистами высококачественных частных техник (технологий) выявления и раскрытия преступлений, к числу которых навскидку можно было бы отнести:

– частные ЛСД-техники (технологии) [2, с. 26-28];

– частные техники (технологии), предполагающие использование спутникового слежения (мониторинга) за поверхностью земли и находящимися на ней объектами с надлежащим программным обеспечением бортовых компьютеров;

– частные техники (технологии), позволяющие проявлять и фиксировать в наблюдаемом пространстве (с использованием технико-криминалистических средств, а также с учетом фактора времени) полную следовую картинку преступления, учитываемого по линии уголовного розыска (как запланированного, так и ситуационного, совершенного (бес-) контактным способом, с поправкой на возможные уловки по инсценировке, маскировке и проч.);

– частные оккультные техники (технологии), по поводу которых в периодической печати публикаций скопилось относительно немного; чего в них больше – безоговорочного неприятия, огульного охаивания или тупого высмеивания – сказать трудно (дебаты на эту тему оставим для закоренелых атеистов).

Судя по юридической литературе, активных научных подвижек, ориентированных на частные техники (технологии) выявления и раскрытия преступлений, что-то не наблюдается. Не исключено, конечно, что они «зреют» в умах ученых, работающих в стенах закрытых научно-исследовательских учреждений и ревностно хранящих государственную тайну. Оно и

понятно. Криминалистика считается наукой общественной. Тем не менее, она не обязана популяризировать присущие ей средства и методы среди процветающего и подрастающего поколения.

Основательное научное осмысленное, добросовестное теоретическое обоснование частных криминалистических техник (технологий) с поэтапным внедрением их в оперативно-розыскную и следственную практику способно:

– повысить эффективность поисково-познавательной деятельности её субъектов;

– нивелировать разрастание в (до-) судебных стадиях уголовного процесса высокоинтеллектуальной демагогии адвокатов;

– снизить остроту этико-эстетических переживаний либерально настроенной интеллигенции и обывателей по поводу моральной природы договоров «купли-продажи», заключаемых в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Творческая эволюция любой социальной системы проистекает из обыденной созерцательности её передовых умов, изучающих явления окружающего мира сквозь призму догадок и элементарных процедурных решений. Игнорирование данного обстоятельства грозит вернуть людей в первородное состояние, когда основная их масса жила в пещерах, зажиточная часть – на деревьях (элитная – на фруктовых). Естественно при условии, что таковое «общежитие» в истории человечества вообще имело место быть.

Дедуктивный метод исследования, которым «грешит» криминалистика, оказывается здесь весьма востребованным.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
2. *Бажанов С.В.* Предупреждение общественно-опасных деяний невменяемых // Законность. 1997. № 2.
3. *Бажанов С.В.* Совершенствование понятийного аппарата стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Академии права и управления. 2012. № 29.
4. *SV Bazhanov* Identification and investigation of the crimes of the Russian police: monograph. Germany: Palmarium Academic Publishing, 2014.
5. *Бажанов С.В.* Прокурор как участник досудебных стадий уголовного процесса: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
6. *Бажанов С.В.* Взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов при выявлении налоговых преступлений // Налоги. 2018. № 1.
7. *Бажанов С.В.* Сомнительная социальная ценность статьи 6.1 УПК РФ // Международный журнал «Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики». 2018. № 3.
8. *Бажанов С.В.* Надзор и уголовное преследование как пара конкурирующих прокурорских функций // Вестник Академии права и управления. 2018. № 4 (53).
9. *Бажанов С.В.* Экономико-правовые факторы, подлежащие учету при разработке родовой криминалистической методики расследования преступлений, связанных с незаконным выводом банковских активов за рубеж // Российская юстиция. 2018. № 8.
10. *Бажанов С.В.* Искусственное банкротство кредитных организаций и незаконный вывод принадлежащих им активов за рубеж как факторы риска для банковского и сопряженного с ним бизнеса // Безопасность бизнеса. 2019. № 2.
11. *Баллюзек Ф.В., Куркаев А.С., Сквирский В.Я.* Лечебное серебро и медицинские нано технологии. СПб, Диля. 2008.
12. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001.
13. *Возгрин И.А.* Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. Ленинград, ВПУ МВД СССР, 1977.
14. Криминалистика. Ч. 2 / под ред. С.П. Митричева и П.И. Тарасова-Родионова. М.: ГИЮЛ, 1952.
15. Криминалистика: краткая энциклопедия / автор-составитель Р.С. Белкин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.
16. Криминалистика: учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб, 2001.
17. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009.
18. *Крылов И.Ф.* Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. Ленинград, Издательство Ленинградского университета, 1975.
19. *Радаев В.В.* Криминалистическая характеристика преступлений и её использование в следственной практике: лекция. Волгоград, ВСШ МВД СССР, 1987.
20. *Сокол В.Ю.* Ганс Гросс – основатель современной криминалистики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 3 (17).
21. *Чельцов-Бебутов М.А.* Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Курс уголовно-процессуального права. СПб, 1995.

УДК 340.1

Ломтев С.П.,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОГО И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Статья носит постановочный характер и содержит обоснование актуальности проблем историко-правового образования и современного соотношения понятийных категорий преступлений техногенного характера и их законодательного закрепления в нормах уголовного права и соответствующих положениях науки уловного права.
В статье критически оценивается отечественный опыт законодательной регламентации обеспечения техногенной безопасности с точки зрения противодействия общественно опасным техногенным факторам, составляющих основу криминализации технической неосторожности.
При написании научной статьи использованы такие методы научного познания, как историко-правовой, сравнительно-правовой и метод анализа документов.
В итоге автор приходит к выводу, что сложная, межотраслевая социально-правовая и научно-техническая природа техногенных преступлений образует самостоятельный объект противоправного посягательства, а также предмет соответствующей законодательной регламентации и понятийно-категориальной характеристики.
Ключевые слова: научно-технический прогресс (НТП), социально-техногенные проблемы, преступления техногенного характера, ответственность за нарушения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечение техногенной безопасности, частная уголовно-правовая теория техногенных преступлений

Lomtev S.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

CRIMINAL TECHNOLOGY CHARACTER: PROBLEMS OF CONCEPTUAL AND LEGISLATIVE DEFINITION

The article is of a staged nature and contains a substantiation of the relevance of the problems of historical and legal education and the modern correlation of conceptual categories of man-made crimes and their legislative recognition in the norms of criminal law and the relevant provisions of the science of sensory law.
The article critically evaluates the domestic experience of legislative regulation of ensuring technological safety from the point of view of counteracting socially dangerous technological factors, which form the basis of the criminalization of technical negligence.
When writing a scientific article used such methods of scientific knowledge, such as historical and legal, comparative legal and method of analyzing documents.
As a result, the author comes to the conclusion that the complex, inter-sectoral socio-legal and scientific-technical nature of man-made crimes constitutes an independent object of unlawful encroachment, as well as the subject matter of the relevant legislative regulation and conceptual and categorical characteristics.
Keywords: scientific and technical progress (STP), social and technological problems, human-made crimes, responsibility for violations in the field of protection of the population and territories from natural and industrial emergencies, ensuring technological safety, private criminal law theory of technological crimes

Развитие российской уголовной политики в настоящее время характеризуется все большим расширением и углублением достижений уголовно-правовых науки, интенсивным восполнением пробелов в нормах уголовного законодательства и совершенствованием практики их применения, эффективность которой находится в прямой зависимости от степени соответствия уголовно-правовых норм скла-

Как цитировать статью: Ломтев С.П. Преступления техногенного характера: проблемы понятийного и законодательного определения // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). с. 17–20

дывающимся общественным отношениям в конкретно-исторических условиях.

С конца XIX века все возрастающее двойственное влияние научно-технического прогресса (НТП) на общественное развитие привело, с одной стороны, к фронтальной материализации познавательных способностей человека, а с другой – тотальному воздействию негативных последствий научно-технических достижений на природно-социальную среду. Так, еще во второй половине XIX века российский общественно-политический деятель и философ П.Н.Ткачев (1844-1885) пророчески заметил, что «технический прогресс истощает и расхищает богатства природы, и, разнообразя и украшая внешнюю форму предмета, ухудшает, подменяет его сущность» [1].

Складывающаяся неблагоприятная в постиндустриальном мире ситуация, естественно, вызвала научно-практический интерес среди ученых и специалистов различных отраслей научного знания, что нашло отражение в постановке и решении тех или иных аспектов социально-техногенных проблем, исходя, как отмечал лауреат Нобелевской премии И.П.Павлов (1849-1936), из сохранения взаимосвязи природы и общества как целостных систем до тех пор, пока все «составляющие их элементы уравновешены между собой» [2].

В современных условиях социально-экономического и научно-технического развития России вполне осознается общественная опасность воздействия на природу, общество и человека техногенных факторов [3] и, как результат, – последовательно принимаются и реализуются нормативные правовые акты, регламентирующие государственно-правовые меры по локализации и последовательному устранению причин и условий, способствующих совершению соответствующие правонарушений и преступлений.

К началу 1990-х годов в России проблема противодействия экологическим, а, по существу, во многом и техногенным факторам нашла отражение в Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», ст. 85 которого, определив нарушения в социально-техногенной сфере как «общественно опасные деяния, посягающие на безопасность общества» [4], но не закрепил ни правовое понимание юридической ответственности, ни специфические признаки объекта противоправного посягательства.

Более предметную законодательную регламентацию проблема обеспечения техногенной безопасности получила в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 г.), определившим в ст. 1 «Основные понятия» закона «… общие для Российской Федерации организационно-правовые нормы в области защиты граждан Российской Федерации …». Но, закон, увы, ограничился лишь общими положениями о наступлении различных видов юридической ответственности должностных лиц, граждан Российской Федерации и организаций, признанных виновными в «…невыполнении или недобросовестном выполнении законодательства России в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, создании условий и предпосылок к возникновению чрезвычайных ситуаций, непринятии мер по защите жизни и сохранению здоровья людей и других противоправных действиях …»[5].

В итоге ни на момент принятия, ни в более поздних редакциях положения этого закона об ответственности за нарушения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера не корреспондировались с нормами уголовного законодательства.

Одновременно с развитием законодательства о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в трудах ученых проблемы уголовно-правового обеспечения техногенной безопасности с течением времени получили не только различные прикладные, а в соответствии с Распоряжением Правительства России от 31.08.2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» и доктринальные трактовки проблемы обеспечения техногенной безопасности, в том числе и в контексте с обеспечением стратегии обеспечения экологической безопасности [6] и национальной безопасности России [7].

Однако, разработка уголовно-правовых норм в сфере противодействия техногенным преступлениям в те годы, к сожалению, практически не осуществлялась в силу ряда разнохарактерных и во многом взаимосвязанных причин. К их числу можно отнести и наличие соответствующих законодательных пробелов, и социальная неадаптированность уголовно-правовых норм эколого-правового содержания, и отрицание социальной оправданности их применения на том основании, что, несмотря на широкую распространенность нарушений правил соблюдения техники безопасности при эксплуатации источников повышенной опасности, в уголовно-правовом плане они явно недооценивались [8], возможно, в силу их совершения по неосторожности (в форме преступной самонадеянности или преступной небрежности), что и определило их как непредставляющих большой общественной опасности [9].

Весьма уместно привести точку зрения Б.Н.Топорнина, согласно которой «у государства есть и не может не быть первейшей обязанности, состоящей в том, чтобы не только провозглашать языком закона незыблемые права человека, но и обеспечить их реализацию соответствующими средствами и ме-

ханизмами, в том числе правовыми» [10], и, если продолжить мысль ученого, то речь может идти об обеспечении конституционного права каждого человека на «благоприятную окружающую среду» (ст. 42 Конституции Российской Федерации) в их числе и уголовно-правовыми средствами.

Актуализация правовых проблем борьбы с техногенными преступлениями в значительной степени снижалась и по причине многолетней практики засекречивания данных о техногенных авариях и катастрофах, которые не доводились не только до граждан, но и ученых-юристов и специалистов иных отраслей научного знания, что, естественно, создавало формально-юридические препятствия для формирования среди населения и научной общественности реальных представлений о состоянии техногенной остановки в конкретном регионе или в целом по стране, а равно и об общественной опасности преступлений техногенного характера [11].

Возможно, в силу вышеназванных и иных причин, а также существенного отставания отечественного законодательства от соответствующего зарубежного опыта [12] остается все еще открытым вопрос о понятийном и законодательного определении техногенных преступлений, хотя, как представляется, в общей структуре отраслей научно-технического и социо-гуманитарного знания созданы соответствующие предпосылки в виде теории и практики предупреждения техногенных рисков в рамках обеспечения техногенной безопасности в целом [13] как теоретико-методологической основы криминализации технической неосторожности.

В этой связи вполне актуальной можно признать проблему формирования частной уголовно-правовой теории техногенных преступлений, сочетающей обоснование как стратеги и тактики государственно-правового противодействия нарастающим негативным тенденциям в социально-техногенной сфере, так и конкретных мер уголовно-правовой ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Центральным вопросом здесь можно обозначить разработку соответствующего понятийного аппарата, позволяющего раскрыть специфическое содержание техногенных преступлений и определение возможностей его закрепления в нормах уголовного закона, что имеет важное научно-практическое значение для установления оснований уголовной ответственности и квалификации преступлений данной категории и их дифференциации со смежными, прежде всего экологическими, преступлениями, если учесть, что предусмотренные в главе 26. УК России «Экологические преступления» нормы об уголовной ответственности за экологические преступления не определяют понятийное их содержание.

Не менее важно как в теоретическом, так и прикладном (нормотворческом, в частности) плане учесть и то обстоятельство, что основанные на социальнаучно-технических знаниях техногенные понятия, в частности, постоянно находятся в диалектическом развитии, отражая, как пишет Е.П. Никитин: «… необходимую ступень, предшествующую выработке научного объяснения, а в целом – путь познания от опытно-иллюзорного описания фактов, явлений и событий до объяснения закономерностей их возникновения, внутреннего содержания и тенденций развития» [14].

Очевидно, что одной из тенденций развития науки уголовного права можно признать теоретико-прикладное объяснение сложной социально-правовой и научно-технической природы техногенных преступлений как самостоятельного объекта противоправного посягательства и предмета соответствующей законодательной регламентации.

Список литературы

1. *Ткачев П.Н.* Кладези мудрости российских философов /Вступ. статья составление, подготовка теста и примечания Б.М. Шахматова. (Из истории отечественной философской мысли. Приложение к журналу «Вопросы философии») – М.: Правда, 1990. – С. 429.
2. *Павлов И.П.* Полн. собр. соч.: в 6-ти т. Т. 3. Кн. 1. – М., 1951. – С. 20.
3. *Дмитриев А.Н., Шитов А.В.* Техногенное воздействие на природные процессы Земли. Новосибирск: Манускрипт, 2003; Мастрюков Б.С. Опасные ситуации техногенного характера и защита от них. – М.: Академия. 2009; Он же: Безопасность в чрезвычайных ситуациях в природно-техногенной сфере. Прогнозирование последствий. – М.: Академия. 2011; Белов С.В. Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды (техносферная безопасность). – М.: Юрайт. 2012 и др.
4. ВВС РСФСР. 1992, № 10. Ст. 457.
5. СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
6. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 апреля 2017 г. № 176.
7. *Голубев В.И., Пусько В.С.* Национальная безопасность: концептуальные основы, механизм обеспечения, слагаемые техногенной безопасности России. – М.: ВУ. 1996; Васильев А.И. Техногенная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Президент. Парламент. Правительство.

Апрель, 1998; он же: Национальная и техногенная безопасность России (проблемы взаимосвязи): Монография. – М.: Манускрипт. 1998.
8. *Васильев А.И.* Проблемы социальной и уголовно-правовой оценки преступлений техногенного характера. – М.: Манускрипт, 1998.
9. *Квашис В.Е.,* Махмудов Ш.Д. Ответственность за неосторожность. Душанбе, 1975; Терентьев Б.П. НТР и вопросы криминализации технической неосторожности // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток, 1978; Широков Ю.А. Техногенная безопасность. Организация, управление, ответственность. – СПб., «Лань». 2017. и др.
10. *Топорнин Б.Н.* Права человека и разделение властей // Права человека: время трудных решений. – М., 1991.- С. 25.
11. Первые упоминания о грубых нарушениях правил техники безопасности, приведших в 1960 году к катастрофе на космодроме Байконур, в средствах массовой информации появились лишь в 1989 год // Хачатурян К. Катастрофа на Байконуре / Наука и жизнь. 1999. № 1.
12. *Краснова И.О.* Зона экологического бедствия: пути формирования новой правовой категории в зарубежном праве // Государство и право. 1994. № 7; она же: Концепция экологического управления в зарубежном праве // Государство и право. 1995, № 1; Сперанская Л.В., Третьякова К.В. Международное право окружающей среды. – М., 1995.
13. *Измалков В.И., Измалков А.В.* Безопасность и риск при техногенных воздействиях. Ч 1-2, – М.-СПб.: Петро-РИФ,:1994; Измалков В.И., Измалков А.В. Техногенная и экологическая безопасность и управление риском. – М-СПб.: Петро-РИФ, 1998; Алымов В.Т. и др. Анализ техногенного риска: Учеб. пособ. – М.: Круглый год. 2000; Калиберда И.В. Регулирование безопасности объектов использования атомной энергии и снижение рисков чрезвычайных ситуаций природного и техногенного происхождения // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях», выпуск 3. – М., 2001; Ветошкин А.Г., Таранцева К.Р. Техногенный риск и безопасность. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та. 2001 и др.
14. *Никитин Е.П.* Объяснение философское и объяснение научное //Философия. Методология, Наука. – М.: Наука. 1972. – С.132.

УДК 321.01

Захарова В.В.,
кандидат исторических наук, Российский университет транспорта (МИИТ)

СПЕЦИФИКА АБСОЛЮТИЗМА КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается проблематика исследования абсолютизма как специфической формы правления, имеющей универсальный характер. Приводится обзор основных подходов к изучению абсолютизма в историко-юридических аспектах. Выделяются ключевые признаки, свидетельствующие о формировании абсолютной монархии в нашей стране, в частности, укрупнение приказов, трансформация контролирующих инстанций, интенсивные процессы секуляризации духовной жизни, что дало важнейшую предпосылку формирования нового типа власти – чисто светской, с рационалистическим обоснованием, не имеющей сакрализации как ключевой характеристики легитимности правителя. В связи с этим в статье анализируются главные различия между сословно-представительной и абсолютной монархиями в отечественной истории государства и права.

Выделяются признаки абсолютизма – как классические, так и специфические, присущие именно нашей стране. Особо рассматривается такая важнейшая проблема, как социальная база власти, что также существенно отличало отечественную и западноевропейскую абсолютные монархии. В частности, социальной базой абсолютизма в западных странах изначально стала бюрократия, во многом формируемая за счет союза с городскими буржуазными кругами. В нашей стране буржуазия изначально была слабой и не могла представлять серьезный интерес как социальная сила для власти. Поэтому главной опорой абсолютизма в нашей стране стало дворянство, сословное оформление которого приходится как раз на период 18 столетия. В 19 веке социальной базой абсолютной монархии в Российской империи становится бюрократия.

В статье также рассматриваются проблемы престолонаследия в 18 веке – как одни из самых ярких проявлений специфики абсолютизма (в отличие от сословно-представительной монархии).

Кроме того, проанализированы классические формы абсолютизма и их проявления применительно к отечественному историческому материалу. Помимо полицейского и просвещенного абсолютизма автор предлагает выделить переходную форму, которая сочетает в более мягкой манере черты двух вышеуказанных форм, но обладает более гибкими характеристиками и возможностями адаптации к меняющимся историческим условиям.

Ключевые слова: абсолютная монархия, сословно-представительная монархия, идеология абсолютизма, патернализм, полицейское государство, просвещенный абсолютизм, бюрократизация, служилое дворянство, секуляризация, социальная база власти

Zakharova V.,
PhD in historical sciences, Russian University of transport engineering

SPECIFICS OF ABSOLUTISM AS A SPECIAL FORM OF GOVERNMENT

The article deals with the problems of the study of absolutism as a specific form of government, which has a universal character. The review of the main approaches to the study of absolutism in historical and legal aspects is given. The article highlights the key features that indicate the formation of an absolute monarchy in our country, in particular, the consolidation of orders, the transformation of the controlling authorities, the intensive processes of secularization of spiritual life, which gave the most important prerequisite for the formation of a new type of power – a purely secular, with a rationalist justification, which does not have sacralisation as a key characteristic of the legitimacy of the ruler. In this regard, the article analyzes the main differences between the class-representative and absolute monarchies in the national history of state and law.

The features of absolutism – both classical and specific, inherent in our country. Such a major problem as the social base of power is considered in particular, which also significantly distinguished the domestic and Western European absolute monarchies. In particular, the social base of absolutism in Western countries was originally bureaucracy, largely formed by the Union with urban bourgeois circles. In our country, the bourgeoisie was initially weak and could not be of serious interest as a social force for the government. Therefore, the main support of absolutism in our country was the nobility, class registration which falls just for the period of the 18th century. In the 19th century bureaucracy became the social base of absolute monarchy in the Russian Empire. The article also deals with the problems of succession to the throne in the 18th century – as one of the most striking manifestations of the specifics of absolutism (in contrast to the class-representative monarchy).

In addition, the classical forms of absolutism and their manifestations in relation to the domestic historical material are analyzed. In addition to the police and enlightened absolutism, the author proposes to highlight the transitional form, which combines the features of the two forms in a softer manner, but has more flexible characteristics and possibilities of adaptation to changing historical conditions.

Keywords: absolute monarchy, class-representative monarchy, ideology of absolutism, paternalism, police state, enlightened absolutism, bureaucratization, servile nobility, secularization, social base of power

Проблемы абсолютизма в России всегда привлекали внимание исследователей историко-юридического направления и периодически становились предметом научных дискуссий. В частности, это касалось вопросов о закономерности формирования абсолютной монархии на определенном этапе развития государственности (1), экономических процессах, сопровождавших этот этап (2), социальной базе абсолютизма в России (3), общих и особенных чертах развития абсолютной монархии в России и в европейских странах (4).

Изучение проблем формирования и функционирования абсолютных монархий сохраняет актуальность и сейчас.(5). На сегодняшний день к наиболее значимым аспектам данной проблематики относятся:

- особенности процесса складывания абсолютистских тенденций в нашей стране;
- признаки абсолютизма;
- формы абсолютизма
- отличия абсолютизма от сословно-представительной монархии
- специфика проблем престолонаследия в системе абсолютизма
- социальная база абсолютной монархии и проблема ее изменения.

Абсолютизм стал складываться в России во второй половине XVII в. Об этом процессе свидетельствуют следующие черты:

1) Централизация управления, рост значения воевод, подчинение им местных выборных губных и земских старост.

На протяжении всего 17 столетия центральная власть никак не могла определиться с тем, что же делать с управлением на местах (особенно с учетом такой масштабной территории страны). Отмена еще в 16 веке системы кормлений, безусловно, ликвидировала вызывавшую наибольшее недовольство местных жителей форму управления на местах. Пришедшая на смену система выборных губных и земских старост строилась на выборном начале и не устраивала верховную власть. Поэтому в 17 столетии стала постепенно внедряться система воеводского управления. Воеводы, в отличие от бояр-кормленцев, получали за службу жалование от казны, получали должностные инструкции и сама их деятельность на местах рассматривалась именно как работа, а не награда за прежние заслуги (как это было в системе кормлений). В то же время власти не хотели полностью отказываться от удобной и бесплатной службы выборных губных и земских старост. Поэтому верховная власть долго не могла определиться: как сочетать централизацию и строгую подконтрольность с бесплатностью и эффективность управления на местах. В результате принимаемые решения часто пересматривались: то отменялось местное самоуправление, то вводилось снова, то сочеталось с присланными воеводами. В конце концов воеводское управление закрепилось на местах, а в подчинение присланным центральной властью местным начальникам переходили созданные губными и земским старостами «избы», т.е. аппарат управления.

2) Укрупнение приказов.

Этот процесс принял массовый характер как раз к концу 17 столетия. Если в середине века историки насчитывают порядка 90 приказов, то к концу века численность центральных звеньев государственного аппарата управления оценивается примерно в 50. Соответственно, слияние вело к укрупнению масштабов работы приказов и стало своеобразным трамплином для формирования абсолютистских механизмов организации государственной власти.

3) Более активная работа контролирующих инстанций: Приказа счетных дел и Приказа тайных дел.

Несмотря на явное различие в функциях и сфере деятельности этих учреждений, нельзя не отметить яркой тенденции: усиление контроля со стороны государства облегчает верховной власти формирование нового режима управления: переход от сословно-представительных институтов к абсолютистским предполагает усиление контроля и директивных начал в управлении.

4) Завершение работы Земских Соборов.

Последним Земским Собором, работавшим в полном составе, стал Собор 1653 года, рассматривавший вопрос о включении Левобережной Украины в состав Российского государства. Это означало неиз-

Как цитировать статью: Захарова В.В. Специфика абсолютизма как особой формы правления // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 21–24 с.

бежную войну с Речью Посполитой и предрекало серьезные геополитические и внешнеполитические риски. Тем не менее было принято положительное решение, вскоре одобренное и Переяславской Радой. После чего Земские Соборы полностью уже никогда не собирались. Верховная власть периодически создавала специализированные боярские комиссии для решения актуальных вопросов управления. Так например, особая комиссия рассматривала возможность предоставления льгот в торговле армянским купцам,

5) Начало формирования всероссийского рынка.

Поскольку под общенациональным рынком подразумевается установление регулярных торговых связей между различными регионами страны на основе товарной специализации этих регионов, то вторая половина 17 столетия – это именно время начала проявления подобных процессов. Прежде всего это выразилось в появлении ярмарок всероссийского масштаба. Начало экономического объединения страны неизбежно вело и к централизации политической власти. Как показывает опыт различных стран, это – две стороны одного и того же процесса.

6) Активная секуляризация духовной жизни.

Абсолютизму как особой форме правления присущи следующие признаки:

– максимальное сосредоточение власти в одних руках (абсолютный монарх не связан никакими традициями, обычаями и правилами, он сам – высший источник законодательной, исполнительной и судебной властей);

– социальной базой абсолютизма является служилое дворянство;

– государство проникает во все сферы жизни общества;

– происходит интенсивная бюрократизация, рост численности и влияния чиновников;

– создается сильная постоянная армия;

– ликвидируются выборные элементы в управлении;

– идеологией абсолютизма в России стал патернализм, представление о том, что монарх – это отец нации, а подданные – его неразумные дети.

Сложилось представление о том, что государственный механизм подобен часам, где каждая деталь должна строго находиться на своем месте, каждый – это винтик; поэтому все можно и нужно строго регламентировать, все прописать в законодательстве, все предусмотреть. Особенно этим процессом увлекались Петр I, Павел I, Николай I. Сам монарх при этом рассматривался тоже как звено единого механизма.

Историки государства и права выделяют две формы абсолютной монархии:

1) полицейское государство (характеризуется тотальным надзором, контролем за экономической, социальной, духовной, бытовой жизнью);

2) просвещенный абсолютизм (контроль государства только в политической сфере; либеральные реформы с опорой на образованную часть общества; относительная свобода в экономике, частной жизни, приоритет разумных законов, борьба с деспотизмом и произволом, совещательные права отдельным представителям общества, тщательная проработка законодательства). (6)

Представляется, однако, что подобная классификация является слишком упрощенной. Здесь присутствуют, несомненно, самые яркие черты двух крайних форм абсолютизма, но не раскрываются переходные модели. Если проанализировать основные черты правления целого ряда российских монархов (например, Елизаветы Петровны, Анны Иоанновны, Александра 1 и др.), то очевидно, что охарактеризовать их эпоху так строго однозначно не получится. Наверное, уместно говорить все же о некой компромиссной, переходной форме, сочетающей более разноплановые и гибкие характеристики.

В отличие от периода сословно-представительной монархии, тесно связанной с традициями, при абсолютизме только воля государя является достаточным основанием для принятия любого решения, поэтому проблемы престолонаследия в XVIII столетии не привели к таким масштабным кризисным явлениям, как на рубеже XVI–XVII вв.

Само определение правового статуса абсолютного монарха при Петре I многократно повторяется в ряде законодательных актов: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен».(7) Соответственно, указ о престолонаследии провозглашал, что правитель сам назначает себе преемника, причем не обязательно из числа родственников и не обязательно мужского пола. По иронии судьбы, воспользоваться собственным указом о престолонаследии Петр I не успел.

Если проанализировать дальнейшую историю перехода власти вплоть до Александра I, то получится, что далеко не всегда это были именно перевороты, нередко в дело вступало завещание того или иного правителя, написанное в соответствии с петровским указом и пониманием воли абсолютного монарха. В частности: Екатерина I получила власть благодаря гвардейскому перевороту, Петр II – благодаря ее завещанию, затем последовал заговор Верховного тайного совета в пользу Анны Иоанновны, она же передала власть Ивану VI по завещанию, затем последовал переворот Елизаветы Петровны, следующий император (Петр III) получил власть по завещанию, впоследствии был свергнут переворотом Екатерины II, затем новый император (Павел I) снова получает власть по завещанию. Последний в истории России дворцовый переворот «досрочно»

привел к власти человека, который все равно оказался бы на престоле согласно воле императора. Таким образом, XVIII столетие не было исключительно веком дворцовых переворотов: часто в дело вступали завещания и воля монарха определяла следующего правителя.

Следовательно, в системе абсолютной монархии проблемы престолонаследия решаются на порядок легче, чем в предшествующую эпоху, связанную с традициями и народным представлением о сакральной сущности власти.(8)

Подводя итоги, следует отметить, что принципиальные отличия абсолютизма от предшествующего типа власти – сословно-представительной монархии в России заключались в следующем.

Во-первых, в предшествующую эпоху монарх был связан огромным количеством обычаев и традиций, нарушать которые не мог. В ином случае его легитимность немедленно подвергалась большому сомнению и прочность положения на престоле становилась сомнительной. Достаточно вспомнить поведение Лжедмитрия 1, которое нормально воспринималось поляками, но вызвало шок у русских: царь не спал после обеда, бегал по дворцу, игнорируя торжественные выходы, устраивал бурные пиры, беседуя чуть ли не с колдунами-чернокнижниками и т.д. В системе абсолютизма монарх вправе вести себя как заблагорассудится: он сам – источник закона и может устанавливать любые новые порядки.

Во-вторых, в эпоху абсолютной монархии правитель достаточно свободен в своей кадровой политике, он легко приближает к себе незнатных людей, может возвысить за деловые качества, совсем не считаясь с родовитостью и влиянием семьи. В сословно-представительной системе назначения практически на любую должность – это результат компромисса, а чаще всего – следствие положения рода и требований системы местничества. Незначительные исключения не меняли общих правил.

В-третьих, в сословно-представительной монархии фигура правителя носила сакральный характер и освящалась авторитетом достаточно самостоятельных церковных владык. При абсолютизме церковь занимает строго подчиненное положение, целиком подконтрольна государству, по сути, превращается в звено государственного аппарата. Поэтому и ее роль в обосновании власти императора более чем формальна.

В России ни при сословно-представительной монархии, ни при абсолютизме социальной базой центральной власти не стали городские слои.(9) Абсолютизм в период становления и расцвета опирался на дворянство, впоследствии главной опорой самодержавия стала бюрократия. Это означало отрыв аппарата управления от общества, в том числе от наиболее влиятельного, образованного и привыкшего к политической власти сословия. Подобный процесс вряд ли укрепил государственную власть. Некоторые высшие сановники понимали это, но изменить ситуацию не смогли. Например, П.А.Столыпин в начале 20 века пытался создать в деревне слой преуспевающих фермеров – прочную опору самодержавия, но попытка не увенчалась успехом.

Абсолютизм был закономерным этапом исторического развития, проследить который можно на примере разных стран. Установление абсолютной монархии позволяло сконцентрировать ресурсы страны, а создание сильных профессиональных армий – выйти на новый уровень решения внешнеполитических задач. Абсолютизм закономерно совпал со временем формирования крупных и влиятельных империй (10), формированием новой системы международных отношений, преодолением изоляционизма.

Список литературы

1. *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. – Л.: Наука, 1988. – 246 с.
2. *Аврех А.* Я. Царизм накануне свержения. – М.: Наука, 1989.– 256.
3. *Шапиро А.Л.* Об абсолютизме в России.//История СССР. 1968.№5. С.69-82.
4. *Черепнин Л.В.* К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI в.). – «История СССР», 1974, № 5, с. 51-70 .
5. *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети 18 века. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 1999. – 481 с.
6. *Титов Ю.П.* История государства и права России. М., 2003. С.115.
7. *Захарова В.В.* История государства и права России. Курс лекций. М., ЮИ МИИТ, 2018.
8. *Захарова В.В.* Особенности формирования российского централизованного государства.// Вестник Академии права и управления.2018, №2 (51). С.83-86.
9. *Захарова В.В.* Мещанское сословие пореформенной России./Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М, 1998.
10. *Захарова В.В.* Империи: сущность, признаки, историческая роль.// Юридическая гносеология. 2017, №1. С. 12-17.

УДК 340.1

Мамина О.И.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)

Семичева А.С.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право»
Российского университета транспорта (МИИТ)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НАДЗОРА И НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

Вопрос о сущности и природе надзорной деятельности находится в поле внимания современных ученых-юристов. Надзор является одним из инструментов государственного управления, реализация которого направлена на установление и обеспечение правопорядка как воплощения принципа законности. Представленная статья посвящена исследованию подходов к пониманию категории «надзор», определению его видов и установлению понимания надзора как способа обеспечения конституционного правопорядка.
В работе также анализируется соотношение понятий «контроль» и «надзор», через призму конституционных гарантий опосредуется связь надзора и правопорядка.
Ключевые слова: государство, Конституция РФ, правопорядок, законность, надзор, контроль, гарантии

Mamina O.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department «Theory of Law, History of Law and International Law»
Russian University of Transport (MIIT)

Semicheva A.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department «Theory of Law, History of Law and International Law»
Russian University of Transport (MIIT)

THE LEGAL NATURE OF SUPERVISION AND SUPERVISION AS A WAY OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF LEGALITY

The question of the nature and nature of supervisory activities is in the field of attention of modern legal scholars. Supervision is one of the tools of public administration, the implementation of which is aimed at establishing and ensuring the rule of law as the embodiment of the principle of legality. The presented article is devoted to the study of approaches to understanding the category of "oversight", defining its types and establishing an understanding of oversight as a way to ensure the constitutional order of law.
The paper also analyzes the relationship between the concepts of "control" and "oversight," and through the prism of constitutional guarantees mediates the link between oversight and the rule of law.
Keywords: state, law and order, legality, Constitution of the Russian Federation supervision, control, guarantees

Любое общество и государство заинтересовано в успешном управлении. С этой целью необходимо организовывать, упорядочивать и регулировать поведение людей, деятельность государственных и социальных институтов, поддерживать общественный порядок. Это публичные дела, отражающие общий интерес и потребности общества, государства и граждан в самосохранении и обеспечении своей жизнедеятельности. Иначе не наладить производства, не обеспечить развитие культуры, не помочь человеку в

Как цитировать статью: Мамина О.И., Семичева А.С. Правовая природа надзора и надзорной деятельности как способа обеспечения конституционного принципа законности // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 25–29 с.

удовлетворении его потребностей и интересов, реализации гарантированных законодательством прав.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы. Таким образом, в государственном управлении экономической, социально-культурной и административно-политической сферами одним из непререкаемых должен являться конституционный принцип законности.

Традиционно понимаемая в юридической науке как строгое и неуклонное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями,[1] либо как система юридических правил, норм, средств и гарантий с соответствующими им государственными структурами, призванная обеспечивать практическую реализацию законов и других правовых актов,[2] законность может определяться также как метод, режим или принцип деятельности субъектов публичного управления. В любом случае законность это фундаментальная категория всей юридической науки и практики, а ее уровень и состояние служат главными критериями оценки правовой жизни общества.

Своеобразным итогом реализации требований законности является правопорядок. Определяемый, как правило, как порядок, основанный на праве, правопорядок - это всегда государственно-правовое явление, устанавливаемое, гарантируемое и поддерживаемое легитимной государственной властью, которая охраняет его от нарушений, а в необходимых случаях защищает имеющейся в ее распоряжении принудительной силой.

Без этого невозможна реализация государственных задач, осуществление сущности, формы и функций власти, решение государственных дел. Правопорядок есть тот юридический результат, к которому стремится государственная власть и все субъекты права, используя разнообразные приемы и средства.

В Российской Федерации в целях обеспечения точного соблюдения законности и установления конституционного правопорядка создан и действует особый государственно-правовой механизм, состоящий из двух основных элементов: организационно-структурных формирований (государственных органов и общественных объединений) и организационно-правовых методов (особых видов деятельности, практических приемов, операций). Одним из таких методов, обобщенно определяемых как способы обеспечения законности, является надзор.

В современной юридической науке сформировались различные тенденции понимания исследуемого понятия:

1) как функции органов исполнительной власти,[3]

2) как процессуальной формы юридической деятельности,[4]

3) как метода правоохранительной деятельности,

4) как формы государственной деятельности и реализации правовой политики государства,[5]

5) как вида специального правового режима,[6]

6) как способа защиты прав и свобод граждан,[7]

7) и наконец, как способа обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении.

При этом, отметим, что надзор представляет собой правообеспечительную деятельность компетентных государственных органов, так как в широком смысле его назначение состоит в обеспечении достижения поставленных целей и задач органами государственной власти, а также в реализации конституционных гарантий.

При попытке определить виды надзора некоторые авторы приходят к выводу, что в современной России есть только один чисто надзорный орган – прокуратура,[8] а специализированные структуры, на которые возложены задачи по отслеживанию процессов, происходящих в обществе, как бы они или их деятельность не называлась, осуществляют не надзор, а контроль. Поэтому более правильно называть их органами контроля или, может быть, – органами государственного контроля.

Действительно функции по контролю и надзору зачастую возложены на одни и те же федеральные органы исполнительной власти, созданные в организационно-правовой форме федеральной службы, что и порождает очередной спор между уче-

[1] Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 101.

[2] *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М., 1997. С. 223.

[3] См.: *Браташова Ю.А.* Государственный контроль (надзор) как функция органа исполнительной власти// Вестник Российской правовой академии. 2016. № 4. С. 81-83.

[4] См.: *Беляев В.П., Беляева Г.С., Сорокина В.В.* Надзор как процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории. - М.: Юрлитинформ. 2015. 216 с.

[5] См.: *Беляев В.П.* Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Москва: РГБ, 2007; Богославский Е.А. Контроль и надзор как форма реализации правовой политики Москва, 2015.

[6] См.: *Донских В.В.* Административный надзор как вид специального правового режима//Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2. С. 54-55.

[7] См.: *Скиллер-Котунова Е.В.* Государственный надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства как способ защиты трудовых прав и свобод// Современное право. 2009. № 1. С. 51-54.

[8] См.: *Гаращук В.Н.* Роль и функции прокуратуры // Законность. 2000. № 8. С. 6.; Рохлин В.И. К вопросу о функциях прокурорского надзора // Проблемы прокурорского надзора. М. 2001. С. 49.

ными-административистами по поводу соотношения указанных понятий.

Так, например, Р.И. Денисов последовательно отстаивает точку зрения о самостоятельности административного надзора среди видов социального контроля и способов обеспечения законности в государственном управлении. [9] А.П. Алехин считает, что административный надзор представляет собой специфическую разновидность государственного контроля[10]. В свою очередь, Н.Г. Салищева называет административным надзором специфическую форму надведомственного контроля и методом деятельности органов внешнего государственного контроля.[11] А М.С. Студеникина различие между органами контроля и административного надзора видит в широте охватываемой обследованием сферы деятельности, а также в специфике методов и правовых форм воздействия.[12] Органы контроля, считает она, интересуются не только тем, не нарушил ли субъект управления действующее законодательство, но и тем, насколько правильно, целесообразно и эффективно он использовал предоставленные ему полномочия.

Но как бы ни были контекстно связаны эти две безусловно взаимодействующие функции, отождествление этих понятий, в том числе на законодательном уровне, на наш взгляд, представляется не вполне корректным.

В отличие от контроля, административный надзор осуществляется в отношении организационно неподчиненных объектов; в процессе его осуществления применяются меры административного воздействия к физическим и юридическим лицам; органы административного надзора проверяют соблюдение специальных правил (дорожного движения, пожарной безопасности, санитарии и др.) на поднадзорных объектах.

В российской Конституции же термин «надзор» употребляется лишь единожды, а именно - в контексте определения статуса Верховного Суда Российской Федерации, то есть речь идет о конституционном подтверждении существования судебного надзора.

Таким образом, при классификации надзора по субъектам его осуществляющим, устанавливаются следующие виды надзора:

• прокурорский

• судебный

• административный.

Рассматривая более детально последний из указанных видов, можно прийти к выводу, что административный надзор представляет собой особый вид государственной деятельности, заключающийся в специализированном наблюдении и проверке соблюдения строго определенных правил в деятельности юридических и физических лиц. Ему присущи такие свойства как:

а) осуществление, главным образом, уполномоченным органом исполнительной власти;

б) заранее установленный и фиксированный круг, перечень норм и правил, подлежащих проверке, их специализированный характер;

в) неограниченный круг лиц и организаций, подлежащих проверке в связи с применением вышеназванных правил осуществляется субъектами исполнительной власти, наделенными надведомственными полномочиями;

г) осуществление его систематически за конкретным объектом с возможностью принятия предупредительных мер воздействия;

д) возможность применения административного принуждения, в том числе, наложения санкций на юридических и физических лиц, виновных в нарушении правил;

е) юрисдикционные процедуры, когда субъекты административного надзора совершают определенные процедурные действия (сбор информации и доказательств, их оценка, фиксирование правонарушений, разбор дел, принятие административных решений, передача дел органам управления или прокуратуры);

ж) непрерывное осуществление функций административного надзора ввиду необходимости обеспечить постоянное действие норм и функционирование объектов жизнеобеспечения.

Полномочиями по осуществлению административного надзора обладают федеральные службы а также службы и органы, организационно входящие в структуры министерств, но имеющие полномочия контролировать деятельность органов управления, состоящих в системах других министерств, федеральных служб и федеральных агентств.

Таким образом, следуя логике наименований органов, уполномоченных на осуществление анализируемого нами вида государственной деятельности, можно выделить следующие виды административного надзора:

– санитарно-эпидемиологический надзор;

– надзор в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека;

– надзор за соблюдением законодательства о труде;

– ветеринарный и фитосанитарный надзор;

---

[9] См.: *Денисов Р.И.* Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. 2002. № 3. С.9.

[10] См.: *Алехин А.П.* Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние //Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26.

[11] См.: *Салищева Н.Г.* Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности. // Государство и право. 2002. № 2. С. 105-106.

[12] См.: *Студеникина М.С.* Государственный контроль в сфере управления. М.: Юриздат, 1974. С. 103.

– надзор в сфере связи и массовых коммуникаций;

– надзор в сфере образования и науки;

– надзор за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия;

– надзор в сфере природопользования;

– геодезический надзор;

– экологический, технологический и атомный надзор;

– пожарный надзор;

– надзор за безопасностью дорожного движения;

– административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

– транспортный надзор;

– страховой надзор;

– финансово-бюджетный надзор.

Анализ административного надзора позволяет отграничить его от прокурорского, что заключается в следующем. Во-первых, органы прокурорского надзора не входят в систему исполнительной власти, тогда как органы административного надзора включены в нее. Причем, и это очень важно, прокуратура вправе осуществлять надзор за законностью в деятельности самих органов административного надзора и законностью выносимых ими решений.

Во-вторых, осуществляя надзор, прокуроры не вправе вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций (ст. 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202-1), они могут только ставить вопрос о предоставлении необходимых документов, о проведении ревизии и т.п. Органы административного надзора в этом плане наделены гораздо большими полномочиями: от инспектирования до приостановления (запрещения) хозяйственной деятельности; им предоставлено и право применения так называемых мер пресекательного характера.

В-третьих, органы административного надзора осуществляют проверки только по вопросам, относящимся к их компетенции и только в сфере их деятельности, тогда как прокурорским надзором охватывается законность в деятельности всех государственных органов (до определенного уровня) и во всех сферах.

В-четвертых, и это существенно отграничивает прокурорский надзор от административного: последний осуществляется и в отношении граждан.

В-пятых, органы административного надзора (их должностные лица) сами могут привлекать виновных к административной ответственности, в то время как прокуроры вправе лишь возбудить производство по делу об административном правонарушении.

Кроме того, органы административного надзора осуществляют и нормотворческую деятельность – разрабатывают и утверждают правовые и технико-юридические нормы, правила (например, Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы - СанПиН), издают нормативно-техническую документацию, готовят проекты законодательных актов и т. п.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что надзор, о каком бы из его видов не шла речь, является одним из инструментов государственного управления, реализация которого направлена на установление и обеспечение правопорядка как воплощения принципа законности. На наш взгляд, основная роль надзора – помимо прочего, обеспечение конституционных гарантий.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Определяя в качестве гарантируемых благ такие аспекты жизни граждан как социальное обеспечение и социальная защита, свобода совести, свобода вероисповедания, свобода мысли и слова, свобода массовой информации, общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования и др., государство создает и инструментарный механизм, которым эти гарантии могут быть защищены и реализованы. Элементом этого механизма являются, в том числе, и государственные органы, обладающие надзорными функциями и полномочиями. Именно к ним обращаются граждане и организации в случае нарушения гарантированных им Конституцией РФ прав. Их роль в установлении правопорядка не должна подвергаться сомнению. Таким образом, обоснованным, на наш взгляд, является понимание надзора, наряду с указанными выше, как способа обеспечения конституционного правопорядка.

Список литературы

1. *Алехин А.П.* Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние //Журнал российского права. 2002. № 1. С. 26.

2. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. М., 1997. С. 223.

3. *Беляев В.П., Беляева Г.С., Сорокина В.В.* Надзор как процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории. - М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.

4. *Беляев В.П.* Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва: РГБ, 2007.

5. *Богославский Е.А.* Контроль и надзор как форма реализации правовой политики. Москва, 2015.

6. *Браташова Ю.А.* Государственный контроль (надзор) как функция органа исполнительной власти// Вестник Российской правовой академии. 2016. № 4. С. 81-83.
7. *Гаращук В.Н.* Роль и функции прокуратуры // Законность. 2000. № 8. - С. 6.
8. *Денисов Р.И.* Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. 2002. № 3. С.9.
9. *Донских В.В.* Административный надзор как вид специального правового режима//Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2. С. 54-55.
10. *Рохлин В.И.* К вопросу о функциях прокурорского надзора // Проблемы прокурорского надзора. М., 2001. С. 49.
11. *Салищева Н.Г.* Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности. // Государство и право. 2002. № 2. С. 105-106.
12. *Скиллер-Котунова Е.В.* Государственный надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства как способ защиты трудовых прав и свобод// Современное право. 2009. № 1. С. 51-54.
13. *Студеникина М.С.* Государственный контроль в сфере управления. – М.: Юриздат, 1974.
14. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984.

УДК 343.9

Борисов А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института РУТ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ТРАНСПОРТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье представлены результаты исследования официальных статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» за 2016-2018 годы о ходе реализации комплексной программы профилактики правонарушений на транспорте. В соответствии с современным законодательством качестве одного из основных направлений профилактики правонарушений выступает проведение мониторинга в данной сфере, представляющего собой систему наблюдений за состоянием профилактики правонарушений, анализ и прогнозирование причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также оценку эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений. Результаты анализа показателей, характеризующих состояние профилактики правонарушений на транспорте в Российской Федерации в 2016–2018 годах, позволили предположить, что снижение значения изученных показателей, в совокупности с иными криминогенными факторами, выступают в качестве условия, детерминирующего рост ряда преступлений, совершаемых на объектах транспорта.
Ключевые слова: предупреждение преступности, профилактика преступности, система профилактики правонарушений, транспортная безопасность, видеоконтроль, видеонаблюдение

Borisov A.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of Russian University of Transport

CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF TRANSPORT CRIME

The article presents the results of a study of the official statistical data of PKU «GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia» for 2016-2018 on the progress of the implementation of a comprehensive program for the prevention of crime in transport. In accordance with modern legislation, one of the main areas of crime prevention is monitoring in this area, which is a system of monitoring the state of crime prevention, analysis and forecasting of causes and conditions conducive to the commission of offenses, as well as an assessment of the effectiveness of crime prevention subjects. The results of the analysis of indicators characterizing the state of crime prevention in transport in the Russian Federation in 2016–2018 suggested that a decrease in the values of the studied indicators, in conjunction with other criminogenic factors, act as a condition determining the growth of a number of crimes committed at transport facilities.
Keywords: crime prevention, crime prevention, crime prevention system, transport security, video control, video surveillance

Решение задач борьбы с преступностью, повышение ее результативности, осуществление эффективной профилактической работы является одной из важных задач деятельности государственных органов и общественных институтов на всех этапах исторического развития общества. В этой связи еще в криминологической науке Российской империи справедливо обращалось внимание на то, что «все несчастия легче предупредить, нежели пособлять, когда они уже случились»[1]. В литературе советского периода исследователи отмечали, что в процессе эффективной профилактики из десяти преступлений семь можно было предотвратить[2].

[1] *Майер Ф.Х.* Опыт сельского благоустройства, или полиции. М.: Издана Императорским московским обществом сельского хозяйства в типографии С. Селивановскаго, 1835. С. 12.
[2] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 145.

Как цитировать статью: Борисов А.В. Криминологическая профилактика транспортной преступности // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 30–34 с.

Характерной чертой современной правоохранительной деятельности стало усиленное внимание не только к динамике процессов развития преступности и административной деликтности как социальных явлений, но и их профилактике, в том числе в транспортной сфере.

Учитывая, что Российская Федерация является самым масштабным по площади государством мира, на территории которого расположено десять часовых поясов, огромные залежи полезных ископаемых, объекты транспортной инфраструктуры[3], по этой причине обеспечение их безопасности имеет особо существенное значение. Кроме того, безопасность транспортной системы играет важную роль в социально-экономическом развитии страны; в обеспечении обороноспособности России, поскольку обусловливает мобильность Вооруженных Сил Российской Федерации; в защите объектов транспортной инфраструктуры от противоправных деяний, угрожающих безопасной деятельности транспортного комплекса; в создании необходимых условий для соответствующего уровня общенациональной безопасности и снижения террористических рисков[4].

Вполне естественно, что в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» обеспечение транспортной безопасности относится к числу основных направлений профилактики правонарушений.

Традиционно в транспортной отрасли все усилия субъектов профилактики направлены на обеспечение общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, предотвращение актов незаконного вмешательства.

В 2018 году были реализованы мероприятия по обеспечению транспортной безопасности в период подготовки и проведения 25 особо значимых общественно-политических, официальных спортивных, культурных и иных массовых мероприятий, в том числе выборов Президента Российской Федерации, Российского инвестиционного форума в г. Сочи, VII Петербургского международного юридического форума, XXII Петербургского международного экономического форума, IV Восточного экономического форума в г. Владивостоке, чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, российского этапа чемпионата мира «Формула-1».

На постоянной основе проводятся мероприятия по отработке пассажиропотока на предмет выявления лиц, находящихся в розыске, а также причастных к террористической и экстремистской деятельности, с использованием программно-технического комплекса ПТК «Розыск-Магистраль». Так, применение комплекса способствовало установлению 7,4 тыс. лиц, находящихся в федеральном розыске, 263 – причастных к террористическим и экстремистским проявлениям[5].

В 2018 году профилактика правонарушений на объектах с массовым пребыванием граждан в числе прочих мер обеспечивалась посредством оборудований транспорта системами видеоконтроля пассажиропотока (894 объектов), техническими средствами обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа (540 объектов), стационарными постами полиции (8), средствами видеонаблюдения (23 743), экстренной связью «гражданин-полиция» (1 141), а также внедрением в деятельность органов внутренних дел технических систем управления нарядами полиции, привлеченными силами, задействованными для охраны правопорядка, контроля за обстановкой и транспортными потоками (8) (см. табл. 1).

Учитывая, что основная масса преступлений совершается на железнодорожном транспорте, большинство из указанных технических средств были установлены на железнодорожных вокзалах. В частности: 50,6% систем видеоконтроля пассажиропотока, 63,3% технических средств обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа (см. табл. 2).

Многолетняя практика показывает, что одной из эффективных мер борьбы с преступностью обоснованно считается проведение общих широкомасштабных межведомственных предупредительных мероприятий. Например, органами внутренних дел во взаимодействии с Федеральным государственным предприятием «Ведомственная охрана железнодорожного транспорта Российской Федерации» в прошедшем году в целях обеспечения сохранности грузов и имущества проведены следующие оперативно-профилактические мероприятия: «Контейнер», «Алюминий», «Грузы», «Авто». Только в сентябре 2018 года за время проведения оперативно-профилактического мероприятия «Грузы» было возбуждено 68 уголовных дел, обеспечено возмещение ущерба на сумму 1 млн 428 тыс. рублей, задержано 149 лиц, совершивших хищение грузов, перевозимых железнодорожным транспортом. Причем, 28 человек, из числа задержанных, являлись работниками железнодорожного транспорта.

---

[3] См.: п.5 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. 13.08.2018 г.) // Российская газета. – № 31. – 14.02.2007.

[4] См.: п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[5] См.: Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел в 2018 году. М., 2019. С. 78.

Таблица 1.

Динамика показателей, характеризующих состояние профилактики правонарушений на транспорте в Российской Федерации в 2016–2018 годах

Показатели	2016	2017		2018	
	Абсолют. значения	Абсолют. значения	+/–, %	Абсолют. значения	+/–, %
Количество объектов транспорта, оборудованных системами видеоконтроля пассажиропотока	813	843	+3,69	894	+6,05
Количество объектов, оборудованных техническими средствами обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа	578	590	+2,07	540	-8,47
Всего установлено в местах с массовым пребыванием граждан:					
стационарных постов полиции;	1	5	+400	8	+60
средств видеонаблюдения, выделенных на ОВД;	16687	19258	+15,4	23743	23,29
устройств «гражданин-полиция», имеющих прямую связь с ОВД	1035	1098	+6,08	1141	+3,92
Внедрено в деятельность органов внутренних дел технических систем управления нарядами полиции, привлеченными силами, задействованными для охраны правопорядка, контроля за обстановкой и транспортными потоками	1	1	0,0	8	+700

Таблица 2.

Динамика показателей, характеризующих состояние профилактики правонарушений на транспорте в Российской Федерации в 2016–2018 годах, по видам транспорта

Показатели		2016	2017	2018
Количество объектов транспорта, оборудованных системами видеоконтроля пассажиропотока		813	843	894
В том числе	метрополитена	0	0	0
	аэропортов	162	158	161
	железнодорожных вокзалов	357	369	452
	морских и речных вокзалов	85	85	47
	грузовых станций и терминалов	102	128	86
	автовокзалов	1	1	1
Количество объектов, оборудованных техническими средствами обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа		578	590	540
В том числе	метрополитена	0	0	0
	аэропортов	189	185	164
	железнодорожных вокзалов	350	364	342
	морских и речных вокзалов	25	27	27
	грузовых станций и терминалов	11	11	1
	автовокзалов	1	1	1

Думается, что в совокупности с иными профилактическими мероприятиями, указанные ОПМ обусловили сокращение общего числа краж на транспорте (–0,4%), хищений грузов с объектов транспортного комплекса (–4,3%).

Вместе с тем, в 2018 году по сравнению с 2017 годом фиксируется негативная тенденция снижения таких значимых показателей, как «количество проведенных комплексных и целевых оперативно-профилактических мероприятий» (–1,56%), в том числе по «выявлению мест укрытия лиц, склонных к совершению преступлений, мест концентрации криминогенного элемента несовершеннолетних» (–44,1%), «отработке жилого сектора» (–51,0%); «направлено информаций в соответствующие подразделения ОВД о лицах, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, а также в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям для постановки на профилактический учет» (–26,1%) (см. табл. 3).

Таблица 3.

Динамика показателей, характеризующих состояние профилактики правонарушений на транспорте в Российской Федерации в 2016–2018 годах

Показатели		2016	2017		2018	
		Абсолют. значения	Абсолют. значения	+/–, %	Абсолют. значения	+/–, %
Количество проведенных комплексных и целевых оперативно-профилактических мероприятий		6337	7097	+11,7	6986	-1,56
В том числе	выявлению мест укрытия лиц, склонных к совершению преступлений, мест концентрации криминогенного элемента несовершеннолетних	375	340	-2,58	190	-44,12
	отработке жилого сектора	349	312	-10,6	153	-51,0
Направлено информаций в соответствующие подразделения ОВД о лицах, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, а также в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям для постановки на профилактический учет		4435	5163	+16,4	3815	-26,1

Необходимо отметить, что сократилось количество: выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, совершивших правонарушения (–7,5%); проведенных комплексных оздоровительных, физкультурно-спортивных и агитационно-пропагандистских мероприятий (–9,8%); вынесенных сотрудниками подразделений дознания представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений или других нарушений закона по оконченным производством уголовным делам (–7,3%); поступивших ответов по направленным представлениям о принятых мерах реагирования в соответствии с действующим законодательством (–12,8%). Причем, два последних показателя свидетельствуют о нарушении норм уголовно-процессуального законодательства, согласно которым в процессе уголовного судопроизводства необходимо выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). В науке уголовно-процессуального права их относят к предмету доказывания (см. табл. 4).

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения».

По справедливому замечанию А.В. Угольникова принятие своевременных мер по устранению

Таблица 4.

Динамика показателей, характеризующих состояние профилактики правонарушений на транспорте в Российской Федерации в 2016–2018 годах

Показатели	2016	2017		2018	
	Абсолют. значения	Абсолют. значения	+/–, %	Абсолют. значения	+/–, %
Выявлено беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, совершивших правонарушения	17098	18105	+5,9	16742	-7,5
Проведено комплексных оздоровительных, физкультурно-спортивных и агитационно-пропагандистских мероприятий	576	1447	+151,2	1305	-9,8
Количество вынесенных сотрудниками подразделений дознания представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений или других нарушений закона по оконченным производством уголовным делам	10441	10110	-3,3	9372	-7,3
Количество поступивших ответов по направленным представлениям о принятых мерах реагирования в соответствии с действующим законодательством	8460	8237	-2,6	7185	-12,8

обстоятельств, способствовавших совершению преступления, относится к числу обязательных условий результативного противодействия преступности[6]. В то же время, результаты изучения данного вопроса позволяют констатировать, что работа, направленная на установление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений в подразделениях правоохранительных органов, занимающихся расследованием преступлений, либо вообще не ведется, либо выполняется формально и не оказывает надлежащего профилактического воздействия.

Таким образом, возможно предположить, что снижение обозначенных показателей, в совокупности с иными криминогенными факторами, выступает в качестве условия, детерминирующего рост следующих преступлений на транспорте: убийств (+58,8%), вымогательств (+50%), против государственной власти (+56,4%) и др.

[6] См.: *Угольников А.В.* Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (российский и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 1. С. 7 - 9.

УДК 343.8

Шекк Е.А.,
старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

ПРОФИЛАКТИКА ПРИТОНОСОДЕРЖАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННОГО С НЕМЕДИЦИНСКИМ ПОТРЕБЛЕНИЕМ НАРКОТИКОВ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье проанализировано современное состояние профилактической деятельности и раскрываются направления профилактической работы в рамках противодействия притоносодержательству в современных условиях. С учетом положений профильного закона о профилактике правонарушений рассматриваются наиболее актуальные формы профилактического воздействия. Анализируется накопленный опыт и проблемы, возникающие в этой области. На основании проведенного исследования сформулирован вывод о необходимости системного подхода к оптимизации профилактической деятельности в сфере притоносодержательства, а также в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в целом, предлагаются пути ее совершенствования. В заключении статьи представлен авторский комплекс мер, разработанный для совершенствования системы профилактики преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ.

Ключевые слова: наркопритон, преступность, незаконный оборот наркотиков, профилактика преступности, отсрочка, взаимодействие, превенция, немедицинское потребление наркотиков

Shekk E.,
Senior Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor of the Russian Federation

PREVENTION OF DRUG DENS ASSOCIATED WITH THE NON-MEDICAL USE OF DRUGS: STATE AND PERSPECTIVES

Article analysed the current state of prevention activities and disclosed the direction of preventive work to counteract drug dens in modern conditions. Subject to the provisions of the prevention of offences Act profile are considered the most relevant forms of preventive impact. Analyses the experiences and problems encountered in this field. On the basis of the study concludes that the need for a systematic approach to optimization of preventive activities in the field of drug dens, as well as in the area of combating illicit drug trafficking in General, suggests ways to improve it. In an opinion article submitted to author a set of measures designed to improve the system of prevention of the crimes set out in art. 232 of the Criminal Code RF.

Keywords: drug den, crime, drug trafficking, crime prevention, delay, interaction, non-medical use of drugs

Рассмотрение проблем противодействия притоносодержательству невозможно без оценки деятельности по профилактике рассматриваемого вида посягательств. Изучение уголовных дел и приговоров показало, что в подавляющем большинстве изученных уголовных дел (более 80 %) (1. При проведении исследования изучено 610 уголовных дел и приговоров по ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации за 2006-2018 гг. в России) не применялись профилактические меры. Кроме того, лица, вовлекшие в употребление наркотиков фигурантов уголовных дел, устанавливались лишь в 1,6 % случаев, в 44,3 % такие лица не были установлены и еще в 54,1 % этот вопрос даже не выяснялся. Источник приобретения наркотиков был установлен чуть более, чем в половине изученных приговоров и уголовных дел (57,4 %). Между тем проведенное исследование выявило важные и пока еще не задействованные направления профилактики рассматриваемого вида преступлений.

Так, Закон № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» определил сразу несколько направлений профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных

Как цитировать статью: Шекк Е.А. Профилактика притоносодержательства, связанного с немедицинским потреблением наркотиков: состояние и перспективы // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 35–39 с.

веществ и наркомании как совокупность мероприятий политического, экономического, правового, социального, медицинского, педагогического, культурного, физкультурно-спортивного и иного характера, направленных на предупреждение возникновения и распространения наркомании. Между тем, для реализации этих направлений профилактики следует прежде всего выделить те группы риска, на работу с которыми должны быть приоритетно ориентированы субъекты такой профилактики.

Исследование показало, что как правило такими группами являются: лица, состоящие на учете в связи с употреблением наркотических средств, психотропных веществ; несовершеннолетние, состоящие на таком учете, а также несовершеннолетние, злоупотребляющие одурманивающими веществами; лица, отбывающие наказание условно за преступления, связанные с наркотиками; лица, освободившиеся из мест лишения свободы за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; лица, наказание которым отсрочено за преступления, связанные с наркотиками.

Основой профилактического воздействия применительно к притоносодержательству следует считать регламентированный приказом МВД России от 31.12.2012 № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» профилактический обход административного участка, который включает в себя посещение зданий, строений и сооружений, расположенных на административном участке (при необходимости обследуются подъезды, чердачные и подвальные помещения жилых домов, пустующих и подлежащих сносу строений); посещение лиц, состоящих на профилактических учетах в органах внутренних дел; ознакомление с жильцами квартир (жилых домов, комнат) с соблюдением требований статьи 15 Федерального закона «О полиции», встречи для решения вопросов взаимодействия с собственниками или представителями собственников объектов, расположенных на административном участке.

Как справедливо отмечается в п. 46.2 указанного приказа, при проведении профилактического обхода особое внимание участковый уполномоченный должен уделять информации о лицах, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача; о лицах, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, изготавливающих, перерабатывающих и сбывающих наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги; о лицах, незаконно приобретающих, хранящих, перевозящих, культивирующих растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества; о лицах, содержащих притоны для потребления наркотиков, и лицах, предоставляющих помещения для этих целей; о лицах, склоняющих к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, в том числе несовершеннолетних.

При достаточно подробной регламентации в приказе, а также указании в ст. 12 Закона РФ «О полиции» на обязанности сотрудников полиции выявлять причины преступлений и административных правонарушений и условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению; выявлять лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу; участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участвовать в пропаганде правовых знаний, эта работа не всегда ведется качественно.

Результаты обобщения данных региональных прокурорских проверок в органах внутренних дел за 2008–2018 гг. показали в ряде случаев ненадлежащее исполнение требований ст. 12 Закона РФ «О полиции» в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, что не позволяет в полной мере обеспечивать предупреждение наркопреступности на ранней стадии, выявлять лиц, склонных к потреблению наркотиков, своевременно устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений.

Так, проверкой в одном из регионов было установлено, что участковые уполномоченные полиции устранились от работы по установлению организаторов и содержателей притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Выявлялись факты отсутствия работы, направленной на исполнение обязанностей по выявлению преступлений и правонарушений, поквартирный обход административных участков участковыми уполномоченными не осуществляется, не устанавливаются организаторы и содержатели притонов для потребления наркотиков, не осуществляется контроль и профилактическая работа за данными лицами. Имелись факты несвоевременного установления определенных категорий граждан (освобожденных из мест лишения свободы, хронических алкоголиков и лиц, больных наркоманией, психически больных лиц и т.д.). По данным фактам прокуратурой региона обоснованно были внесены соответствующие представления.

Реализация профилактической работы, исходя из положений ст. 53.1 Закона «О наркотических средства и психотропных веществах», в зависимости от правового статуса наркозависимого лица возлагается в основном на участковых уполномоченных полиции, уголовно-исполнительные инспекции, либо общественные организации, занимающиеся профилактикой наркомании. При этом представляется обоснованным шире задействовать потенциал органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собствен-

ности, а также граждан, поскольку они «имеют право участвовать в мероприятиях по профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании, а также самостоятельно разрабатывать и реализовывать комплексы таких мероприятий в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Одним из путей совершенствования профилактической деятельности призваны стать некоторые законодательные изменения. Так, значительный вклад в расширение масштабов немедицинского потребления наркотиков и связанных с ними девиаций вносит слабо контролируемое распространение информации о наркотических средствах, психотропных веществах и их аналогах, а также новых потенциально опасных психоактивных веществах, особенно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Высокая общественная опасность пропаганды наркотиков в социальных сетях и Интернете очевидна, не нуждается в дополнительной аргументации и никем уже не оспаривается. Тем не менее, в подтверждение тезиса можно привести данные опроса наркозависимых лиц, четверть которых (25,3 %) о месте, в котором можно употребить наркотики, узнала из сети «Интернет». Учитывая агрессивную рекламу новых видов наркотиков в цифровой среде, а также высокий доход, получаемый поставщиками аддиктивных благ, можно прогнозировать увеличение объемов их распространения с использованием информационных технологий. Между тем, распространение информации о местах для употребления таких веществ все еще не находится под запретом наряду с информацией о способах изготовления, местах приобретения и данный правовой пробел нуждается в восполнении.

Интересно, что законодателем периодически вносятся поправки в законодательство в этой сфере. В частности, 6 мая 2019 опубликован Федеральный закон от 01.05.2019 № 89-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 7 Федерального закона «О рекламе» [1], вступивший в силу 12.05.2019, который вносит изменение в пункт 2 статьи 7 Федерального закона «О рекламе», устанавливающее запрет на размещение (распространение) рекламы новых потенциально опасных психоактивных веществ. Однако такие поправки часто носят преимущественно ситуативный характер.

В связи с этим, предлагается внесение изменений в ряд законодательных актов, регулирующих эту сферу правоотношений, таких как Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в части запрета распространения информации о местах употребления указанных веществ. Так, абзац 3 статьи 4 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» предлагается после слов «местах приобретения» дополнить словами «и употребления». Аналогично подпункт 1б пункта 5 статьи 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» предлагается после слов «местах приобретения» дополнить словами «и употребления».

С другой стороны, в рамках положений ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике) еще одним способом реализации форм профилактического воздействия представляется привлечение средств массовой информации на принципах профессионализма и объективности к пропаганде здорового образа жизни, активной созидательной позиции граждан, формирования в общественном сознании образа нетерпимости к немедицинскому потреблению наркотиков. Таким образом, можно выделить отдельное актуальное направление профилактической работы – антинаркотическая пропаганда, которая представляет собой пропаганду здорового образа жизни, в том числе физической культуры и спорта, направленную на формирование в обществе негативного отношения к наркомании.

Классической формой профилактического воздействия, также обозначенной в п. 7–9 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике, применительно к наркопреступности является лечение и реабилитация лиц, больных наркоманией. Принимая во внимание специфику притоносодержательства, можно несколько оптимизировать традиционные подходы, предложив расширить применение ст. 82.1 УК РФ к притоносодержателям, признанным в официальном порядке больными наркоманией [2].

Важным элементом системы профилактики притоносодержательства, регламентированной п. 4 ч. 1 ст. 17 Закона о профилактике, является совершенствование организации и осуществления учета лиц, потребляющих наркотики. В ходе исследования этого вопроса были выявлены серьезные недостатки в учете и организации профилактической работы с потребителями наркотических средств. Между тем устранение таких недостатков может явиться серьезным вкладом не только в борьбу с рассматриваемым посягательством, но и в целом в противодействие наркотизации населения.

В качестве примера можно привести такие недостатки учетной работы: по одному из приговоров в Республике Татарстан указано, что осуждаемый Т. по месту жительства характеризуется положительно, на учете у врача психиатра не состоит, хронических и тяжелых заболеваний не имеет, не судим. Вместе с тем,

за последний календарный год неоднократно привлекался к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, состоит на учете у врача нарколога, при этом медицинское учреждение не посещает и не наблюдается. Кроме того, состоит на профилактическом учете в отделе МВД России по Заинскому району Республики Татарстан как содержатель притонов для потребления наркотиков (Приговор по делу № 1-145/2018. Вынесен Заинским городским судом (Республика Татарстан (Татарстан). URL https: //bsr.sudrf.ru (дата обращения: 14.12.2018)). При этом не понятно, почему состоящий на учете как содержатель наркопритона не привлекался к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ. Можно задать и обратный вопрос: если лицо не судимо, не привлекается к уголовной ответственности за притоносодержательство, на каком основании оно было взято на соответствующий учет?

Проведенное исследование также показало необходимость и целесообразность в целях совершенствования профилактической и иной деятельности, направленной на противодействие незаконному обороту наркотиков и их немедицинскому потреблению в целом, и притоносодержательству, в частности, законодательно наделить органы прокуратуры, правоохранительные органы полномочиями по получению сведений, составляющих врачебную тайну, в отношении наркозависимых лиц без согласия пациента или его законного представителя в связи с осуществлением государственно-властных полномочий.

Обоснованным и перспективным видится предоставление данных медицинскими учреждениями в корреспондирующие правоохранительные органы либо в прокуратуру не только по запросам, но и в целях информирования, как это указано в п. 5 ст. 13 Федерального закона «Об основах здоровья граждан». В частности, направляемая в рамках такого взаимодействия органами здравоохранения в территориальные органы внутренних дел информация должна содержать следующие сведения: а) о лицах, состоящих на учете в наркологической службе; б) о лицах, прошедших освидетельствование на предмет немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или новых потенциально опасных психоактивных веществ с положительными результатами; в) о лицах, поставленных на учет после задержания органами внутренних дел и обследованных в наркологическом учреждении.

Одновременно органам внутренних дел в территориальные органы здравоохранения следует направлять информацию: 1) о лицах, в отношении которых возбуждены уголовные дела и административные производства, связанные с незаконным потреблением наркотиков; 2) о лицах, условно осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; 3) о лицах, наказание которым отсрочено до завершения курса лечения и медико-социальной реабилитации; 4) о лицах, на которых судом возложена обязанность пройти курс лечения от наркотической зависимости, а также курс реабилитационных мероприятий. При этом следует оговориться, что процедурные вопросы такого законодательного и организационного решения не входили в предмет настоящего исследования и нуждаются в дополнительном изучении.

Резюмируя сказанное, предлагаем комплекс мер по совершенствованию системы предупреждения притоносодержательства, включающий в себя:

1) работу с группами риска, в число которых должны включаться лица, состоящие на учете в связи с употреблением наркотических средств, психотропных веществ; несовершеннолетние, состоящие на таком учете, а также несовершеннолетние, злоупотребляющие одурманивающими веществами; лица, отбывающие наказание условно за преступления, связанные с наркотиками; лица, освободившиеся из мест лишения свободы за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; лица, наказание которым отсрочено за преступления, связанные с наркотиками;

2) применение отсрочки отбывания наказания больным наркоманией к содержателям притонов, для чего автором предложено внести изменения в ст. 82.1 УК РФ в части дополнения перечня содержащихся в ней составов частью 1 ст. 232 УК РФ;

3) установление административной ответственности за организацию употребления одурманивающих веществ, не относящихся к наркотическим, психотропным, их аналогам или новым потенциально опасным психоактивным веществам;

4) установление запрета распространения, в том числе в сети Интернет, информации о местах употребления наркотиков, для чего предлагается внесение изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», за исключением случаев распространения такой информации в целях профилактики наркопотребления;

5) повышение эффективности межведомственного взаимодействия между наркологической службой, органами внутренних дел и другими субъектами профилактической деятельности, включающими в себя информационный обмен не реже одного раза в месяц.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ, – 06.05.2019, – № 18, – ст. 2213.
2. *Шекк Е.А.* Актуальные направления предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // В сборнике: Проблемы детерминации и предупреждения преступности Под редакцией профессора А.И. Долговой. – Москва, – 2017. – С. 318–323.

Reference list

1. Collected legislation of RF, – 06.05.2019, – no. 18, – art. 2213.
2. *Shekk E.* Actual directions of preventing crimes related to drug trafficking // in: Problem determination and crime prevention under the editorship of Professor A. Dolgova. – Moscow – 2017. – 318–323.

УДК 34.343.9

Шиян В.И.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Хвостова Е.С.,
магистрант Юридического института Российского Университета Транспорта (МИИТ)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Эффективное противодействие преступности несовершеннолетних требует исследования ее современных качественно-количественных показателей. Криминологические исследования состояния различных видов преступности позволяют акцентировать внимание на их специфике, определять приоритетные направления профилактической деятельности, разрабатывать и результативно применять соответствующие меры предупреждения преступности. Учитывая, что преступность несовершеннолетних отражает социальную ситуацию в стране, показывает степень выраженности негативных процессов, происходящих в государстве, остроту противоречий, вызывающих криминальные настроения и является прогностической для общей преступности, актуальность статьи не вызывает сомнений. На основании проведенного исследования авторами представлена криминологическая характеристика основных показателей преступности несовершеннолетних за последние пять лет (с 2014 года по 2018 год), учтены не только общероссийские значения, но и региональные, что позволило выделить неблагополучные и благополучные федеральные округа и субъекты Российской Федерации. Результаты проведенного исследования позволили к числу основных негативных тенденций преступности несовершеннолетних отнести рост числа несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); безработных; совершивших преступления в состоянии токсического опьянения и после условно-досрочного освобождения. В структуре несовершеннолетних преступников отмечен рост удельного веса лиц в возрасте 14-15 лет, лиц женского пола, учащихся и студентов. Обозначенные тенденции наблюдались на фоне общего снижения числа лиц, выявленных за совершение преступлений. Отмечено, что несовершеннолетние в два с половиной раза чаще становятся жертвами, нежели чем преступниками. Официальной статистической отчетностью зафиксирован рост числа несовершеннолетних ставших жертвами преступлений, погибших и получивших тяжкий вред здоровью. В статье также содержится краткая характеристика причин, детерминирующих преступность несовершеннолетних. Внимание уделено социально-экономическим, организационно-правовым и нравственно-психологическим причинам.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, состояние преступности, современная преступность, несовершеннолетний преступник, предупреждение преступности, преступное поведение

Shiyan V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics" of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Khvostova E.,
Master student of the Law Institute of the Russian University of Transport

MODERN CONDITION OF CRIME FOR MINORS

Effective countering juvenile delinquency requires the study of its modern qualitative and quantitative indicators. Criminological studies of the state of various types of crime make it possible to focus attention on their specifics, to determine priority areas of preventive activity, to develop and effectively apply appropriate crime prevention measures. Considering that juvenile delinquency reflects the social situation in the country, shows the degree of severity of negative processes occurring in the state, the severity of contradictions that cause criminal sentiment and is prognostic for general crime, the relevance of the article is beyond doubt. Based on the study, the authors presented a criminological characteristic of the main indicators of juvenile delinquency over the past five years (from 2014 to 2018), taking into account not only national values, but also regional ones, which made it possible to identify disadvantaged and prosperous federal districts and subjects of the Russian Federation. The results of the study made it possible to attribute the increase in the number of minors who committed crimes as part of

an organized group or a criminal community (criminal organization) to the main negative trends in juvenile delinquency; unemployed; committed crimes in a state of toxic intoxication and after parole. In the structure of juvenile delinquents, there was an increase in the proportion of people aged 14–15 years, women, students and students. These trends were observed against the background of a general decline in the number of persons identified for committing crimes. It is noted that minors become victims two and a half times more often than criminals. The official statistical reporting has recorded an increase in the number of juvenile victims of crime, dead and seriously injured. The article also contains a brief description of the causes that determine juvenile delinquency. Attention is paid to socio-economic, organizational, legal and moral-psychological reasons.
Keywords: juvenile delinquency, state of crime, modern crime, juvenile delinquent, crime prevention, criminal behavior

В криминологической науке качественные и количественные показатели преступных деяний несовершеннолетних традиционно признаются прогностическими для всей преступности.

Результаты анализа официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» позволяют констатировать, что преступности несовершеннолетних свойственны следующие характеристики:

в структуре преступности несовершеннолетних доминируют преступления против собственности, прежде всего, кража, грабеж и угон;

несовершеннолетними или при их соучастии совершено каждое двадцать пятое (4,0%) расследованное преступление;

количество особо тяжких предварительно расследованных преступлений (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в 2018 году), совершенных несовершеннолетними или при их соучастии повысилось на 5,6 %;

с 2017 года растет число несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации); в 2018 году прирост составил 17,3 %;

удельный вес несовершеннолетних преступников от числа всех лиц, выявленных за совершение преступлений, осталась на уровне 2017 года, т.е. 4,4%. По сравнению с 2014 годом этот показатель снизился на 18,5%;

в структуре несовершеннолетних преступников доминируют лица в возрасте 16-17 лет (63,7%).

Основными мотивами преступного поведения несовершеннолетних являются корыстные побуждения, месть, самоутверждение и хулиганские побуждения.

Молодежный экстремизм стимулируется мотивами национальной ненависти или вражды либо мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В 2018 году сохранилась тенденция снижения большинства абсолютных показателей, характеризующих несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений. В то же время зафиксирован рост числа безработных преступников (+37,5 %), совершивших преступления в состоянии токсического опьянения (+16,7%) и после условно-досрочного освобождения (+53,3 %) (табл. 1).

Результаты анализа относительных показателей позволяют сделать следующие выводы. В структуре несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений, растет удельный вес следующих категорий:

в возрасте 14-15 лет (+3,7%);

женщин (+3,1 %);

учащихся, студентов (+0,9 %);

совершивших преступления в группе (+1,9%) (табл. 2).

Если в течение последних пяти лет динамике удельного веса несовершеннолетних в возрасте 14-15 лет и лиц женского пола свойственен волнообразный характер, то динамика удельного веса несовершеннолетних учащихся, студентов и совершивших преступления в группе, отличается последовательным ростом (см. табл. 2).

Более половины групп (55%) состоит исключительно из несовершеннолетних мужского пола. Каждая пятая группа (в среднем 20%) является смешанной по полу. В 25% случаев в состав групп входили не только несовершеннолетние, но и взрослые, зачастую ранее судимые. Подобное обстоятельство способствует совершению несовершеннолетними повторных преступных деяний, что обусловлено, с одной стороны, устойчивыми криминальными навыками, антиобщественными установками и интересами ранее судимых лиц[1], с другой – спецификой личности несовершеннолетних, которым в большей степени свойственны внушаемость, чувство «ложного товарищества», склонность к подражанию и др.[2]

[1] См.: *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.* Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 46.

[2] См.: *Шиян В.И.* Криминологические особенности личности несовершеннолетнего преступника // Расследование пре-

Как цитировать статью: Шиян В.И., Хвостова Е.С. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 40–46 с.

Таблица 1.

Динамика числа несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений в Российской Федерации в 2014-2018 годах

Выявлено лиц	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	**1 006 003**	**1 075 333**	**1 015 875**	**967 103**	**931 107**
Прирост / снижение, %	-0,6	6,9	-5,5	-4,8	-3,7
Несовершеннолетних	54 369	55 993	48 589	42 504	40 860
Прирост / снижение, %	-10,5	3,0	-13,2	-12,5	-3,9
в возрасте 14-15 лет	17073	17225	15604	14883	14848
Прирост / снижение, %	-13,7	0,9	-9,4	-4,6	-0,2
в возрасте 16-17 лет	37296	38768	32985	27621	26012
Прирост / снижение, %	-9,5	3,9	-14,9	-16,3	-5,8
Женщин	5943	6719	5569	4168	4111
Прирост / снижение, %	-11,7	13,1	-17,1	-25,2	-1,4
Учащихся, студентов	38502	39968	35028	31518	30598
Прирост / снижение, %	-10,7	3,8	-12,4	-10,0	-2,9
Не имеющих постоянного дохода	10308	9942	5511	3692	2771
Прирост / снижение, %	-14,7	-3,6	-44,6	-33,0	-24,9
Безработных	198	99	50	24	33
Прирост / снижение, %	-32,0	-50,0	-49,5	-52,0	37,5
Совершивших преступления в группе	22743	23643	21463	19889	19508
Прирост / снижение, %	-32,0	4,0	-9,2	-7,3	-1,9
Совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения	7567	7521	6724	5355	4832
Прирост / снижение, %	-10,5	-0,6	-10,6	-20,4	-9,8
Совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения	596	652	535	343	164
Прирост / снижение, %	-45,4	9,4	-17,9	-35,9	-52,2
Совершивших преступления в состоянии токсического опьянения	35	31	26	18	21
Прирост / снижение, %	-45,3	-11,4	-16,1	-30,8	16,7
Ранее судимых	5756	5250	4389	4245	3811
Прирост / снижение, %	-25,9	-8,8	-16,4	-3,3	-10,2
Находившихся под следствием с мерой пресечения, не связанной с арестом	464	475	362	289	273
Прирост / снижение, %	-18,0	2,4	-24,3	-20,2	-5,5
В течение 1 года после освобождения	190	161	148	144	127
Прирост / снижение, %	0	-15,3	-8,1	-2,7	-11,8
После условно-досрочного освобождения	36	38	31	15	23
Прирост / снижение, %	-50,7	5,6	-22,5	-51,6	53,3
В период испытательного срока при условном осуждении	1429	1378	1223	1194	1144
Прирост / снижение, %	-19,3	-3,8	-11,6	-2,4	-4,2
Без определенного места жительства	51	50	57	35	21
Прирост / снижение, %	-15,0	-2,0	14,0	-38,6	-40,0
Граждане России	53872	55408	48050	42073	40466
Прирост / снижение, %	-10,9	2,9	-13,3	-12,4	-3,8
Мигранты	41	61	58	41	15
Прирост / снижение, %	-33,1	48,8	-4,9	-29,3	- 63,4

Таблица 2.

Динамика удельного веса несовершеннолетних, выявленных за совершение преступлений в Российской Федерации в 2014-2018 гг.

Удельный вес	2014	2015	2016	2017	2018	Прирост/ снижение к 2017 г., %
Несовершеннолетних	5,4	5,2	4,8	4,4	4,4	0
в возрасте 14-15 лет	31,4	30,8	32,1	35,0	36,3	3,7
в возрасте 16-17 лет	68,6	69,2	67,9	65,0	63,7	-2,0
Женщин	10,9	12,0	11,5	9,8	10,1	3,1
Учащихся, студентов	70,8	71,4	72,1	74,2	74,9	0,9
Не имеющих постоянного дохода	19.0	17,8	11,3	8,7	6,8	-21,8
Безработных	1,9	1,0	0,9	0,7	0,1	-85,7
Совершивших преступления в группе	41,8	42,2	44,2	46,8	47,7	1,9
Совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения	13,9	13,4	13,8	12,6	11,8	-6,3
Совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения	1,1	1,2	1,1	0,8	0,4	-50,0
Совершивших преступления в состоянии токсического опьянения	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	-
Ранее судимых	10,6	9,4	9.0	10,0	9,3	-7,0
Без определенного места жительства	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0
Граждане России	99,1	99,0	98,9	99,0	99,0	0
Мигранты	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	-100,0

До настоящего времени остаются актуальными выводы исследования, проведенного в начале XX столетия Я.Л. Берманом о «поступательном движении рецидива в преступности несовершеннолетних». По справедливому замечанию ученого, движение рецидива почти исключительно концентрируется в преступлениях против собственности (главным образом кражах), только изредка отклоняясь в сторону других преступлений[3].

Согласно общероссийским значениям, в числе учащихся, выявленных за совершение преступлений абсолютное большинство (75,0%) несовершеннолетних, в то же время среди студентов доминируют (88,8%) лица от 18 лет и старше (табл. 3).

В 2018 году лидерами криминальной статистики по удельному весу учащихся в структуре всех лиц, выявленных за совершение преступлений стали Уральский (5,7%), Дальневосточный (5,6%), Сибирский (5,3%), Северо-Западный (4,7%) и Приволжский (4,4%) федеральные округа. На уровне субъектов Российской Федерации в их числе: Ненецкий АО – 8,7%; Республика Тыва – 7,4%; Республика Карелия – 7,2%; Свердловская область – 7,2%; Республика Бурятия – 7,1% и др.

К регионам с наименьшим удельным весом учащихся-преступников относятся: Чеченская Республика – 0,1%; Республика Дагестан –1,0%; Республика Северная Осетия – Алания –1,0%; Республика Ингушетия –1,5 %; г. Москва –1,7%; Карачаево-Черкесская Республика –1,8% и др.

Максимальное значение удельного веса студентов, незначительно превышающее общероссийский показатель (0,5%), зафиксировано только в Центральном федеральном округе (0,6%). Наиболее высокая их доля характерна для следующих субъектов Российской Федерации: г. Москва –1,3%; г. Санкт-Петербург –1,1%; г. Севастополь –1,1%; Томская область –1,0%; Республика Адыгея – 0,9% и др.

В 2018 году общероссийский уровень (коэффициент) криминальной активности населения составил 759,8, а несовершеннолетних – 723,2. Этот показатель варьируется в зависимости от региона. В числе наиболее неблагополучных – Дальневосточный, Сибирский, Уральский и Северо-Западный федеральные округа (табл. 4). Причем в ДФО и СФО данный показатель почти в два раза превышает общероссийский.

Структура несовершеннолетних преступников в большинстве своем представлена лицами, совершившими преступления против собственности, прежде всего, кражу (63,7%), грабеж (8,5%) и угон (6,3%).

В целом по России по сравнению с 2017 года наблюдается тенденция снижения числа несовер-

ступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1 (19) С. 95.

[3] См.: *Берман Я.Л.* Рецидив в детской преступности // Дети преступники: Сборник статей под ред. М.Н. Гернета. – М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и Ко», 1912. С. 304.

Таблица 3.

Удельный вес учащихся и студентов в 2018 году

Показатели	Всего лиц, совершивших преступления	Удельный вес, в структуре всех лиц, совершивших преступления(%)	Всего несовершеннолетних, совершивших преступления	Удельный вес несовершеннолетних, в структуре лиц, выявленных за совершение преступлений (%)
Всего выявлено лиц, совершивших преступления	931107		40860	4,4
Учащихся	40164	4,3	30119	75,0
Студентов	4266	0,5	409	11,2

шеннолетних, совершивших: хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (-33,3%); убийства (-31,3%), разбой (-10,9%); грабеж (-8,9%); кражу (-3,5%); угон (-3,4%); изнасилование (-2,9%); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (-0,7%).

В разрезе федеральных округов исключение составили:

Центральный федеральный округ, где на 41,7 % увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за изнасилование, 2,7% грабеж, 2,8% угон;

Северо-Кавказский федеральный округ (на 20% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за убийство, 8% умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; 80% изнасилования, 5,3% кражи, 18,5% грабежи, 23,8% угон);

Северо-Западный федеральный округ (на 17,0% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; на 50% изнасилований);

Южный федеральный округ (на 3,4% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, 4,3% угон);

Приволжский федеральный округ (на 31,6% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за изнасилование);

Уральский федеральный округ (на 5,0% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за изнасилование);

Сибирский федеральный округ (на 2,9% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за угон);

Дальневосточный федеральный округ (на 28,4% увеличилось число несовершеннолетних, выявленных за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью).

Наряду с вышеперечисленными тенденциями на территории Российской Федерации в 2018 году наблюдался рост числа несовершеннолетних, выявленных за совершение хулиганства (+58,6%), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (44,0%), вымогательств (9,5%), мошенничеств (6,3%), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (1,5%).

Иные характеристики свойственны ряду федеральных округов. Например, в ЦФО (-11,6%), ПФО(-10,4%), УФО (-15,7%) и ДФО (-8,5%) сократилось число несовершеннолетних, выявленных за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; в СЗФО (-33,3%), ЮФО (-3,8%) и ДФО (-24,5%) – мошенничеств; ЦФО (-16,2%), СЗФО (-34,5%), СКФО (-26,1%) и СФО (-15,9%) – вымогательств; ПФО (-57,1%), УФО (-50,0%), СФО (-50,0%) и ДФО (-50%) – хулиганств, ЮФО – хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Современное состояние преступности несовершеннолетних обусловлено многообразным причинным комплексом. В рамках данной статьи остановим свое внимание только на тех причинах, существенное влияние которых подтверждено материалами многочисленных научных исследований[4].

Социально-экономические причины. В их числе:

семейное неблагополучие, разрушение устоев семьи, что приводит к сиротству при живых родителях. Так, по данным Росстата с 2008 г. растет число

[4] См., например: Проблемы детерминации и предупреждения преступности / Под ред. А.И. Долговой. М.: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2017; Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Факторы преступности в Приволжском федеральном округе Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12-2 (66); Борисов А.В. Факторы преступности в Сибирском федеральном округе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3 и др.

детей, родители которых ограничены в родительских правах; на 10000 детей в возрасте 0-17 лет в среднем 21,0 детей, родители которых лишены родительских прав. Стабильно высоким остается число разводов. Каждый четвертый ребенок рождается в семье, где брак между родителями не зарегистрирован. По сравнению с 2002 г. более чем в семь раз увеличилось количество рассмотренных судами дел об установлении отцовства;

высокий уровень безработицы, который обусловливает ухудшение психологического климата в семьях безработных, отчуждение родителей от обязанности по воспитанию детей, поиск забвения в пьянстве, состояние стресса, разрядкой которого служат грубые проявления конфликтности, ожесточение в отношении собственных детей, совершающих в результате побеги из дома и в свою очередь переходящих на преступный путь;

неразрешенные проблемы трудоустройства несовершеннолетних из числа не имеющих профессионального образования или выпускников профессиональных образовательных организаций без опыта работы;

снижение референтной значимости ведущих институтов социализации, которыми для несовершеннолетнего являются семья, учебное заведение. Так, по данным Росстата в настоящее время сократилось число обучающихся, получивших аттестат о среднем общем образовании (–4,1 % к 2015 году и –57,4 % к 2000 году);

безнадзорность и беспризорность (в год 50-53 тыс. детей самостоятельно покидают дом или образовательную организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

Организационно-правовые причины: ненадлежащий надзор за исполнением законов о воспитании и охране прав детей; низкий уровень правового воспитания; правовой нигилизм, проявляющийся в устойчиво пренебрежительном или ином негативном отношении к праву, отрицании его конструктивной роли при решении возникающих проблем; ослабление социального контроля со стороны субъектов профилактики, ненадлежащее их взаимодействие и обмен информацией при реализации мер предупреждения преступности несовершеннолетних; неудовлетворительная организация досуга несовершеннолетних по месту жительства. Многие детские учреждения, организации прекратили свое существование, или стали платными и соответственно недосягаемыми. Отсутствует регулярная деятельность по организации летнего и зимнего отдыха несовершеннолетних, в том числе находящихся в трудной жизненной ситуации, состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел. Например, по данным Росстата[5] наблюдается снижение числа: организаций дополнительного образования, работающих по всем видам образовательной деятельности детей (–4,7 % к 2015 году); детско-юношеских спортивных школ (–42,4 % к 2015 году); детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств (–3,0 % к 2015 году).

Нравственно-психологические причины обусловлены: глубокой нравственной деградацией личности; пренебрежительным отношением к элементарным требованиям морали; стрессовыми ситуациями в жизни несовершеннолетнего; самым значительным возрастным психоэндокринным сдвигом, характерным для пубертатного периода; педагогической и социальной запущенностью; психическими аномалиями, т.е. расстройствами психической деятельности, не достигшими психотического уровня и не исключающими вменяемости, но влекущими личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению; распространенностью алкоголизма, наркомании, токсикомании и проституции среди несовершеннолетних; негативным влиянием средств массовой информации и др.

Следует отметить, что в сфере уголовно-правовых отношений несовершеннолетние чаще выступают не в роли преступников, а в роли потерпевших. Об этом свидетельствуют абсолютные и относительные показатели. Так, по итогам 2018 г. удельный вес несовершеннолетних в структуре лиц, выявленных за совершение преступлений, составил 4,4% (в абсолютном значении – 40860 несовершеннолетних, совершивших преступления), в то время как количество потерпевших этой категории достигло отметки 106779 (удельный вес от общего числа потерпевших – 6,8%).

На фоне уменьшения общего количества потерпевших (-4,7% в 2018 году) возросло число несовершеннолетних ставших жертвами преступлений (+1,2%), погибших (+5,3%), получивших тяжкий вред здоровью (+6,6%), беженцев (+7,7%).

В 2018 году значительно возросло число погибших несовершеннолетних в Южном и Дальневосточном федеральных округах (см. табл. 4).

Наибольшее число несовершеннолетних потерпевших зафиксировано от преступлений небольшой тяжести (83134), а также против семьи и несовершеннолетних (68646), половой неприкосновенности и половой свободы личности (11557), жизни и здоровья (11495).

По сравнению с 2017 годом возросло количество несовершеннолетних потерпевших от следующих преступлений:

особо тяжких (+2,7%);

разбоя (+453,1%);

---

[5] *См.: Российский* статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 184, 186.

Таблица 4

Ранжирование федеральных округов по относительному приросту количества погибших несовершеннолетних в 2018 году

№ п/п	Федеральный округ	Количество потерпевших	Абсолютный прирост	Относительный прирост (%)
1	Южный	338	88	35,2
2	Дальневосточный	234	48	25,8
3	Северо-Западный	226	23	11,3
4	Центральный	578	43	8,0
5	Приволжский	507	3	0,6
6	Уральский	244	-1	-0,4
7	Северо-Кавказский	131	-5	-3,7
8	Сибирский	452	-53	-10,5

похищения человека (+17,0%);

умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (+10,6);

убийств (+2,1%);

насильственных действий сексуального характера (+0,8%);

нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (0,6%).

В большинстве случаев жертвами преступления становятся дети в возрасте от 1 года до 13 лет (50-53%). Минимальное количество жертв – от 0 до 1 года (не более 3%).

С учетом изложенного, в ближайшей перспективе не придется рассчитывать на существенное изменение качественных и количественных показателей преступности несовершеннолетних.

Список литературы

1. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В.* Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2016. № 3. С. 40-49.
2. *Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И.* Факторы преступности в Приволжском федеральном округе Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12-2 (66). С. 123-127.
3. *Берман Я.Л.* Рецидив в детской преступности // Дети преступники: Сборник статей под ред. М.Н. Гернета. – М.: Книгоиздательство «В.И. Знаменский и К°», 1912. 605 с.
4. *Борисов А.В.* Факторы преступности в Сибирском федеральном округе // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 40-43.
5. Проблемы детерминации и предупреждения преступности / Под ред. А.И. Долговой. М.: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2017. 563 с.
6. *Шиян В.И.* Криминологические особенности личности несовершеннолетнего преступника // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1 (19). С. 93-97.

УДК 351.8

Новикова О.В.,
доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

РОЛЬ ЦЕРКВИ В ПРОЦЕССЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Духовно-нравственное воспитание граждан – это не просто стратегическая задача государства, но также одно из важнейших направлений для воспитания личности. Вера позволяет оступившемуся человеку расширить нравственный коридор, попытаться познать такие ценности, как доброта и человечность и не повторять жизненных ошибок. В данной статье говорится о взаимодействии органов уголовно-исполнительной системы и Православной Церкви, что благодаря совместным усилиям можно добиться таких целей, как последующее исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Влияние церкви в местах лишения свободы имеет особенное значение, так как для осужденного именно церковь может стать стимулом для последующего исправления и дальнейшей жизни. Церковь также должна помогать в процессе защиты прав и интересов осужденных, так как именно к священнослужителю скорее прислушаются работники пенитенциарных учреждений. В статье роль церкви не преувеличена, особенно в таком месте, как исправительное учреждение. А в настоящее время идут преобразования в уголовно-исполнительной политике, поэтому стоит обратить внимание на укрепление связей церкви и государства в системе исполнения наказаний.

Ключевые слова: церковь, священник, уголовно-исполнительная система, осужденный, взаимодействие, защита прав, нравственность, духовность

Novikova O.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

ROLE OF THE CHURCH IN THE PROTECTION OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONDEMNED TO THE DETERMINATION OF THE FREEDOM

The spiritual and moral education of citizens is not just a strategic task of the state, but also one of the most important areas for the education of the individual. Faith allows the stumbled person to expand the moral corridor, to try to know such values as kindness and humanity and not to repeat the mistakes of life. This article talks about the interaction between the bodies of the penitentiary system and the Orthodox Church, that through joint efforts such goals as the subsequent correction of the convicted person and the prevention of new crimes can be achieved. The influence of the church in places of deprivation of liberty is of particular importance, since for a convict it is the church that can be a stimulus for later correction and further life. The church should also assist in the process of protecting the rights and interests of convicts, since it is the clergyman who is most likely to be listened to by prison officials. In the article, the role of the church is not exaggerated, especially in a place such as a correctional institution. And now there are transformations in the penitentiary policy, so you should pay attention to strengthening the ties of the church and the state in the system of execution of sentences.

Keywords: church, priest, penitentiary system, convict, interaction, protection of rights, morality, spirituality

На сегодняшний день пенитенциарная система России находится на стадии преобразований, которые направлены на укрепление гуманистических принципов в уголовно-исполнительной политике. Такая политика должна соответствовать международным договорам и конвенциям. В 2010 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г.

Следует сказать, что достижение положительных результатов в предупреждение преступлений

Как цитировать статью: Новикова О. В. Роль церкви в процессе защиты прав осужденных к лишению свободы // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 47–50 с.

возможно только при совместных усилиях органов уголовно-исполнительной системы России с религиозными организациями и общественными объединениями. В рамках демократизации исправительного процесса особое внимание уделяется вопросам духовного и нравственного воспитания правонарушителей. И большую помощь здесь оказывает именно православная церковь. Влияние церкви неоспоримо в предотвращении межнациональных и межличностных конфликтах среди осужденных. Но основная цель – это формирование и закрепление нравственных основ в сознании правонарушителей.

Духовно-нравственное воздействие религии на человека всегда было и остается очень весомым и значимым, а в отношении осужденных может стать главным стимулом для их раскаяния и последующего исправления, а также следует сказать, что духовное воздействие помогает в том, чтоб адаптация к жизни на свободе проходила менее болезненно. Тюремное служение в исправительных учреждениях направлено, прежде всего, на создание условий для полноценной духовной жизни заключенных в местах принудительного содержания. Сегодня в УИС насчитывается 243 православных храма, создано 632 молельные комнаты. Действуют 770 религиозных общин различных конфессий, которые объединяют 13,5 тыс. верующих, т.е. 2% от общего числа осужденных. И то, что сегодня во всех учреждениях существуют православные тюремные храмы, невозможно переоценить! Посещение тюремного храма, участие в богослужении, общение со священнослужителями, действительно, является фактором – и, возможно, единственным – который способствует исправлению оступившихся. Только вера, только храм помогают осужденному достойно отбыть срок наказания, не потерять человеческий облик, сохранить связи с родными.

Статья 14 УИК РФ устанавливает, что осужденным гарантируются свобода совести и свобода вероисповеданий. Они вправе исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними. Согласно действующему законодательству все религии и религиозные организации равны перед законом. Разрешается совершение религиозных обрядов, пользование предметами культа и религиозной литературой. Для этой цели выделяется соответствующее помещение. Этой же статьей разрешен допуск священнослужителей в ИУ, СИЗО, тюрьмы. [1]

В разных субъектах России накоплен благотворный опыт взаимодействия уголовно-исполнительной системы с религиозными организациями. Присутствие в колониях религиозных организаций на современном этапе времени весьма распространённое явление. Например, священнослужители ведут переписку с отдельными осуждёнными, оказывают моральную, организационную и материальную поддержку освобождённым. Также проходят встречи со священнослужителями, посещения библейских школ, храмов и молельных комнат. Особо следует обратить внимание, что именно церковь оказывает финансовую помощь пенитенциарным учреждениям. А священнослужители проводят различные религиозные обряды. Еще организуются концерты художественной самодеятельности осужденных, просмотры художественных и документальных фильмов, прослушивание аудиозаписей духовной музыки, спортивные соревнования, турниры, конкурсы. Есть небольшой опыт по переписке осужденных с трудными подростками, где на подростков оказывается воспитательное и психологическое воздействие, направленное на то, чтоб не потерять правильный ориентир в жизни. распространен опыт работы с осужденными в мастерских , где изготавливаются различные изделия религиозной направленности: оклады для икон, сами иконы и другая церковная утварь. Проводя в мастерских большую часть своего свободного времени, осужденные постепенно приобщаются к православию, приходят к исповеди.[2]

В некоторых пенитенциарных учреждениях выпускаются церковные газеты, создаются уголки «Слушателю церковной школы», правонарушители обращают внимание на традиции и обычаи. Также существуют такие проекты, как «Звонок бесплатный», и «Осужден, но гражданин». Оба они получили государственную поддержку в виде грантов, выделенных фонду в соответствии с распоряжениями Президента Российской Федерации и на основании конкурса, проведенного движением «Гражданское достоинство». В таких проектах священники встречаются с заключенными в неформальной обстановке, где может возникнуть доверие, которое особенно необходимо дл осужденного. Священник в колонии – больше, чем представитель религиозной конфессии, к нему идут не только за советом, но и порой за последней надеждой человека. Это авторитет Русской Православной Церкви, к которому администрация не может не прислушаться. Такое приобщение к духовным ценностям конечно имеет достаточно большие плюсы, так как приводит к формированию нравственных качеств у личности и нормализации морально-психологического климата в среде осужденных. Далее может происходить искреннее раскаяние в содеянном, а это – достижением одной из главных целей наказа-

[1] Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: ТК Велби, Проспект, 2016.

[2] сайт: pravoslavie.ru

ния, т.е. отказ от совершения новых преступлений в дальнейшей жизни. Следует сказать, что реализация религиозного воспитания ни в коем случае не должна ущемлять права осужденных, а наоборот – необходимо оказывать помощь в реализации их прав.

Значит, недостаточно замкнуть круг исправления только на лишении их свободы, на привлечении к труду или на наказании, это лишь приведёт к замыканию внутреннего мира человека, превратит его в «механизм», который по возвращении снова столкнется с действительностью и неминуемо вернётся на прежний путь. Поэтому на практике есть еще такой вопрос: как согласовать религиозный фактор с исправительным процессом? Ведь вред или польза исправления определяется не религией, а способом, которым она исповедуется. Как же найти разумное основание, чтобы поощрить роль религии в процессе исправления осужденных? Ответ на этот вопрос звучит так. Этим основанием служит всеобщий закон культуры, который гласит, что человеку в процессе своего индивидуального развития необходимо усвоить культурные ценности, выработанные человечеством на протяжении всей истории его существования.[3] Осужденный – это тип человека, жизнь которого определяют чувственные потребности. В его сознание сидит страх возмездия за его поступок. Но духовные начала все равно присутствуют в его сознании – идеи, принципы, убеждения. Поэтому необходим грамотно продуманный способ в исправительном процессе, который будет заключаться в разумности религиозной жизни в пенитенциарных учреждениях.

Долг церкви в случае необходимости – это защита прав осужденных, а также защита чести и достоинства как личности. Здесь возможна реализация следующих направлений: привлечение внимания общественности к идеям ресоциализации осужденных; привлечение общественности к таким случаям, где произошло грубейшее нарушение прав осужденных и нет возможности их восстановить законным способом; проведение психокоррекционных мероприятий в случаях необходимости; выдвижение кандидатур священнослужителей в региональные наблюдательные комиссии и общественные советы при территориальных органах уголовно-исполнительных систем государств; участие в деятельности общественных организаций пенитенциарной направленности; внедрение методов режимного стимулирования поведения осужденных при учреждениях исполнения наказаний и реальное исполнение таких методов; участие в рассмотрении вопросов помилования и условно-досрочного освобождения; также налаживание связей с государственными службами после освобождения, восстановление социально-полезных связей и оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Следует уделить внимание такому нововведению как создание самостоятельного института тюремных священников, которые будут только работать с заключенными. Здесь стоит использовать дореволюционный опыт тюремного служения православной церкви, который, необходимо приспособить к современным реалиям жизни. Тюремное духовенство станет постоянно присутствующей и составляющей единицей в местах заключения.[4] Если священнослужитель будет постоянно находится в местах лишения свободы, это поможет находить более правильный путь к пониманию мировоззрения осужденных и воздействия на них, а также реальной защите их прав и интересов.

В своем тюремном служении в местах лишения свободы церковь может тесно сотрудничать с государством, и в случаях необходимости привлекать к своей работе сотрудников государственных пенитенциарных учреждений, т.е. юристов, врачей, психологов, социальных работников. Также важно, чтоб священнослужители могли оказывать внимание именно тем осужденным, которые особо нуждаются в духовной помощи.

Для отбывшего наказание и вышедшего на свободу человека необходима система реабилитации. Сейчас этим занимаются многие правозащитные организации, которые давно уже работают в данном направлении. Также могут создаваться центры по реабилитации подростков, вступивших в конфликт с законом, женщин, отбывших наказание и специальные учреждения поддержки семей заключенных. Но создание таких центров реабилитации требует немалых материальных средств. А обществу необходимы такие центры. Поэтому реформа уголовно-исполнительной системы должна предполагать взаимодействие церкви и государства. Приоритетная задача всей уголовно-исполнительной системы – это задача «сохранения и развития личности».

В заключении следует отметить, что тюремное служение церкви не должно подменять собой ответственность государства в сфере пенитенциарной жизни заключенных, первостепенная ответственность у государства. И конечно не совсем реально духовно-нравственное исправление каждого преступника, также как невозможно вылечить каждого больного. Но, следует обязательно отметить, что опыт исправления осуждённых с помощью религии неоспоримо велик, а её роль в процессе исправления является одной из главнейших и самых значимых в пенитенциарной системе России.

---

[3] *Байдаков Г.П., Артамонов В.В. и др.* Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях. – М., 1996.

[4] Сайт: pdsem.mrezha.net

Список литературы

1. *Байдаков Г.П., Артамонов В.В. и др.* Деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях. – М., 1996.
2. Защита прав осужденных: опыт, проблемы, перспективы. Сборник материалов межвузовской научно-практического семинара. Под общей ред: М.М. Поповича. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 146 с.
3. *Зауторов Э.В.* Взаимодействие пенитенциарных учреждений и Русской православной церкви как одно из направлений уголовно-исполнительной политики. Журнал: Актуальные вопросы психологии, педагогики и социальной работы, 2010.
4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: ТК Велби, Проспект, 2016. – 448 с.
5. Уголовно-исполнительное право. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2018. – 248 с.
6. Уголовно-исполнительное право. – М.: Юридический центр, 2018. – 378 с.
7. Сайт: pravoslavie.ru
8. Сайт: pdsem.mrezha.net
9. Сайт: cyberleninka.ru
10. Сайт:scienceforum.ru
11. Сайт:lexandbusiness.ru

УДК 349

Чеботарева А.А.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблемой совершенствования механизмов развития электронной торговли сегодня заняты все современные государства, определяя для себя стратегические задачи и векторы развития соответствующего законодательства. Автором исследуются основные нормативные акты в сфере развития электронной торговли, прогнозные исследования роста электронной коммерции, а также причины, ослабляющие ее развитие. Основной вывод, формулируемый автором, основывается на значении отдельно выделяемого направления электронной коммерции в рамках реализуемых государством национальных программ. Именно такой путь может способствовать снятию многих барьеров на пути развития электронной торговли в России. Подчеркивается, что развитие электронной торговли возможно только при условии реального доверия потребителей к ней, что невозможно без эффективного механизма защиты их прав. Владельцами электронных площадок, агрегирующих информация о товарах и услугах, должно абсолютно соблюдаться законодательство в области защиты прав потребителей. Цифровизация оказывает как положительный эффект на развитии электронной торговли, в том числе трансграничной, однако процессы развития сопряжены с проблемами правового регулирования. В статье автором, с учетом последних изменений соответствующего законодательства, акцентируется внимание на проблематике защиты прав потребителей в их правоотношениях с профессиональными участниками потребительского рынка на платформе электронной коммерции (маркетплейс).

Ключевые слова: электронная торговля, электронная коммерция, цифровая экономика, экосистема цифровой экономики, трансграничное взаимодействие, торговые онлайн-платформы, электронные торговые корпорации, логистика, виртуальные валюты, торговля, дистанционная купля-продажа, международное сотрудничество, зашита прав потребителей в условиях цифрового рынка, расчеты при электронной торговле, налогообложение трансграничной онлайн-торговли, электронные документы

Chebotareva A.,
PhD in Law, associate professor, department chair «Administrative law, ecological law, information law»
Legal institute of the Russian university of transport

ELECTRONIC COMMERCE: THE STRATEGIC DIRECTIONS OF THE STATE IN DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The problem of improvement of mechanisms of development of electronic trading busy all modern states today. The states define for themselves strategic tasks and vectors of development of the relevant legislation. The author investigates the main regulations in the sphere of development of electronic trading, expected researches of growth of electronic commerce and also the reasons weakening its development. The main conclusion formulated by the author is based on value of separately allocated direction of electronic commerce within the national programs implemented by the state. Such way can promote removal of many barriers on the way of development of electronic trading in Russia. It is emphasized that development of electronic trading is possible only on condition of real consumer confidence to it that it is impossible without effective mechanism of protection of their rights. Owners of electronic platforms, aggregating information on goods and services, the legislation in the field of consumer protection has to be observed absolutely. Digitalization renders as positive effect on development of electronic trading, including cross-border, however developments are accompanied by problems of legal regulation. In article the author, taking into account the last changes of the relevant legislation, focuses attention on a perspective of consumer protection in their legal relationship with professional participants of the consumer market on the platform of electronic commerce.

Keywords: electronic trading, electronic commerce, digital economy, ecosystem of digital economy, cross-border interaction, trade online platforms, electronic trade corporations, logistics, virtual currencies, trade, remote purchase and sale, the international cooperation, is sewn up the rights of consumers in the conditions of the digital market, calculations at electronic trading, taxation of cross-border online trade, electronic documents

Несмотря на показатели роста электронной торговли, сохраняется доминирующее положение традиционной торговли. Так, объем электронной коммерции в России не превышает 4 процентов от общего объема розничных продаж. Тем не менее государство проявляет высокую заинтересованность в развитии электронной коммерции. И это характерно сегодня для многих стран, поскольку рынок электронной торговли очевидно выступает рынком с большим потенциалом для роста.

В целях развития Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы в июле 2017 года принята и активно реализуется государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая, прежде всего, направлена на создание «экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан».

Необходимо подчеркнуть, что один из Федеральных проектов в составе национальной программы «Цифровая экономика» – «Информационная инфраструктура» – в качестве ожидаемых эффектов от реализации для граждан, бизнеса и государства предполагает:

1) Увеличение пропускной способности каналов передачи данных;

2) Улучшение условий для бизнеса, связанного с деятельностью внутри сети «Интернет»;

3) Увеличение количества пользователей сети "Интернет" на территории Российской Федерации;

4) Функционирование благоприятной информационной бизнес-среды.

А весной 2018 года, Омбудсменом по развитию цифровой экономики в ежегодном докладе Президенту России «Книга жалоб и предложений российского бизнеса» [6] предложено дополнить данную государственную программу отдельным направлением электронной коммерции. В числе предложений также – создание отечественных глобальных торговых онлайн-платформ, способных конкурировать с крупнейшими зарубежными электронными торговыми корпорациями. Такие инициативы и их продвижение на государственном уровне будут способствовать снятию барьеров для развития электронной коммерции, которых еще остается немало – это в целом экономические проблемы, характерные для той или иной страны, и валютные ограничения, и неопределенность в отношении виртуальных валют, дороговизна логистики, вопрос защиты прав потребителей и пр.).

Остается актуальным вопрос эффективности совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли при международных почтовых отправлениях. При этом должны быть определены как условия операций по уплате таможенных пошлин, налогов в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли, так и регламентированы требования к назначенным операторам почтовой связи, осуществляющим таможенные операции в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли, пересылаемых в адрес такого лица в международных почтовых отправлениях, от имени и по поручению физического лица – приобретателя товаров.

В числе положительной влияющих на развитие международной электронной торговли – регламентация требований к назначенным операторам почтовой связи и условий совершения операций по уплате таможенных пошлин, налогов в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли, пересылаемых в адрес такого лица в международных почтовых отправлениях. Прежде всего, приказом Минфина России от 21.12.2018 № 279н «Об определении требований к назначенным операторам почтовой связи и условий совершения операций по уплате таможенных пошлин, налогов в отношении товаров для личного пользования, приобретенных физическим лицом в рамках международной электронной торговли, пересылаемых в адрес такого лица в международных почтовых отправлениях» установлено, что «уполномоченный оператор должен иметь информационную систему, обеспечивающую: взаимодействие с Единой автоматизированной информационной системой таможенных органов в соответствии с установленными техническими требованиями и направление в режиме реального времени электронных документов и (или) сведений о физических лицах, приобретающих товары для личного пользования в рамках интернет-торговли, а также о товарах для личного пользования, перемещаемых в рамках интернет-торговли, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного оператора;

- взаимодействие с информационной системой оператора таможенных платежей в целях пере-

Как цитировать статью: Чеботарева А.А. Электронная коммерция: стратегические направления государства в развитии и проблемы правового регулирования // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 51–58 с.

числения сумм таможенных платежей в федеральный бюджет (в случае, если уплата таможенных платежей уполномоченным оператором будет производиться с применением электронных терминалов операторов таможенных платежей);

- получение уполномоченным оператором от таможенных органов уведомления (уточнения к уведомлению) о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, процентов и пеней и иных таможенных документов, применяемых при взыскании таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, процентов и пеней».

Не теряет своей актуальной составляющей и вопрос электронной торговли в социальных сетях как разновидности дистанционной продажи. Для интернет-продавцов социальные сети создают пул огромных возможностей для развития бизнеса (особенно в сегменте товаров первой необходимости) за счет привлечения новых клиентов. Количество трансграничных покупок ежегодно возрастает, даже при тенденции ужесточения законодательства в данной сфере. Так, по данным компании Nielsen (глобальной компании-измерителе, предоставляющей данные и аналитику для наиболее полноценного изучения потребителей и рынков) [14], 90% россиян совершали онлайн-покупки хотя бы один раз в течение нескольких последних лет, доверие к онлайн-шопингу стало практически повсеместным, а список товаров, которые теперь предпочитают покупать в сети, а не в реальной жизни, расширился.

Исследовательская фирма Forrester опубликовала прогнозные исследования на период 2015-2020 гг. для сектора электронной коммерции в России, Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в США [13]:

- «доля онлайн-продаж в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Австралия, Китай, Индия, Япония и Южная Корея) увеличится до $1,4 трлн к 2020 году, а среднегодовые темпы роста будут составлять около 14,3%;

- объем онлайн-продаж в США увеличится на 56% и составит $523 млрд к 2020 году: в среднем сектор будет прибавлять по 9,3% роста в течение пяти лет.

- европейский регион остается на втором месте по объему электронной коммерции, уступая первенство Азиатско-Тихоокеанскому региону, хотя примерно 75% населения Европы являются активными пользователями сети Интернет, в то время как Азиатско-Тихоокеанском регионе эта доля насчитывает лишь 39%.

- рост электронной коммерции будет достигаться преимущественно увеличением использования мобильных устройств и венчурных инвестиций (инвестиции в стартапы).

- одни из самых развивающихся в Европе – это российский и польский рынки, поскольку в ближайшие годы количество онлайн-пользователей будет постоянно расти».

Однако сегодня, несмотря на перспективность прогнозов для российского рынка электронной коммерции, причин, ослабляющих ее развитие, более, чем предостаточно. Так, Соловей М. В. И Кривонос Д. А. в числе слабых мест российской электронной коммерции выделяют следующие:

- «слабо развитая логистика и почтовые услуги, несмотря на то, что вопрос доставки товаров до клиента является одним из ключевых для развития этой отрасли. Основные минусы логистических услуг – это плохо организованная, дорогая, неудобная в использовании система доставки грузов, отсутствие возможности перевозки крупногабаритных товаров. Нет выбора и стандартов логистических перевозок. Эти минусы кроются в масштабах нашей страны, которая требует передового уровня развития логистики;

- проблема некомпетентности и нехватки кадров, что ведет к росту издержек, риску репутацией;

- недоверие населения к Интернет-магазинам. Это следует из опасения мошенничества или неумения пользоваться интернет-магазинами. Отсутствие обязательной государственной Интернет-сертификации не дает пользователям возможности доверять сайту;

- отсутствие проработанной нормативной базы. Нет единого подхода к регулированию Интернет-торговли, нет единого Министерства или агентства. Существующие законы противоречивы и разнородны» [8].

Еще одна из актуализирующихся проблем в сфере электронной торговли сегодня – возможности злоупотребления своими возможностями платформы (маркетплейса) и ретейлера как платформы для ограничения конкуренции в сфере ритейла. Речь идет о процессах сбора и использования информации о потребителях как важного фактора конкуренции в сфере e-commerce, поскольку онлайн-ретейлеры собирают значительное количество данных о пользователях и потенциально могут их использовать во вред своим конкурентам.

Однако процессы реального развития все же ощутимы. Так, развитие облачных систем для электронной B2B-торговли, убыстрение за счет этого всех процессов будет актуальным на ближайшие годы как для оптовиков, так и для производителей в сфере электронной торговли.

При этом рост электронной коммерции нередко затрудняется рядом законодательных ограничений, к примеру, на продажу лекарственных препаратов, алкогольной продукции, ювелирных изделий. Сохраняется также тенденции ужесточения регулирования иностранных систем денежных переводов, мобильных платежей и онлайн-касс.

Фактором, негативно влияющим на развитие электронной торговли продолжают оставаться и проблемы защиты персональных данных.

Снижение существенных барьеров на пути развития электронной торговли возможно за счет эффективности стратегических направлений развития государства. Развитие электронной торговли, электронной коммерции в условиях цифровой экономики и формирования полноценной экосистемы цифровой экономики ведет к мощнейшему развитию трансграничного взаимодействия, увеличению числа торговых онлайн-платформ, крупных электронных торговых корпораций. И отдельно выделяемое направление электронной коммерции в рамках реализуемых государством национальных программ может способствовать снятию многих проблем – законодательных и организационных – на пути ее развития.

Важно отметить востребованность обсуждения на ведущих научных площадках проблем развития электронной торговли в целом, проблем развития законодательства в данной сфере. Неслучайно в числе Рекомендаций Коллегии Евразийской экономической комиссии, касающихся применения мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств – членов Евразийского экономического союза указаны следующие:

- обеспечение проведения совместных научных исследований по вопросам защиты прав потребителей;
- создание системы информационного взаимодействия по вопросам защиты прав потребителей
- создание механизма оперативного обмена информацией о выявленных фактах реализации некачественных, контрафактных, фальсифицированных и опасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды товаров (работ, услуг)
- совершенствование законодательства государств-членов о защите прав потребителей, в том числе с учетом международного опыта.

Согласно положениям обновленных Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для защиты потребителей (пункт 63) «государствам-членам следует прилагать усилия в целях укрепления доверия потребителей к электронной торговле, постоянно повышая прозрачность и эффективность своей политики в области защиты интересов потребителей и обеспечивая, чтобы уровень защиты интересов потребителей в области электронной торговли был не ниже того, который обеспечивается применительно к другим формам торговли» [7].

Эти положения предполагают практическую эффективную имплементацию в юрисдикции государств-членов.

Согласно генеральным положениям Решения Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» цифровая трансформация рынка товаров и услуг приведет к значительному упрощению торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли, а также к эффективной реализации и использованию механизмов «единого окна» в сфере экономики. Это потребует проведения дальнейшей гармонизации в сфере правил ведения трансграничной электронной торговли, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых переговоров Союза с третьими странами.

Обращая внимание на современную российскую практику, можно отметить, что с 1 января 2019 года в России вступил в силу закон [2], направленный на поэтапную реализацию утвержденной Стратегии государственной политики Российской Федерации в области прав потребителей до 2030 года [5]. Данный закон вносит изменений в действующий Закон «О защите прав потребителей», расширяя его действие на деятельность владельцев электронных площадок, агрегирующих информацию о товарах (услугах). Закон направлен на защиту прав и интересов потребителей в их правоотношениях с профессиональными участниками потребительского рынка на платформе электронной коммерции (маркетплейс).

Изменения коснулись на принципиально важных понятий, так и существа, содержания самих правоотношениях, в которых одним из субъектов являются профессиональные участники потребительского рынка на платформе электронной коммерции (маркетплейс).

Так, законодатель определяет в качестве владельцаагрегатора информации о товарах (услугах) (далее – владелец агрегатора) – организацию независимо от организационно-правовой формы либо индивидуального предпринимателя, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и которые предоставляют потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключениидоговора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмезд-

ного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [3].

Все предпринимаемые меры направлены на совершенствование правового регулирования защиты прав потребителей цифрового рынка в РФ с учетом анализа зарубежного опыта и рекомендаций международных организаций.

Продажа товаров дистанционным способом является одним из видов договора розничной купли- продажи, который заключается на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, которые содержаться в каталогах, буклетах, флаерах, либо изображенный на фотоснимках или с использованием сетей почтовой, телефонной связи, сетей электросвязи, в том числе с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, которые исключают ознакомление покупателей с товаром в натуре, либо образцом товаров при заключении договора.

К вопросам о форме сделки относится и вопрос существа письменной формы договора при осуществлении электронной торговли.Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 434 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] была дополнена некоторыми положениями. Согласно новой редакции ст. 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Хлебников П., рассуждая в целом об электронной торговле и электронных документах, отмечает, что по смыслу приведенных изменений сканированные версии документов стоит отнести именно к электронным документам [9, С, 95].

Для покупателя способ приобретения товаров с использованием возможностей электронных площадок, с одной стороны – привлекателен, с другой – содержащий серьезные риски. Элементарно, приобретенный товар может абсолютно или частично не соответствовать заявляемым продавцом характеристикам. Так, например, легко подобные ситуации проиллюстрировать уже сложившейся правоприменительной практикой: истец указал, что дистанционным способом он приобрел товар, в салоне товар им не проверялся и не осматривался, после ознакомления с товаром он пришел к выводу об отказе от покупки в связи с тем, что его не устроили некоторые технические характеристики товара, которые невозможно было определить при дистанционной электронной продаже. Он вручил продавцу претензию о расторжении договора купли-продажи и возврате уплаченной суммы за товар, но получил отказ [11]. В данном конкретном случае материалами дела было установлено, что 22 апреля 2017 года в Интернет-магазине МегаФон В. дистанционным способом был приобретен товар Р/т Apple iPhone 7+ 128GB Jet Black IMEI N.

Товар приобретался на основании ознакомления с информацией, размещенной на сайте https://penza.shop.megafon.ru в сети Интернет. Товар был получен В. в салоне «Мегафон» В ТЦ «ЦУМ» по адресу: <...>/Б., 73/23А.

При получении товара истцу В. ответчиком был выдан кассовый чек на сумму 66990,00 руб. и телефон в коробке, упакованный в одноразовую слюду.

24 апреля 2017 года В. вручил ответчику ОАО «Мегафон Ритейл» по адресу: <...>/Б., 73/23А в ТЦ «ЦУМ» претензию, в которой просил расторгнуть договор купли-продажи от 22.04.2017 и вернуть уплаченную сумму за товар надлежащего качества в размере 66990,00 руб. в отведенный законом десятидневный срок. Товар был предъявлен продавцу для обозрения и проверки, а также для принятия решения в порядке ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей.

В целом же в этой цепочке «владелец агрегатора (электронной площадки) – продавец – покупатель» немало проблем вызвано неурегулированностью отношений, прав и обязанностей между продавцом и владельцем агрегатора.

Согласно внесенным изменениям в российское законодательство владелец агрегатора и продавец в письменном соглашении должны определять товары, которые будут продаваться через онлайн-систему.

Владелец агрегатора обязан одновременно разместить на своем сайте (странице):

- предложение продавца о заключении договора купли-продажи;
- реквизиты соглашения.

Также владельцев агрегаторов и продавцов обязали информировать потребителей об условиях, сроках и порядке расторжения договора, включая сведения о расходах потребителей, связанных с возвратом товара и оплатой исполнителю фактических

расходов. Именно эти обстоятельства зачастую порождают много проблем на практике.

Зачастую проблемы у потребителя товара возникают не сразу после его приобретения, а спустя какое-то время. Более того, могут возникать проблемы при определении ответчика и возможности применения норм законодательства о защите прав потребителей. Так, к примеру, истец указывает, что через сеть «Интернет» приобрел у ответчика товар. Впоследствии в товаре возникли недостатки, которые не позволяли им пользоваться. Истец обращался в адрес ответчика с просьбой о ремонте изделия. Однако в установленный законом срок товар отремонтирован не был. Истец направлял в адрес ответчика претензию, которая осталась без ответа и удовлетворения [12].

Если подробнее об этой конкретной ситуации: Л.Д. обратился в суд с иском к ООО «Спецстрой» и интернет магазину POWERTOOL.RU в лице ООО «МИССИМА» о защите прав потребителя.

В обоснование заявленных требований истец указал, что в 26.10.2015 года Л.Д. через сайт POWERTOOL.RU приобрел подметальную машину «*». Названный товар был доставлен истцу компанией ООО «Спецстрой» по адресу: ***, где и была произведена оплата товара. Впоследствии в указанном товаре возникли недостатки, которые не позволяли им пользоваться. Истец обращался в адрес ответчиков с просьбой о ремонте изделия по электронной почте *****, на который была направлена соответствующая заявка. Однако в установленный законом срок товар забран и отремонтирован не был. Истец направлял в адрес ответчиков претензию, которая осталась без ответа и удовлетворения.

Истец просил суд взыскать с ответчика ООО «Спецстрой»: * руб. в счет возмещения расходов по оплате товара, неустойку в размере ** руб. * коп., штраф в размере 50 процентов от взысканной судом суммы, * руб. в счет возмещения расходов по оплате услуг представителя, моральный вред в размере * руб., а с ответчика ООО «МИССИМА»: убытки в размере * руб. и моральный вред в размере * руб.

Из материалов дела усматривается и установлено судом, что договор купли-продажи товара был заключен между Л.Д. и ООО «МИССИМА».

Указанные обстоятельства также установлены в апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 18 июля 2017 года, которым было отменено решение Коптевского районного суда г. Москвы от 11 ноября 2016 года и отказано в удовлетворении исковых требований Л.Д. к ООО «МИССИМА» о защите прав потребителей, имеющего в силу ч. 2 ст. 61 ГПК РФ, преюдициальное значение для разрешения данного спора.

Также материалы дела не содержат доказательств того, что ООО «МИССИМА» ведет торговую деятельность посредством интернет-магазина POWERTOOL.RU, является владельцем данного сайта, выступает на данном сайте в качестве рекламораспространителя, является владельцем электронной площадки.

Вышеуказанным апелляционным определением Московского городского суда от 18 июля 2017 года установлено, что факт наличия договорных отношений между Л.Д. и ООО «МИССИМА» материалами дела не подтвержден. Вывод суда в данном случае был однозначен: на ООО «МИССИМА» не распространяются положения п. 2 и п. 3 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Долгое время были открытыми вопросы о моменте совершения сделки в электронном пространстве и ее форме. Внесенные поправки в законодательство касаются именно порядка заключения договора. Моментом заключения договора считается одно из событий:

1. продавец выдал покупателю кассовый или товарный чек либо другой документ об оплате;

2. продавец получил сообщение о том, что покупатель намерен приобрести товар. Сегодня законодательством уточняется, что в этом случае продавец должен получить еще и предоплату товара.

Вопросы ответственности также на остались «в стороне» – закон четко указывает, что владелец агрегатора, предоставивший потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре (услуге) или продавце (исполнителе), на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) с продавцом (исполнителем), несет ответственность за убытки, причиненные потребителю вследствие предоставления ему такой информации.

Если иное не предусмотрено соглашением между владельцем агрегатора и продавцом (исполнителем) или не вытекает из существа отношений между ними, ответственность за исполнение договора, заключенного потребителем с продавцом (исполнителем) на основании предоставленной владельцем агрегатора информации о товаре (услуге) или продавце (исполнителе), а также за соблюдение прав потребителей, нарушенных в результате передачи потребителю товара (услуги) ненадлежащего качества и обмена непродовольственного товара надлежащего качества на аналогичный товар, несет продавец (исполнитель).

Проблемы осуществления расчетов при электронной торговле связаны с обеспечением доказательств приобретения товара дистанционным способом. Судами даются следующие разъяснения истцам: если оплата товара осуществляется потребителем посредством электронных или безналичных расчетов, в

том числе с использованием банковских карт и (или) других установленных законом средств платежа, включая электронные средства платежа, в качестве доказательств приобретения товара дистанционным способом к исковому заявлению можно приложить выписку с банковского счета об авторизации и о совершении транзакции с указанием получателя платежа, данные о дебетовых и кредитовых операциях, предоставленные банком, а также другие документы, подтверждающие перевод денежных средств продавцу покупателем (например, подтверждение об исполнении распоряжения клиента об осуществлении перевода электронных денежных средств, выдаваемое клиенту оператором электронных денежных средств).

Помимо вопросов полноценной защиты прав потребителей в электронной коммерции, требует своего решения и проблема налогообложения в данной сфере. На повестке дня эффективное решение проблем налогообложения трансграничной онлайн-торговли и мер государственного регулирования порога беспошлинной торговли.

Подводя итог исследованию, можно заключить, что поступательное развитие электронной торговли в условиях цифровизации неизбежно, что является фактом благоприятным, при этом такое развитие должно сопровождаться грамотно выстроенным со стороны государства подходом в решении сопряженных проблем, одной из которых выступает защита прав потребителей. Проблематика защиты прав потребителей в их правоотношениях с профессиональными участниками потребительского рынка на платформе электронной коммерции (маркетплейс), стоящая на повестке дня для института электронной торговли, будет проявлять себя в правоприменительной практике, мониторинг которой должен осуществляться на постоянной основе. Проблема защиты прав потребителей в условиях развития цифровой экономики заслуживает особого внимания и комплексного подхода.

Список литературы:

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140.
2. Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 30.07.2018.
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 04.07.2011. № 27. Ст. 38.
4. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 09.03.2015.
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года».
6. Доклад Президенту Российской Федерации 2018 «Книга жалоб и предложений российского бизнеса»: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей: режим доступа: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf (дата обращения 25.05.2019).
7. Руководящие принципы для защиты интересов потребителей. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 9 апреля 1985 года.
8. *Соловей М.* В., *Кривонос Д. А.* Роль электронной коммерции в международной торговле // Вопросы экономики и управления. – 2016. – №3.1. – С. 134-138. – URL https://moluch.ru/th/5/archive/31/985/ (дата обращения: 28.05.2019).
9. *Хлебников П.* Цифровизация права как следствие цифровизации жизни // Жилищное право. 2017. № 9. С. 93 – 102.
10. *Хохлов Е.С.* Особенности антимонопольного регулирования в сфере e-commerce в конкурентом праве Европейского союза // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование): сборник статей / А.А. Богустов, О.Н. Горохова, Д.А. Доротенко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2019. 448 с.
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2018 по делу № 33-31790/2018 // Документ опубликован не был.
12. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 29.08.2017 № 33-2852/2017 // Документ опубликован не был
13. Forrester Research Online Retail Forecast, 2015 To 2020. https://www.forrester.com.
14. Сайт Nielsen – глобальной компании-измерителе, предоставляющей данные и аналитику для наиболее полноценного изучения потребителей и рынков. – Режим доступа: https://www.nielsen.com/ru/ru/about-us.html (дата обращения: 28.05.2019).

Referens list

1. Federal law of 07.02.1992 № 2300-1 «About consumer protection» // Code of laws of the Russian Federation. 15.01.1996. № 3. Art. 140.

2. Federal law of от 29.07.2018 № 250-ФЗ «About introduction of amendments to the Law of the Russian Federation «About Consumer Protection»// Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 30.07.2018.
3. Federal law of 27.06.2011 № 161-ФЗ «About national payment service provider» // Code of laws of the Russian Federation. 04.07.2011. № 27. Art. 38.
4. Federal law of 08.03.2015 № 42-ФЗ «About modification of part one of the Civil code of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru, 09.03.2015.
5. Order of the Government of the Russian Federation of 28.08.2017 No. 1837-r «About the adoption of Strategy of state policy of the Russian Federation in the field of consumer protection until 2030».
6. Report to the President of the Russian Federation of 2018 «Complaint book of the Russian business»: The Comissioner for the President of the Russian Federation on protection of the rights of businessmen: [Electronic resource] URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2018/pdf/3.pdf (date of access: 25.05.2019).
7. The guidelines for protection of interests of consumers. Resolution of the United Nations General Assembly of April 9, 1985.
8. *Solovei M.* V., *Krivonos* D.A. Rol of electronic commerce in international trade // Questions of economy and management. – 2016. – №. 3.1. – P. 134-138. – URL https://moluch.ru/th/5/archive/31/985/ (date of access: 28.05.2019).
9. *Khlebnikov P.* Digitalization is right as a result of digitalization of life//the Housing right. 2017. №. 9. P. 93 – 102.
10. *Khokhlov E.S.* Features of antimonopoly regulation in the sphere of e-commerce in the competitor the right of the European Union//E-commerce and the interconnected areas (legal regulation): collection of articles / A.A. Bogustov, O.N. Gorokhova, D.A. Dorotenko, etc., edition of M.A. Rozhkov. M.: Statute, 2019. 448 p.
11. Appeal definition of the Moscow City Court of 20.07.2018 on case № 33-31790/2018.
12. Appeal definition of the Penza regional court of 29.08.2017 №. 33-2852/2017.
13. Forrester Research Online Retail Forecast, 2015 To 2020. https://www.forrester.com.
14. Nielsen – the global company measuring instrument providing data and analytics for the fullest studying of consumers and the markets. – Access [Electronic resource] URL https://www.nielsen.com/ru/ru/about-us.html (date of access: 28.05.2019).

УДК 34.096

Жарова А.К.,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, доцент кафедры инноваций и бизнеса в сфере информационных технологий НИУ ВШЭ

Елин В.М.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности НИУ ВШЭ

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

В статье раскрывается ряд аспектов цифровых финансовых активов в форме криптовалют как предмета правового регулирования с учетом механизма формирования криптовалюты и особенностей ее использования в хозяйственной деятельности. Проведен анализ подходов государственных органов Российской Федерации к криптовалюте как средству платежа. Представлена аналогия между криптовалютой и «классическими» – деньгами с учетом специфического свойства криптовалюты как конкретной информационной технологии, направленной на решение практической математической задачи. Представлен анализ ряда Российских законопроектов, направленных на правовое регулирование цифровых прав и цифровых финансовых активов, что позволит легализовать использование криптовалют в нашей стране.
Ключевые слова: криптовалюта, токен, цифровые финансовые активы, майнинг, смарт-контракт, цифровой кошелек

Zharova A.,
PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Information Law and International Information Security Sector, Institute of Civil Engineering, Associate Professor of the Department of Innovation and Business in the Field of Information Technologies, HSE

Elin V.,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Information Security, HSE

FEATURES OF REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article reveals a number of aspects of digital financial assets in the form of cryptocurrencies as a subject of legal regulation taking into account the mechanism of cryptocurrency formation and peculiarities of its use in economic activity. The analysis of approaches of public authorities of the Russian Federation to cryptocurrency as a means of payment. An analogy between cryptocurrency and "classical" money is presented, taking into account the specific properties of cryptocurrency as a specific information technology aimed at solving a practical mathematical problem. The analysis of a number of Russian bills aimed at the legal regulation of digital rights and digital financial assets, which will legalize the use of cryptocurrencies in our country.
Keywords: cryptocurrency, token, digital financial assets, mining, smart contract, digital wallet

Следует учитывать то обстоятельство, что начало века характеризуется широким применением криптовалют, основанных на применении информационных технологий, в международных хозяйственных процессах вне зависимости от наличия запретительных мер. При этом просматривается тенденция к легализации общественных отношений в данной сфере и приданию криптовалтам статуса платежного средства.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-16013 «Исследование концептуальных подходов к формированию системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе». Статья подготовлена с применением СПС «Консультант плюс»

Как цитировать статью: Жарова А.К., Елин В.М. Особенности регулирования правоотношений в сфере цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 59–65 с.

До недавнего времени в нашей стране существовало крайне негативное отношение к криптовалюте как средству платежа, в качестве денег или валютных ценностей[1]. Гражданский кодекс РФ однозначно определяет рубль законным платежным средством. Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»[2] перечисляет в качестве иностранной валюты денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; либо средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации[3], Федеральная служба по финансовому мониторингу[4] относят криптовалюту к денежным суррогатам, обращение которых на территории Российской Федерации запрещено.

Банк России предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма[5].

При обороте и использовании криптовалют следует учитывать ряд рисков[6]:

- отсутствие единого эмиссионного центра;
- отсутствие гарантий защиты прав потребителей финансовых услуг;
- появление недобросовестных схем, в том числе в целях отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, а также отток капитала;
- высокая волатильность и сомнительный характер операций.

Логика органов государственной власти связана с тем, что криптовалюты могут использоваться на различных этапах движения доходов от преступлений, включая расчеты наркопотребителей за наркотики, легализацию полученного преступного дохода и распределение денежных средств между организаторами и участниками организованных преступных группировок. Так, в 2017 году установлены факты использования криптовалюты «биткоин» в финансовой структуре незаконного оборота наркотиков на территории 23 субъектов РФ. Анонимность расчетов с использованием криптовалют обеспечивает популярность данного способа при совершении преступлений[7].

При этом выстраивание отношений строится на основе проведения аналогии между криптовалютой и «классическими» объектами гражданских правоотношений, в первую очередь, – деньгами.

Скорее всего, при этом следует прослеживать логическую цепочку: «блокчейн – биткойн – криптовалюта – иные цифровые валюты (альткойины)», выстроенную в нашем сознании, в первую очередь, средствами массовой информации. Между тем, Сатоси Накамото, автор технологии биткойна, в своей работе в 2008 году раскрыл понятие «coin» (монетка, медяк, жетон) как последовательность цифровых подписей: «We define an electronic coin as a chain of digital signatures»[8]. Наиболее забавным представляется то обстоятельство, что указанная работа посвящена решению конкретной математической задачи и понятия «Bitcoin» и « Electronic Cash System» используются в ней ровно по одному разу. В названии. В предлагаемой технологии каждый «coin» имеет свой собственный номинал, поскольку каждому адресу может сопоставляться любое количество «цифровых монет». Технология основана на применении пиринговой платежной системы и криптографических методов защиты системы. Защита сетевой системы основана на принципе Proof-of-work (PO*W, PoW,* доказательство выполнения работы) и заключается в необходимости выполнения клиентом достаточно сложных вычислений с возможностью проверки полученных результатов. Для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы, но при этом вся информация о транзакциях доступна в открытом виде. Минималь-

---

[1] *Белых В.С., Степанченко А.В.* К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 5. С. 3 – 6; Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18 – 25; Степанченко А.В. Иностранная валюта как объект современного гражданского оборота // Бизнес, Менеджмент и Право. 2013. № 2. С. 36 – 42.

[2] Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859

[3] Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 // СПС Консультант- Плюс

[4] Информационное Сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации «Об использовании криптовалют» // СПС Консультант Плюс.

[5] Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Вестник Банка России, № 11, 05.02.2014

[6] http://www.cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf

[7] ВЕСТНИК БАНКА РОССИИ № 64 (2018)// http://www.cbr.ru/publ/vestnik/ves180829_064.pdf

[8] *Satoshi Nakamoto.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. – 2008. – 9 с.// https://bitcoin.org/bitcoin.pdf

ная передаваемая величина (наименьшая величина дробления) – 10^{-8} биткойна.

С практической точки зрения система «Биткойн» является практическим решением метаматематической задачи о возможности обеспечения доверия сторон к получаемой информации при отсутствии доверия к незащищенному каналу связи и к действиям контрагентов[9]. Кроме того, система «Биткойн» первым предоставила возможность прямой передачи прав другому лицу через Интернет без привлечения внешних гарантов, при этом передача безопасна и надёжна.

С другой стороны существует ряд предварительно заданных технологических ограничений как на количество блокчейнов, так и на формирование вознаграждения. Например, для технологии биткойн программа сформирована таким образом, что размер вознаграждения новыми биткойнами уменьшается вдвое после формирования очередных 210 000 блоков. Первоначально размер эмиссии при создании блока составлял 50 биткойнов. С 2012 года произошло уменьшение с 50 до 25 биткойнов. В 2016 году произошло второе уменьшение с 25 до 12,5 биткойна. В 2031 году размер эмиссии при создании блока составит менее одного биткойна и продолжит стремиться к нулю. При этом из ограниченного возможного выпуска в 21 миллион биткойн, «намайнено» более 16 миллионов, остальные будут выпускаться в течение многих лет.

В течение 2011 года в журнале Форбс появляется ряд статей A. Greenberg[10] популяризирующих деятельность в области «Bitcoin»: «Биткойн разработан для того, чтобы привести нас обратно к децентрализованному обмену между людьми» и «это лучшее золото, чем золото». По всей видимости указанная серия соединила понятия «coin» и «bitcoin» и явилась одной из предпосылок роста стоимости биткойна. В статье Crypto currency состоялся переход понятия от «Electronic Cash» к понятию «Crypto currency».

Криптовалюта как физическое явление и предмет правового регулирования образуется в результате т.н. майнинга, т.е. создания новых блоков в цепочке блокочейна. Криптовалюта полностью децентрализована, – в системе отсутствуют центральное администрирование (или) доверенные узлы, осуществляющие подтверждение корректности чужих операций.

Биткойны существуют только в виде записей в виде блокчейнов, т.е в виде открытой распределенной базы с указанием биткойн-адресов отправителей/получателей, но без информации о реальном владельце этих адресов. Каждый блок, входящий в блокчейн состоит из заголовка и списка транзакций. Заголовок содержит хэш-суммы и служебную информацию. Транзакции представляют собой записи об операциях. Блокчейн формируется как непрерывно растущая цепочка блоков.

Таким образом, сложилась ситуация, когда фактически существующие общественные отношения в сфере использования «криптовалют» следует перевести в категорию правоотношений, определив диапазон допустимых действий участников данной категории правоотношений. В течение длительного времени в нашей стране велась работа над проектами соответствующих Федеральных законов.

В число Поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 27 февраля включено: «Правительству Российской Федерации совместно с Государственной Думой обеспечить принятие в весеннюю сессию 2019 года Федеральных законов, направленных на развитие цифровой экономики, в том числе определяющих порядок совершения гражданско-правовых сделок в электронной форме, а также предусматривающих регулирование цифровых финансовых активов и привлечение финансовых ресурсов с использованием цифровых технологий»[11].

Так, введение понятия «цифрового финансового актива», рассматриваемого в качестве имущества, которым может являться криптовалюта или токен планировалось Минфином России совместно с Банком России при подготовке проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»[12], внесенного в Государственную Думу РФ 20 марта 2018 года. Отправной точкой законопроекта послужили Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF)[13] о том, что криптовалюты являются разновидностью виртуальной валюты, т.е цифровым представлением ценности, не имеющее статуса законного платежного средства ни в одной из юрисдикций и выполняющая функции только по соглашению пользователей виртуальной валюты внутри сети.

---

[9] *Marc Andreessen.* Why Bitcoin Matters// The New York Times. 21.01.2014. // https://dealbook.nytimes.com/2014/01/21/why-bitcoin-matters/

[10] *Greenberg Andy.* Nakamoto's Neighbor: My Hunt For Bitcoin's Creator Led To A Paralyzed Crypto Genius// https://www.forbes.com/sites/andygreenberg/2014/03/25/satoshi-nakamotos-neighbor-the-bitcoin-ghostwriter-who-wasnt/#24d1f7974a37; Greenberg Andy. WikiLeaks Asks For Anonymous Bitcoin Donations // https://www.forbes.com/sites/andygreenberg/2011/06/14/wikileaks-asks-for-anonymous-bitcoin-donations/#49058c784f73; Greenberg Andy. Crypto Currency // https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html#59bcca41353e

[11] http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898

[12] Законопроект No 419059-7 «О цифровых финансковых активов» // http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7

[13] Regulation of virtual assets \\ http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/regulation-virtual-assets.html

12 марта принят в третьем чтении пакет законов, включающий в себя проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[14] получивший в обществе название Закона «О цифровых правах». Параллельно приняты проекты Федеральных Законов, которые предлагается вводить в действие с 1 октября 2019 года.

Законом определена возможность выражения лицом своей воли с помощью электронных или других аналогичных технических средств, что приравнивается к простой письменной форме сделки: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом или лицами сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.»

Законом дополнен ряд положений, расширяющий возможность выражения воли участников правоотношений:

-при заключении договоров номинального счета или страхования предусмотрена возможность заключения не только в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами, но и путем заключения или обмена электронными документами.

- при проведении заочных собраний допускается заочное голосование с помощью электронных или других технических средств;

Согласно внесенным в ГК РФ изменениям, под «цифровыми правами» следует понимать обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам[15].

При этом, по мнению законодателя, цифровое право может удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права: Сущность «цифрового права» как нового юридического понятия близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав.

Закрепление понятия цифровых прав в ГК РФ позволяет:

- определить место цифровых прав в системе объектов и описать их оборотоспособность;

- указать, что оборот такого объекта осуществляется только посредством внесения записей в информационную систему;

- предоставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам, совершаемым с этим объектом.

Однако следует признать, что цифровое право может существовать только в информационной системе, отвечающей установленным законом признакам децентрализованной информационной системы («распределенный реестр»).

Интерес представляет положение о том, что осуществление, распоряжение (в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения) цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Договором об оказании услуг по предоставлению информации может предусматриваться обязанность не совершать действия, в результате которых передаваемая информация может быть раскрыта третьим лицам[16]. Законопроектом определено, что обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распорядиться этим правом.

При этом исполнение гражданско-правового договора может осуществляться в автоматическом режиме (смарт-контракт), при наступлении указанных в соглашении обстоятельств, то есть исполнение произведет сама информационная система, причем у продавца будет списано цифровое право, а у покупателя деньги.

Проект Федерального Закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»[17] осуществляет правовое регулирование в сфере создания, выпуска, хранения и обращения цифровых финансовых активов, при осуществлении прав и исполнении обязательств по смарт-контрактам. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации.

Основным понятием Закона можно полагать определение цифрового финансового актива как имущества в электронной форме, созданного с использованием шифровальных (криптографических) средств, права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций.

Проектом предлагаются легальные определения понятий «майнинг», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт», «цифровой кошелек».

Законом также раскрываются понятия: цифровой транзакции, цифровой записи, реестра цифро-

[14] https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7

[15] Ст. 141.1 ГК РФ «Цифровые права»

[16] Ст. 783.1 ГК РФ

[17] https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7

вых транзакций, распределенного реестра цифровых транзакций, валидатора как участника реестра цифровых транзакций, оператора обмена цифровых финансовых активов как юридического лица, осуществляющего сделки по обмену цифровых финансовых активов одного вида на цифровые финансовые активы другого вида и/или на рубли или иностранную валюту.

Законопроектом планируется осуществлять правовое регулирование выпуска цифрового финансового актива выпускаемого эмитентом с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых записей (токенов) как последовательность действий, направленных на отчуждение эмитентом токенов их приобретателям, а также особенности обращения цифровых финансовых активов.

При этом ставится точка в споре ряда российских ученых по поводу правовой природы криптовалюты и соответствия формальным признакам денег, эквивалента наличных денег, иностранной валюты, электронных денег, а также объектов обязательственного права и финансово-правового регулирования. Так, И.А. Цинделиани и Л.Б. Нигматулина[18], приходят к неоднозначным выводам о том, что в рамках действующего российского законодательства ничто не препятствует отнести криптовалюту к объектам гражданских прав. При этом следует учитывать, что криптовалюта выполняет различные функции при ее применении (товара, инвестиции; финансового актива, обеспечивающего уплату комиссии по проведению транзакций на технологиях блокчейн как необходимый элемент системы, если рассматривать по аналогии с электрической энергией для любого производства), соответственно, должно быть различным и правовое регулирование криптовалюты в зависимости от того, какую функцию она будет выполнять.

При проведении схожего исследования А.И Савельевым рассмотрена возможность квалификации криптовалюты как денег, электронных денежных средств, валютных ценностей, информации и иного имущества и сделано заключение о том, что криптовалюта обладает свойствами каждого из них, но при этом ни одному из них не соответствует полным образом.. Автором сделан вывод о возможности рассмотрения криптовалюты как иного имущества, денег с экономической точки зрения, либо валютной ценностью – в случае признания соответствующей криптовалюты в качестве законного платежного средства хотя бы одним иностранным государством. Предлагается введение понятия «виртуальная валюта» в состав объектов гражданских прав в качестве еще одной разновидности иного имущества.

По мнению В.А. Перова: «При этом в соответствии со ст. 128 ГК РФ криптомонеты относятся к объектам гражданских прав и могут рассматриваться как имущество, вследствие чего их оборот должен быть соответствующим образом регламентирован исходя из их природы в соответствии с основными задачами гражданского законодательства Российской Федерации»[19].

22 мая 2018 года принят в первом чтении Проект Федерального Закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ[20], который регулирует отношения по привлечению инвестиций юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации привлечения инвестиций от участников инвестиционных платформ.

Законопроектом определяются правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга), а также регулируются отношения в сфере привлечению инвестиций с использованием информационных технологий.

Определенные законопроектом правила инвестиционной платформы включают требования:

- к порядку идентификации и аутентификации участников инвестиционной платформы и их допуска к информационным ресурсам инвестиционной платформы, к порядку проверки электронной подписи;
- к инвестиционным проектам, предложение об инвестировании в которые может быть сделано с использованием инвестиционной платформы;
- к лицам, привлекающим инвестиции, контролирующих их лиц и руководителей (единоличных исполнительных органов) таких лиц;
- к стандартным формам договора об оказании услуг по привлечению инвестиций и договора об оказании услуг по содействию в инвестировании;
- к способам осуществления инвестиций посредством инвестиционной платформы;
- к формам примерных договоров, порядкам и срокам передачи денежных средств,
- к составу информации, раскрываемой оператором инвестиционной платформы и лицом, привлекающим инвестиции, порядок и сроки раскрытия такой информации и к порядку обмена информацией между инвесторами с использованием информационных ресурсов инвестиционной платформы.

Законопроект требует внесения изменений в ряд нормативных актов, такие как Федеральный за-

[18] *Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б.* Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18 – 25.

[19] *Перов В.А.* Криптовалюта как объект гражданского права // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7 – 9.

[20] https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7

кон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе», Федеральный закон от 30 декабря 2004 года № 218-ФЗ «О кредитных историях», Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», Федеральный от 22 апреля 1996 года №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

12 марта 2019 года Государственная Дума приняла в первом чтении два законопроекта, вносящих изменения в Федеральный закон «О национальной платежной системе»:

Законопроект № 603170-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (в части уточнения требований к деятельности иностранных платежных систем и иностранных поставщиков платежных услуг)[21] устанавливает, что оператор иностранной платежной системы, работая в России, должен иметь представительство (филиал) на территории Российской Федерации. Процессинг операций Российских банков и расчеты должны осуществляться через Российскую инфраструктуру. Законопроект также запрещает включать в правила платежных систем условия об исключении Российских банков при прекращении их участия в международных платежных системах, что является важным моментом с точки зрения защиты банков от влияния санкций.

Законопроект № 603192-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (в части регулирования сферы платежных сервисов)[22] устанавливает требования к деятельности поставщиков платежных приложений. В законопроекте предлагается регулировать деятельность платежных агрегаторов как банковских платежных агентов. При этом, предлагаемые банками платежные приложения должны соответствовать требованиям Банка России к информационной безопасности.

Законопроектом расширяется список субъектов, кому будет разрешен перевод средств между электронными кошельками, в их число включаются юридические лица и индивидуальные предприниматели. Банк России наделяется полномочиями по определению порядка кодирования платежных реквизитов (применение QR -кодов). Еще одна важная новация – предоставление Банку России права устанавливать случаи обязательного использования Системы быстрых платежей.

Таким образом, в настоящее время создан ряд правовых предпосылок к легализации общественных отношений по поводу использования в хозяйственной деятельности результатов обработки информации в информационных системах с применением криптографических средств. Указанная легализация в первую очередь будет способствовать развитию правоотношений в сфере использования результатов информационно-коммуникационных технологий и исключит возможность злоупотреблений в данной сфере.

Список литературы

1. *Greenberg Andy.* Crypto Currency // https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html#59bcca41353e
2. *Greenberg Andy.* Nakamoto's Neighbor: My Hunt For Bitcoin's Creator Led To A Paralyzed Crypto Genius// https://www.forbes.com/sites/andygreenberg/2014/03/25/satoshi-nakamotos-neighbor-the-bitcoin-ghostwriter-who-wasnt/#24d1f7974a37;
3. *Greenberg Andy.* WikiLeaks Asks For Anonymous Bitcoin Donations // https://www.forbes.com/sites/andygreenberg/2011/06/14/wikileaks-asks-for-anonymous-bitcoin-donations/#49058c784f73;
4. *Marc Andreessen.* Why Bitcoin Matters// The New York Times. 21.01.2014. // https://dealbook.nytimes.com/2014/01/21/why-bitcoin-matters/
5. Regulation of virtual assets. Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF) \\ http://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/regulation-virtual-assets.html
6. *Satoshi Nakamoto.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System.– 2008.– 9 с.// https://bitcoin.org/bitcoin.pdf
7. *Белых В.С.,* Степанченко А.В. К вопросу о понятии иностранной валюты как объекта гражданских прав // Гражданское право. 2017. № 5. С. 3 – 6;
8. Законопроект No 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7
9. Законопроект № 603170-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (в части уточнения требований к деятельности иностранных платежных систем и иностранных поставщиков платежных услуг) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/603170-7
10. Законопроект № 603192-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» (в части регулирования сферы платежных сервисов) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/603192-7
11. Информационное Сообщение Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации «Об использовании криптовалют» // СПС Консультант Плюс.
12. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Вестник Банка России, № 11, 05.02.2014

[21] https://sozd.duma.gov.ru/bill/603170-7

[22] https://sozd.duma.gov.ru/bill/603192-7

13. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Публичный отчет // Вестник Банка России № 64 (2018)// http://www.cbr.ru/publ/vestnik/ves180829_064.pdf
14. Обзор по криптовалютам,ICO (INITIAL COIN OFFERING) и подходам к их регулированию, декабрь 2017, Москва // http://www.cbr.ru/content/document/file/36009/rev_ico.pdf
15. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию // http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59898
16. *Перов В.А.* Криптовалюта как объект гражданского права // Гражданское право. 2017. № 5. С. 7 – 9.
17. Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 // СПС Консультант- Плюс
18. Проект Федерального Закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7
19. Проект Федерального Закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ //https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7
20. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7
21. *Степанченко А.В.* Иностранная валюта как объект современного гражданского оборота // Бизнес, Менеджмент и Право. 2013. № 2. С. 36 – 42.
22. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859
23. *Цинделиани И.А.,* Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 18 – 25.

УДК 346.7; 349

Власов А.В.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического института Российского университета транспорта

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта

БЛОКЧЕЙН КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСПОРТА: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье авторами характеризуется блокчейн как технология, призванная стать одной из перспективных и эффективных в развитии экосистемы цифровой экономики. Анализируются определяющие характеристики блокчейна: децентрализация, криптография и консенсус. На основе проведенного анализа приводятся примеры использования блокейн-технологии, при этом основной акцент сделан на возможностях использования в транспортной сфере. Подчеркивается, что транспортная сфера не остается в стороне от прорывных технологий. В условиях начала реализации ведомственного проекта «Цифровой транспорт и логистика» увеличивается потребность в изучении возможностей блокчейна и децентрализованных технологий, перспектив внедрения цифровых технологий в логистику и транспорт. Анализируется Цифровая платформа транспортного комплекса как государственный сегмент единого защищенного доверенного пространства на транспорте, который поможет обеспечить доступ к государственным сервисам по принципу «единого окна». Приводятся примеры перспектив применения блокчейн-технологии в реализации национальной технологической инициативы «Автонет».
Ключевые слова: блокчейн, цифровая экономика, децентрализованные технологии, криптография, консенсус, цифровой транспорт, логистика, цифровая платформа транспортного комплекса, национальная технологическая инициатива «Автонет»

Vlasov A.,
PhD Econ., associate professor, associate professor «Customs law and organization of customs affairs» Legal institute of the Russian university of transport

Chebotarev V.,
PhD Econ., associate professor, associate professor «Administrative law, ecological law, information law» Legal institute of the Russian university of transport

BLOCKCHAIN AS TECHNOLOGY OF PROVIDING DIGITAL TRANSFORMATION OF TRANSPORT: ECONOMICAL AND LEGAL ASPECTS

In article authors characterize a blockchain as the technology designed to become one of perspective and effective in development of an ecosystem of digital economy. The analysis of characteristics of a blockchain is carried out: decentralization, cryptography and consensus. On the basis of the carried-out analysis examples of use blokeyn-technologists are given. The main focus is placed on use opportunities in the transport sphere. Authors emphasize that the transport sphere does not remain away from breakthrough technologies. In the conditions of the beginning of implementation of the departmental project «Digital Transport and Logistics» the need for studying of opportunities of a blockchain and the decentralized technologies, the prospects of implementation of digital technologies in logistics and transport increases. The Digital platform of a transport complex as the state segment of the uniform protected entrusted space on transport which will help to provide access to the state services by the principle of «a uniform window» is analyzed. Examples of prospects of application of blockchain technology in realization of a national technological initiative of Avtonet are given.
Keywords: a blockchain, digital economy, the decentralized technologies, cryptography, consensus, digital transport, logistics, the digital platform of a transport complex, a national technological initiative of Avtonet

Как цитировать статью: Власов А.В., Чеботарев В.Е. Блокчейн как технология обеспечения цифровой трансформации транспорта: экономико-правовые аспекты // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 66–72 с.

Блокчейн-технологии в условиях развития экосистемы цифровой экономики – важнейшая составляющая. И это закономерно. В отчете Всемирного экономического форума в рамках (The Global Competitiveness Report) отмечается, что на стадии «развитие эффективности» большее значение для развития экономики имеют факторы, связанные с повышением эффективности рынков и скоростью внедрения новых технологий. Без решения задач текущей стадии экономического развития, которые заключаются в развитии инфраструктуры, стимулировании конкуренции, формировании потребительского спроса и обеспечении роста рынков конечных продуктов и услуг, внедрение инноваций может стать не востребованным по причине неготовности рынка и не окажет должного влияния на рыночные показатели [4].

Сегодня в России последовательно, на основе системы соответствующего законодательства, формируется экосистема цифровой экономики. В числе важнейших нормативных актов: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг., Постановление Правительства Российской Федерации от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и др.

Стоит согласиться с В.А. Лаптевым – «внедрение цифровых технологий стало неизбежным процессом, в котором немалую роль будут играть юридические аспекты. Успех цифровых технологий заложен в их прогнозируемом алгоритме, при котором участники общественных отношений понимают последствия их применения и ожидаемый результат» [5].

Блокчейн часто рекламируется как безопасный способ хранения информации, но насколько это соответствует действительности?

В то время как ни что в нашем мире не надежно или не защищено на 100%, блокчейн призван быть неизменным, защищенным от несанкционированного доступа и демократичным.

И это более или менее достижимо благодаря его трем определяющим характеристикам:

1. Децентрализация
2. Криптография
3. Консенсус

Сложное взаимодействие этих характеристик обеспечивает безопасность транзакций в блокчейне и препятствует нечестной игре.

Традиционно любой, кто хочет хранить, делиться или обрабатывать информацию, должен владеть ею. Это предполагает создание, заимствование или покупку этой информации, получение разрешения на ее использование (при необходимости), а затем обеспечение того, чтобы все знали о любых изменениях. Обращение с информацией описанным способом становится тяжелым процессом со многими слабыми местами и высокой вероятностью появления ошибок.

Блокчейн, с другой стороны, распространяет одну и ту же информацию для каждого пользователя (или узла) в сети блокчейна. Когда вы делаете изменения, сеть проверяет его, а затем майнеры (узлы, получающие награду за обновление сети) добавляют эту транзакцию в новый блок, который затем добавляется к блокчейну.

Это децентрализация, обеспечивающая единственную версию истинности, но не гарантирующая отсутствие сбоев в системе. Измените один блок, и вам нужно будет изменить каждый последующий блок до того, как будут добыты майнерами новые блоки.

В противном случае узлы обнаружат ваше мошенничество и отвергнут ваши изменения. Учитывая, что тысячи узлов подтверждают новые блоки, маловероятно, что какой-то злоумышленник сможет собрать такие вычислительные мощности, способные перекрыть комбинированные вычислительные мощности других участников и добавить в сеть «плохой» блок.

Если децентрализация – это «скелет» блокчейна, то криптография -это «мускулы» системы, являющиеся сложными и мощными математическими алгоритмами, отражающими атаки.

Все данные в блокчейне криптографически хэшируются-другими словами, они обрабатывается, чтобы скрыть свою истинную идентичность. Хэширование принимает любое входное значение и применяет математический алгоритм (SHA- 256 в случае биткоина) для получения нового значения фиксированной длины.

Хэширование аналогично защите паролем, являющимся уникальным идентификатором для конфиденциальных данных. Каждый блок имеет уникальный хэш, полученный из транзакций этого блока (каждый идентификатор транзакции также хэшируется) и хэша предыдущего блока. Измените блок ретроактивно, и каждый предыдущий блок вся история этого блокчейна также должна измениться.

Ваш закрытый ключ, используемый для доступа и перемещения ваших биткоинов, также хэшируется, чтобы стать открытым ключом, поэтому люди могут отправлять вам биткоины, не имея возможности их украсть.

Что делает хэширование особенным, так это то, что его невозможно перестроить. Например, вы не можете использовать открытый ключ и получить из него закрытый.

Кроме того, одно небольшое изменение входного значения создает совершенно новый идентификатор хэширования, а это означает, что мошенники не

могут внести даже небольшие изменения без аннулирования всего блока.

В свою очередь, консенсус – это «мозг» блокчейна. Он решает какие блоки нужно добавлять, обеспечивая взаимодействие узлов сети в криптографической гонке за премией от биткоина.

Во-первых, узлы проверяют, что блок соответствует заданным правилам для блокчейна биткоина. Затем майнеры конкурируют за решение криптографической головоломки на основе данных, содержащихся в этом блоке. Когда майнеры решают головоломку, они делятся своим решением с сетью. Если, по меньшей мере, 51% сетевых узлов одобряют это решение, блок добавляется к блокчейну.

Этот конкретный тип консенсуса называется доказательством выполнения работы. Он гарантирует, что каждый блок прошелсложный математический процесс, прежде чем стать неотъемлемой частью блокчейна.

Это трудоемкий процесс, который помогает сдерживать преступную деятельность, и поскольку майнеры получают вознаграждение в размере 12,5 биткоина закаждое решение, они имеют мощный стимул играть по правилам.

Угроза для консенсусной модели доказательства выполнения работы – это 51%-ная атака. Если более 50% майнерской мощности принадлежит меньшинству сговорившихся между собой узлов, они могут помешать другим узлам добавлять новые блоки, эффективно контролируя сеть. Это позволит использовать двойные траты и другие виды мошенничества, но для успешной атаки 51% требуется много энергии и денег.

Хотя этот тип атак еще не произошел с биткоином, например, один майнинг-пул GHash.IO превысил 50% мощности в 2014 году, но добровольно уменьшил свои ресурсы для поддержания целостности сети. Другим криптовалютам, таким как биткоин Голд, не так повезло.

Возможно, наиболее насущные уязвимости блокчейна связаны с тем, как он взаимодействует с другими объектами. Например, смарт-контракты могут автоматизировать многие задачи блокчейна, но они не надежнее программного кода, которым написаны.

Строго говоря, они не являются частью блокчейна, но взаимодействуют с ним, поэтому, если код плохо написан, то хакеры могут проникнуть в смарт-контракт и украсть, изменить или изменить адрес имущества (или информации).

Точно так же централизованные учреждения, которые взаимодействуют с блокчейном, могут поставить под угрозу сеть. Хакеры заинтересованы только в крупной добыче – когда на карту поставлены миллионы долларов, поэтому они обычно атакуют централизованные репозитории, где есть одна точка отказа, уязвимость, которую они могут использовать.

Большая часть сегодняшнего объема торговли криптовалютами осуществляется через централизованные обмены, и с 2011 года были украдены цифровые активы на сумму около миллиарда долларов.

Блокчейн по-прежнему является новой технологией и развивается с каждым днем. Большинство уязвимостей безопасности быстро исправляются, в крайнем случае, они могут привести к созданию новой версии этого блокчейна, известной как хард-форк.

Проанализировав все соображения, приходим к выводу, что блокчейн является гораздо лучшим решением для хранения и обмена цифровыми стоимостями, чем все, что было до него. Означает ли это, что все уже прекрасно? Нет, идеального не существует. Важно то, что мы продолжаем развивать и совершенствовать экосистему блокчейна, чтобы сделать ее максимально безопасной.

Вопрос изменения современной системы права находится на пороге больших перемен. Цифровой мир находит свое проявление в каждой общественной отрасли и также он начинает все больше проявлять себя в правовой системе. Последние годы появилась технология, которая набирает популярность во всем мире. Это технология – блокчейн (в переводе с английского это «цепь блоков»).

Блокчейн – это база данных, последовательно фиксирующая каждую операцию и невозможна для хакерских атак, которые впоследнее время все чаще встречаются в интернет пространстве. Технология блокчейн – одна из тех, что быстрее всех входит в правовую среду. А готово ли общество к такому вызову?

Исследователи рассматривают технологию блокчейн и ее потенциальное использование в общественных областях, в частности в тех областях, которые связаны с юридическим регулированием.

Эта технология уже входит в большое количество общественных благ, которые используются в обществе. Так, блокчейн используют во многих европейских банках. Эта технология показала себя как инструмент с особенно высоким уровнем безопасности и простотой в использовании. Также она уменьшает стоимость банковских операций и делает такие операции очень быстрыми и безопасными. На сегодняшний день данная технология начинает набирать популярность и в нашей стране. К примеру, данная технология используется в системе электронных торгов арестованным имуществом, что позволяет систематизировать эту систему и предотвратить внесение изменений определенными лицами. Такая система полностью вытеснит коррупционную составляющую.

Блокчейн можно назвать «истинной» технологией, поскольку она фиксирует факты и вносить из-

менения в него может только один человек, попытка хакерским способом внести изменение в такую систему невозможна, поскольку она записывается сразу на миллионах компьютеров, которые находятся онлайн в интернет-пространстве и подтверждение данной операции идет на всех компьютерах одновременно. Систему блокчейн необходимо начать внедрять во всех общественных сферах, а особенно в отраслях, связанных с юридическим регулированием.

Если взять на примере земельный кадастр, то известно, что в данной области постоянно "проскакивают" мошеннические схемы, а с блокчейном эти махинации сразу отпадут, поскольку внести изменения относительно конкретного объекта сможет только владелец.

Вводя блокчейн в систему государственного регулирования, большое количество бюрократических факторов отпадет сразу, на примере получения определенных справок с государственных реестров, достаточно будет сделать только выписку из базы, которая подтверждена технологией блокчейн и данная справка будет соответствовать всем нормам, поскольку она сделана с базы, которая является «истинной». Весомую часть изменений занимает вопрос документов, идентифицирующих личность. Сегодня эти документы: паспорт и водительское удостоверение (данные документы чаще всего встречаются в нормативной базе, для идентификации лица).

Паспортные данные начинают оцифровываться во всем мире, водительское удостоверение не является обязательным для предъявления в некоторых странах, если человек сдал все экзамены, то данные сразу ввели в базу данных.

Вопрос отсутствия паспорта в печатном виде – это вопрос времени.

Или вопрос идентификации личности по определенным признакам. Возьмем, например, идентификацию лица, совершившего преступление: если есть запись на камеры наблюдения, возможно установить личность по признакам, которые установит программа и на которые человек не обратил бы внимание, например, как он шагает по лестнице.

Цифровая идентификация может дойти до уровня, который даст возможность заключать соглашение только при наличии владельца, что полностью изменит подход к праву собственности. Поскольку данные будут идентифицированы автоматически и сторонам не нужно будет иметь с собой не только документы на имущество, но и паспорт гражданина. Система блокчейн изменит систему голосования, поскольку у каждого будет право проголосовать по телефону.

Это повысит уровень ответственности граждан, даст возможность большему количеству граждан проявить свое право голоса, поскольку на голосование пойдет значительно меньше времени. Также это упростит способ голосования для лиц с определенными физическими недостатками, которые по своему состоянию здоровья не имеют возможности посетить избирательные участки. Также это сделает невозможным процесс фальсификации выборов, поскольку система не позволит внести в нее ложные данные. Большим преимуществом будет уменьшение расходов бюджетных средств, поскольку программа уменьшит количество лиц, привлеченных к подсчету голосов.

Система блокчейн, внедренная в системе министерства внутренних дел, может сделать революцию по многим направлениям. Например, в процессе совершения лицом административного правонарушения (превышение скорости при управлении автомобилем, переход улицы на запрещающий цвет светофора и т.д.) система будет автоматически реализовывать привлечение лица к ответственности, снимая с ее счета средства в качестве уплаты штрафа.

Таких примеров можно привести немало, но эта система начнет функционировать только тогда, когда государство введет систему блокчейн во всех сферах.

Однако не все прогнозы так оптимистичны. Внедрение блокчейн-технологий может принять и другую сторону. Экосистема блокчейна уже активно внедряется в традиционные корпорации, финансовые институты и новые предприятия, которые стремятся использовать технологию для сокращения операционных расходов, получения прибыли и создания новых монопольных империй. Консорциум более 80 крупнейших банковских и финансовых институтов объединил усилия для создания частной финансовой блочной платформы, полностью подконтрольной им.

Сегодня, в информационную эпоху, основные бизнес-модели компаний существенно сводятся к простым процессам, состоящим из трех этапов:

- захват, монополизация и приватизация данных;

- ограничение доступа к ресурсам создания искусственного дефицита;

- переупаковка и перепродажа данных различными способами.

Такие компании, как «Google» и «Facebook», получают прибыль от популярности среди своих пользователей, монополизации и ограничения доступа к их данным, а затем переупаковке и продаже этих данных в виде целевой рекламной услуги. На базовом уровне эта бизнес-модель одинакова для любой компании с базой данных.

И чем глубже человечество входит в эпоху великих наборов данных (Big Data), которые используются для подготовки искусственного интеллекта и машинного обучения, тем больше конкурентных преимуществ будет иметь монополизация таких данных,

что приведет к дальнейшей централизации и консолидации богатства и власти.

Причиной, по которой корпорации с энтузиазмом внедряют технологию блокчейн, является ее потенциал к:

- автоматизации бизнес-операций;
- сокращению затрат на рабочую силу;
- дальнейшей монополизации данных;
- увеличения прибыли для акционеров. Корпорации и банки внедряют собственные («частные») блокчейны, поскольку они могут контролировать данные и поддерживать собственный закрытый исходный код. Эта стратегия, безусловно, будет работать в их пользу достаточно долго, но в конечном итоге информация стремится быть свободной.

Сетевые эффекты открытого, общедоступного протокола на базе блокчейна обязательно превзойдут любые частные системы.

Корпоративное мышление сегодня обусловлено мышлением в пределах дефицита и контроля моделей собственности. Бизнес-модели, которые существуют за счет искусственного дефицита, просто не могут существовать вместе с реальностью публичных блоков, ведь они никому не принадлежат, их никто не контролирует, а также они никогда не могут быть кем-то разрушены.

Умные контракты могут не принадлежать никому, никем не руководствоваться и каждый раз выполнять свою задачу, так как закодированы именно для этой цели. В результате есть общий для всех блокчейн – универсальный общий ресурс, что делает мировые бизнес-модели устаревшими и поддерживает новую фундаментальную парадигму, на которой создается ценность для всего человечества.

Возникновение технологии блокчейна часто сравнивают с появлением Интернета. Экосистема блокчейна сейчас точно такая же, как и в первые дни развития Интернета.

Тысячи проектов сейчас конкурируют, чтобы разработать стандартные протоколы для этих и многих других отраслей:

- децентрализованное хранилище;
- децентрализованные юридические услуги;
- децентрализованный обмен сообщениями;
- децентрализованное государственное управление;
- децентрализованное страхования;
- децентрализованное финансирования;
- децентрализованная недвижимость и тому подобное.

Только эти протоколы будут установлены, ключ к созданию ценности – это представление о будущем, где все данные являются бесплатными, общедоступными и универсальными, где богатство, власть и вычисления является распределенным общим ресурсом. Вместо десяти тысяч страховых компаний, каждая из которых имеет собственные бизнес-функции, может быть один универсальный децентрализованный страховой протокол.

Вместо тысячи социальных сетей, каждая из которых имеет собственные данные о пользователях и друзей, возможен один универсальный децентрализованный протокол социального графика.

С точки зрения бизнес-моделей это может быть переход от дефицита к изобилию. Стоимость коммутации пользователей будет нулевой, поскольку они могут мгновенно перенести свои данные в другие службы без задержки настройки.

Продукты и услуги сосредотачивающие свое внимание на максимизации положительного опыта пользователей и предоставлении полной и интеллектуальной персонализации, будут процветать.

Прибыли и показатели роста пользователей будут лишними, ведь будет иметь значение только получение комфортной работы для конечного пользователя. В такой реальности становится все более понятно, то есть власть резко перемещается к отдельному пользователю, выбор людей действительно определяет результат.

Продукты, услуги и организации, предоставляющие социальные льготы, такие как децентрализованный общий основной доход, децентрализованное здравоохранение и децентрализованное жилье, станут популярным выбором и породят движение социального децентрализма.

Итак, вопрос введения блокчейна в правовую сфере также стоит очень остро. Многие юристы критикуют данную систему, однако регулирование правовых норм, введенных системой блокчейн, не даст возможности двойной трактовке норм, что сделает правовую систему более «идеальной».

Большинство функционирующих блокчейн-приложений тяготеет к области быстрого и недорогого перемещения денежных средств и других форм ценности. Сюда можно отнести торговлю акциями и ценными бумагами, оплату труда работникам в других странах и обмен одной валюты на другую.

Блокчейн-технология сейчас также используется как часть инструментария, предназначенного для защиты программного обеспечения. Управление национальной безопасности США провело исследование в отношении использования программного обеспечения на основе блокчейн-технологии, предназначенного для защиты устройств в сетях Internet of Things (IoT — Интернет вещей).

Технология IoT получила определенные преимущества от внедрения этой инновации, поскольку по своей сути она изначально была особенно уязвима для спуфинга (spoofing) и других форм взлома сетей. Также в результате сами IoT-устройства получили

большее распространение, а защита сети уже в большей степени опирается на них самих. Хорошими примерами здесь могут быть клинические системы, самоуправляемые автомобили и системы безопасности.

Проект DAO (Decentralized Autonomous Organization — децентрализованная автономная организация) является еще одной интересной блокчейн-инновацией. Этот тип блокчейн-проекта представляет собой новое средство организации работы и объединения усилий множества различных компаний в интерактивном режиме. В частности, проект DAO используется для объединения единомышленников с целью инвестирования фондов в совместные проекты в среде сети Эфириум.

В настоящее время разрабатываются более масштабные и в потенциале более долгоживущие блокчейн-проекты, в число которых входят поддерживаемые государством системы регистрации земель, а также приложения для идентификации личности и обеспечения безопасности международных поездок.

Возможности, которые в будущем станут доступными благодаря внедрению блокчейн-технологии, будоражат воображение деловых людей, правительств, политических групп и гуманитарных организаций по всему миру. Такие страны, как Великобритания, Сингапур и ОАЭ, рассматривают эту технологию как средство для снижения затрат, создания новых финансовых инструментов и надежного хранения различных сведений. В этих странах были сделаны значительные инвестиции и развернуты исследования в области блокчейн- технологий.

Что касается транспортной сферы, она также не могла и не остается в стороне от прорывных технологий. Реализуется ведомственная программа «Цифровой транспорт и логистика». Этот проект предусматривает масштабную цифровую трансформацию транспорта в России по многим направлениям. Речь об оптимизации грузовых перевозок, пассажирских перевозок, формировании цифровой платформы всего транспортного комплекса, использования больших данных транспортной отрасли, развитии беспилотного транспорта, системы «умных» дорог и прочее. Останавливаясь на проекте Цифровой платформы транспортного комплекса, можно подчеркнуть, что это такой государственный сегмент единого защищенного доверенного пространства на транспорте, который поможет обеспечить доступ к государственным сервисам по принципу «единого окна». При этом будет обеспечиваться эффективное взаимодействие лидеров отрасли и крупнейших российских компаний, активно участвующих в цифровой трансформации логистики, межотраслевой информационный обмен и создание открытых сервисных экосистем.

Активно развивается национальная технологическая инициатива «Автонет». Российский рынок «Автонет» 2035 года – это инновационная диверсифицированная среда, которую уже сегодня формируют потребители и поставщики продуктов и сервисов на основе интеллектуальных систем, платформ и сетей в логистике людей и вещей. Экосистему рынка составляют:

- Потребители рынка (собственники ТС, пользователи транспортных сервисов B2B и B2C сегмента, грузоотправители, владельцы автопарков, транспортно-логистические компании (перевозчики), экспедиторы, лизинговые и страховые компании, дилеры и сервисные центры, и др.);

- Операторы/агрегаторы сервисов, в том числе операторы сервисных платформ по новым бизнес-моделям (потребительские услуги в ТС, страховая телематика, информационно-развлекательный контент, мониторинг ТС, охранно-поисковые сервисы, техпомощь и реагирование при авариях, видеонаблюдение/регистрация, паркинг, взимание платы за проезд, техническое обслуживание, аутсорсинг транспортно-логистических услуг, фрахт, экспедиция маршрутов, аренда складских помещений, аренда/краткосрочная аренда ТС, услуги по запросу, поиск попутчиков, мультимодальные маршруты, с использованием онлайн-заказа др.);

- Поставщики обеспечивающей инфраструктуры и сервисов (картография, ГНСС, платежные системы, инфраструктура V2X, инфраструктура ИТС (АСУДД и др.), энергетическая и ЖКХ-инфраструктура, дорожная и придорожная инфраструктура, мультимодальные транспортно-логистические центры, склады, терминалы и др.).

- Государственные регуляторы (ФОИВы и подведомственные организации, контрольно-надзорные органы и др.)

- Производители (автопроизводители, разработчики персонального транспорта, оборудования, систем и комплектующих для автотранспорта, ИТ-платформ и др.)

И для реализации данного проекта планируется активное внедрение блокчейн-технологий. Так, к примеру, в числе планов – автономная исследовательская платформа с использованием датчиков, LiDAR, радары и камер для снижения зависимости от сверхточных карт. Предполагает инвестиции в технологии искусственного интеллекта, блокчейн для разработки новой экосистемы мобильности совместно с MIT Media Lab (MIT ML).

Подводя итог исследованию, можно заключить следующее. Блокчейн-технология заложила основу для того, чтобы проблему необходимого доверия можно было, наконец, исключить из рассмотрения.

Там, где раньше требовалось немало усилий, чтобы добиться доверия, с появлением блокчейна все стало намного проще.

Множество аспектов жизни общества построено на доверии и соблюдении установленных правил.

Социальные и экономические последствия распространения блокчейн-приложений могут быть эмоционально и политически противоположными, поскольку блокчейн-технология изменит и то, как мы будем классифицировать и структурировать ценностные и социально-ориентированные взаимодействия.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 гг.» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.08.2017 № 1030 «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Правилами разработки, мониторинга и контроля выполнения планов мероприятий по реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5450.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
4. План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы «Автонет» (приложение № 2 к протоколу заседания президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России от 24.04.2018 № 1) // Документ предоставлен КонсультантПлюс.
5. *Лаптев В.А.* Технология блокчейн в системе корпоративного комплаенса // Право и цифровая экономика. 2018. № 2. С. 31 – 33.
6. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / А.В. Белицкая, В.С. Белых, О.А. Беляева и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 376 с.

Referens list

1. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 №. 203 «About the Development strategy of information society in the Russian Federation for 2017 – 2030» // Code of laws of the Russian Federation. 2017. №. 20. Art. 2901.
2. The resolution of the Government of the Russian Federation of 28.08.2017 №. 1030 «About a control system of implementation of the «Digital Economy of the Russian Federation» program (together with Rules of development, monitoring and control of implementation of the plans of measures on implementation of the «Digital Economy of the Russian Federation» program) // Code of laws of the Russian Federation. 2017. №. 36. Art. 5450.
3. The order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 № 1632-r «About the approval of the «Digital Economy of the Russian Federation» program// Code of laws of the Russian Federation. 2017. №. 32. Art. 5138.
4. The plan of measures («road map») of the National technological initiative of Avtonet (annex №. 2 to the minutes of presidium of Council under the President of the Russian Federation for upgrade of economy and the innovative development of Russia of 24.04.2018 №. 1) // ConsultantPlus.
5. *Laptev V.A.* Blockchain technology in the system of a corporate komplayens // Right and digital economy. 2018. №. 2. P. 31 – 33.
6. Legal regulation of the economic relations in modern conditions of development of digital economy: monograph / A.V. Belitskaya, V.S. Belykh, O.A. Belyaeva, etc.; edition V.A. Vaypan, M.A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2019. 376 p.

УДК 349:681

Петришин А.П.,
заместитель прокурора Ленинского района города Владивостока,
аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНИПА ГЛАСНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время предметом многих дискуссий среди теоретиков и правоприменителей являются вопросы гласности и открытости правосудия, особенно в тенденциях цифровизации судебного процесса и развития технологий. Кроме того, применение информационных технологий при отправлении правосудия является не самоцелью, необходимо для реализации задач правосудия, закрепленных в действующем российском законодательстве. В статье анализируются преимущества и проблемы, связанные с реализацией принципа гласности правосудия в условиях цифровизации судопроизводства, а также правовое регулирование использования электронных способов подачи документов и доказательств в суд, извещения участников процесса при помощи новых средств связи. Рассматриваются проблемы организационного обеспечения деятельности судов и их влияние на обеспечение принципа гласности правосудия. Целью данной статьи является вскрытие проблематики в реализации принципа гласности правосудия путем применения и использования современных технологий и устройств, а также установление возможных путей решения имеющихся проблем.

Путем сравнительно-правового анализа норм действующего законодательства и правоприменительной практики автором выявлены такие проблемы реализации принципа гласности правосудия в условиях цифровизации как: законодательное отступление от публикации мотивировочной части решения суда, ограничения трансляции судебных заседаний, наличие пробелов в правовом регулировании ведения аудиопротокола судебного заседания, недостаточное материально-техническое обеспечение судов. Автором предложены пути решения вскрытых в ходе проведения исследования проблемы. Например, внесение изменений в действующее законодательство, а также привлечение дополнительных источников финансирования с целью повышения уровня и качества обеспечения судов техническими и цифровыми ресурсами, позволяющими максимально реализовать принцип гласности правосудия в его современном облике.

Ключевые слова: гласность, открытое разбирательство, организационное обеспечение судов, электронное судопроизводство, аудиопротокол, трансляция судебного заседания

Petrishin A.,
Deputy Prosecutor of the Leninsky district of the city of Vladivostok, Postgraduate Student,
Moscow State Law University them. O.E. Kutafina

INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY OF JUSTICE

Currently, the subject of many discussions among theorists and law enforcers are issues of publicity and openness of justice, especially in the trends of digitization of the judicial process and the development of technology. In addition, the use of information technology in the administration of justice is not an end in itself, it is necessary to implement the tasks of justice enshrined in the current Russian legislation. The article analyzes the advantages and problems associated with the implementation of the principle of public justice in the conditions of digitalization of legal proceedings, as well as the legal regulation of the use of electronic means of submitting documents and evidence to the court, notifying participants of the process using new means of communication. Problems of organizational support for the activities of courts and their influence on ensuring the principle of publicity of justice are considered. The purpose of this article is to reveal the problems in the implementation of the principle of publicity of justice through the application and use of modern technologies and devices, as well as to identify possible solutions to existing problems.

Through a comparative legal analysis of the current legislation and law enforcement practice, the author identified such problems of implementing the principle of publicity of justice in digitalization conditions as: legislative deviation from the

publication of the reasoning part of the court decision, restrictions on the broadcast of court sessions, the presence of gaps in the legal regulation of the audio protocol of the court session, insufficient material technical support of ships. The author suggested ways to solve the problems revealed during the study. For example, introducing changes to existing legislation, as well as attracting additional sources of funding in order to increase the level and quality of providing courts with technical and digital resources to maximize the principle of publicity of justice in its modern look.

Keywords: publicity, open trial, organizational support of the courts, electronic court proceedings, audio protocol, broadcast of the court session

В качестве конституционного принципа гласность судебного разбирательства установлена в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации. В точки зрения правового просвещения и образования гласность правосудия обеспечивает реализацию ряда задач. Во-первых, гласность способствует развитию такого гражданского общества, в котором граждане знают о своих гражданских правах и обязанностях. Во-вторых, реализация принципа гласности правосудия обеспечивает повышение уровня правовой культуры общества и создание условий для быстрого и простого способа граждан информации, а также информирование граждан и организаций о деятельности суда. В-третьих, обеспечение гласности правосудия также способствует усилению авторитета судебной власти, формированию уважительного отношения к суду.

В современном мире широкое распространение получает использование информационно-коммуникационных технологий во всех сферах деятельности. Стремительное развитие информационных технологий оказывает неизбежное влияние на процедуру осуществления правосудия, что повлекло объективную необходимость введения в судопроизводство цифровых способов реализации принципа гласности. Необходимо отметить, что внедрение электронных технологий оказывает влияние не только на принцип гласности правосудия, но и на ряд других важных конституционных принципов, таких как: принцип равноправия сторон, принцип открытости судебного разбирательства, диспозитивности, принципа непосредственности судебного разбирательства и др. Процессы реализации всех указанных принципов правосудия непосредственно связаны между собой, и введение системы электронного правосудия оказало влияние на все указанные принципы, в том числе, на принцип гласности правосудия.

За короткий срок правовое регулирование в области обеспечения доступности и гласности судебного правосудия претерпело ряд изменений, в результате которых принцип гласности правосудия эволюционировал от обычного открытого судебного заседания до возможности подачи исковых заявлений и доказательств в форме электронного документа, права участия в процессе при помощи видео-конференцсвязи и смс-извещения сторон и лиц, участвующих в деле, о дате времени судебного заседания.

Ранее большинство авторов отождествляли принцип гласности правосудия с открытым рассмотрением дел в судах, что подкреплялось правовым нормами, которые закрепляли такую возможность как процессуальный принцип судопроизводства. На сегодняшний день доступность, гласность и открытость правосудия могут быть достигнуты исключительно при помощи информационных технологий.

Сущностью гласности является вся информация по делу, в том числе и существо принимаемых судебных решений. Получить указанную информацию до нашествия цифровизации представлялось возможным получить, присутствуя при рассмотрении дела: слушать показания свидетелей, сторон, знать содержание письменных доказательств, которые оглашаются судом [1]. За пределами судебного разбирательства информация о правосудии могла быть получена при помощи средств массовой информации, которые освещали результаты рассмотрения какого-либо дела. В современное время предмет гласности значительно расширен, введены новые средства осуществления важнейшего конституционного принципа правосудия. Так, использование видео-конференц-связи при рассмотрении дела кардинально изменяет гласность и непосредственность правосудия. К примеру, присяга свидетеля или эксперта с подписью в протоколе требует другой формы фиксации. Нередки случаи необходимости допроса свидетелей или экспертов, которые находятся на отдаленных расстояниях от суда, в котором происходит судебное разбирательство, и не могут явиться непосредственно в судебное заседание для допроса. Введение и применение видео-конференц-связи позволило избежать применения института судебного поручения, ускорило рассмотрение дела. Необходимо отметить, что доказательства, полученные путем видео-конференц-связи, оцениваются судом в комплексе с иными

Как цитировать статью: Петришин А.П. Влияние цифровизации на реализацию принипа гласности правосудия // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 73–77 с.

доказательствами и в непосредственность взаимосвязи с ними.

С целью реализации принципа гласности правосудия в современных условиях разработан проект «Электронное правосудие», который подразумевает под собой обеспечение всех судов необходимыми техническими ресурсами для совершения процессуальный и иных действий [2]. Во исполнение вышеуказанных задач распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р утверждена Концепция Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы».

Важным нормативным правовым актом в рамках реализации принципа гласности правосудия в эпоху цифровых технологий является Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации деятельности судов в Российской Федерации», который наряду с процессуальными кодексами закрепил ряд гарантий осуществления гласности. Так, при помощи электронной справочной системы «Электронное правосудие» можно узнать сведения о ходе и хронологии рассмотрения дела, списки судей и судов, состав участников спора, тексты судебных актов и иную информацию, обеспечивающую получение максимального объема сведений о правосудии [3].

Так, например, путем использования специального автоматизированного сервиса «Мой арбитр» в любой арбитражный суд Российской Федерации независимо от инстанции можно подать исковые заявления, жалобы, доказательства, письменные пояснения и ходатайства. Кроме того, путем оформления подписки на данном сервисе возможно обеспечение получения любой информации о конкретном деле.

Большое значение для решения проблем реализации принципа гласности правосудия имеет опубликование судебных актов в сети «Интернет». Как отмечают некоторые авторы, опубликование судебных актов практически сводит на нет любые возможности для злоупотребления правом, так как если судебные акты находятся на виду, то сложно нарушить единство судебной практики [4]. Однако уже на данном этапе мы сталкиваемся с рядом правовых и технических проблем, связанных с опубликованием судебных актов и ведением системы «Электронное правосудие». Актуальной проблемой реализации принципа гласности правосудия является законодательное закрепление отступления от правила обязательности наличия мотивировочной части в решении суда.

Европейский Суд также неоднократно подчеркивал, что недостаточность мотивировки судебных актов свидетельствует об отсутствии справедливого судебного разбирательств.

Между тем, при рассмотрении дел в порядке упрощенного судопроизводства принимаются немотивированные судебные решения, а мотивированный судебный акт изготавливается по ходатайству сторон, что является ограничением принципа гласности. Очевидна проблема противоречия тенденции к открытости и гласности правосудия в виде размещения в сети «Интернет» судебных актов и тенденции к сокращению содержания этих актов и упрощению судопроизводства [5]. При таких обстоятельствах задача развития принципа гласности, его информатизации и цифровизации становится трудновыполнимой.

Еще одним современным способом обеспечения гласности судопроизводства является возможность трансляции судебного заседания. До 2017 года процессуальное регулирование трансляции судебных заседаний в сети «Интернет» было достаточно скудным.

Федеральным законом от 29.07.2017 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 223) внесены изменения в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, а также в Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации деятельности судов в Российской Федерации».

Указанным законом впервые прямо закреплена в АПК РФ [6] и ГПК РФ [7] возможность транслировать в сети «Интернет» открытые судебные заседания, тогда как ранее на уровне закона закреплялась лишь возможность вести интернет-трансляции открытых заседаний по КАС РФ и открытых процессов Конституционного суда РФ. Возможность онлайн-трансляций в арбитражном процессе до указанных изменений предоставлялась лицам на основании Постановления Пленума ВАС РФ от 08 октября 2012 № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе», а в гражданском – Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [8].

Так, в уже действующий Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации деятельности судов в Российской Федерации» ФЗ № 223 добавлена статья 15.1 – «Особенности трансляции судебных заседаний по радио, телевидению и в сети Интернет». В ней указано, что трансляция заседания, если оно открытое, может идти лишь по решению суда. Это касается радио, телевидения и сети «Интернет». ФЗ № 223 проводит разграничение в видах трансляций, в частности, в сети может проходить трансляция – прямая – здесь и сейчас, отсроченная во времени и частичная, суд самостоятельно, с учетом особенностей каждого дела, дает разрешение на тот или иной вид трансляции судебного заседания.

В связи с тем, что трансляция судебного заседания возможна только по разрешению суда, данная процессуальная возможность не обеспечивает реали-

зацию принципа гласности правосудия в полной мере. Для решения обозначенной проблемы необходимы законодательные изменения, которые обеспечат необходимость трансляции всех судебных заседаний, за исключением тех, которые в соответствии с законом должны быть закрытыми. Безусловно, такое нововведение приведет увеличению времени рассмотрения дел в судах, однако в полной мере обеспечит реализацию гласности, вернет полное доверие правосудию и исключит возможность проявления коррупциогенных факторов при отправлении правосудия.

Важным инструментом принципа гласности правосудия также является введение аудиопротокола судебного заседания, который является одной из важнейших составляющих построения электронного пространства для судебной деятельности, а так же прогрессивным гарантом законности, открытости и справедливости.

Ведение аудиопротокола имеет ряд важный преимуществ, таких как невозможность внесения изменений в содержание записи и отсутствие вероятности двоякого толкования позиций, высказанных участниками процесса.

Однако имеющееся правовое регулирование имеет ряд недостатков. Несмотря на указание в законе на непрерывность записи отсутствуют нормы, закрепляющие необходимость после каждого судебного заседания транспортировать запись на цифровой носитель, опечатывать его в присутствии лиц, участвующих в судебном процессе, приобщать к делу, а также обязанность публиковать аудиопротоколы на официальном сайте судебного органа. Указанное, на наш взгляд, обеспечило бы максимальную прозрачность судебного заседания и реализацию принципа гласности правосудия, в связи с чем предлагается внесение соответствующих изменений в законодательные положения о ведении аудиопротокола судебного заседания.

Помимо имеющихся законодательных проблем реализация принципа гласности правосудия в условиях цифровизации, присутствуют также технические проблемы, связанные с обеспечением судов необходимым оборудованием. Надлежащие функционирование судов и реализацию новых институтов гласности сдерживает недостаточное обеспечение судов материально-техническими ресурсами, что затрудняет использование современных схем делопроизводства и информационной технологии [9].

Очевидно, что перечисленные проблемы реализации принципа гласности правосудия в условия информатизации и цифровизации не являются исчерпывающими.

Между тем, новейшие средства обеспечения гласности и открытости судопроизводства создают новый уровень открытости процесса, снимая пространственные и временные ограничения, должны благоприятным образом сказаться на повышении эффективности судебной защиты, законности и обоснованности судебных актов, снижении уровня возможных злоупотреблений со стороны суда и участников процесса, а так же способствовать повышению доверия общества к судебной системе.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».
3. *Доржиев Э.П.* Организация работы помощника судьи арбитражного суда в условиях электронного правосудия // Юрист. 2011. № 9. С. 38 – 42.
4. *Корякин И.И.* Некоторые проблемы административно-правового регулирования организационного обеспечения деятельности судов // Административное право и процесс. 2015. N 8. С. 18 – 20.
5. *Попов И.А.* Гласность как одно из средств обеспечения задач правосудия // Мировой судья. 2018. № 2. С. 25 – 28.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 61 (ред. от 04.04.2014) «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе» // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. *Смагина Е.С.* Новые правила размещения судебных актов в сети Интернет в свете реализации принципа гласности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 1. С. 26 – 29.
8. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. *Чуча С.Ю.* Реализация принципа открытости правосудия в деятельности арбитражного суда // Вестник Омского университета. Серия «Право» – 2014. № 2(23). С. 114-114.

Reference list

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 25, 2017) // The document was not published. Access mode: ATP ConsultantPlus.

2. Civil Procedural Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 27, 2018) // The document was not published. Access Mode: ATP ConsultantPlus: Judicial Practice.
3. *Dorzhiev E.P.* Organization of the work of the assistant judge of the arbitration court in terms of e-justice // Lawyer. 2011. № 9. P. 38 – 42.
4. *Koryakin I.I.* Some problems of administrative and legal regulation of organizational support for the activities of courts // Administrative law and process. 2015. N 8. P. 18 – 20.
5. *Popov I.A.* Publicity as one of the means of ensuring the tasks of justice // Magistrate. 2018. No. 2. P. 25 – 28.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 08.10.2012 No. 61 (ed. 04/04/2014) "On ensuring publicity in the arbitration process" // The document was not published. Access Mode: ATP ConsultantPlus; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 13, 2012 No. 35 "On openness and publicity of legal proceedings and on access to information on the activities of the courts" // The document was not published. Access mode: ATP ConsultantPlus.
7. *Smagina E.S.* New rules for placing judicial acts on the Internet in the light of the implementation of the principle of publicity in civil proceedings // Arbitration and civil procedure. 2018. № 1. P. 26 – 29.
8. Federal Law No. 262-FZ of December 22, 2008, "On Ensuring Access to Information on the Activities of the Courts in the Russian Federation" (ed. December 28, 2017) // The document was not published. Access mode: ATP ConsultantPlus.
9. *Chucha S.Yu.* The implementation of the principle of open justice in the activities of the arbitration court // Bulletin of Omsk University. A series of "Law" – 2014. № 2 (23). Pp. 114-114.

УДК 349

Королев С.В.,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук, профессор Государственного университета по землеустройству

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ

ДВА РЕЖИМА ЭЛЕКТРОННОГО ДОГОВОРА В ИНТЕРНЕТ-ПРАВЕ ГЕРМАНИИ[1]

Статья посвящена анализу двух режимов электронного договора, выделяемых в интернет-праве Германии. Авторы приходят к выводу, что заключение электронного договора всегда проблематично, если у сторон нет желания или возможности скрепить договор электронной подписью. В электронном договоре провайдер изначально является просто рекламодателем, действующим в режиме «invitatio ad offerendum», затем появляется потребитель в качестве оферента и лишь на третьем этапе вновь появляется провайдер в качестве возможного акцептанта. Неслучайно, предприниматели стремятся по возможности упростить указанную констелляцию электронного договора. Авторы считают, что приемлемым вариантом является российская практика, когда провайдер после первичного контакта с посетителем сайта высылает на истребованную электронную почту коммерческое предложение, т.е. переводит электронный договор по возможности в форму обычного договора, в котором оферентом становится предприниматель, а потенциальным акцептантом – покупатель.

Ключевые слова: информационное право, интернет-право, Германия, электронный договор, покупатель, провайдер

Korolev S.,
Doctor of Law, chief researcher of the international law sector of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences, Professor of State University of land management

Polyakova T.,
Doctor of Law, Chief Researcher, Acting Head Sector of Information Law and International Information Security of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation

TWO MODES OF ELECTRONIC CONTRACT IN GERMAN INTERNET LAW

The article is devoted to the analysis of two modes of the electronic contract allocated in the Internet law of Germany. The authors come to the conclusion that the conclusion of an electronic contract is always problematic if the parties have no desire or ability to seal the contract with an electronic signature. Electronic contract provider initially is simply reclamada President acting in the «invitatio ad offerendum», then a consumer as the Offeror, and only the third stage reappears provider as a possible acceptor. It is no coincidence that entrepreneurs seek to simplify the said constellation of the electronic contract as much as possible. The authors believe that the acceptable option is the Russian practice, when the provider after the initial contact with the sender of the site sends a commercial offer to the requested e-mail, i.e. transfers the electronic contract to the form of an ordinary contract, where the Offeror becomes the entrepreneur, and the potential acceptor – the buyer.

Keywords: information law, Internet law, Germany, electronic contract, buyer, provider

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16012.

Как цитировать статью: Королев С.В., Полякова Т.А. Два режима электронного договора в интернет-праве Германии // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). с. 78–82

Процедура заключения электронного договора [1, S. 70] согласно интернет – праву Германии, как и в обычной жизни, имеет свои особенности в зависимости от того, кто с кем по поводу чего заключает такой договор. Если речь идёт о соглашении между коммерсантом и индивидуальным заказчиком, например, о договоре розничной купли-продажи, то действуют правила, предусматривающие усиленную защиту индивидуального заказчика, т.е. потребителя [2, S. 188].

Если же речь идёт об оптовых поставках, т.е. о соглашении между предпринимателями, то ни одна из сторон не имеет преимущества перед другой, поскольку «… в отношении коммерсантов действуют особенности в силу меньшей потребности в их защите (geringeren Schutzwürdigkeit). В случае так называемого письма коммерческого подтверждения молчание коммерсанта (= контрагента – С.К.) уже достаточно, чтобы вызвать правовые последствия (см. подробнее ниже – С.К.)» [3, S. 3].[2]

Будущий предприниматель ещё на стадии учреждения нового дела конструирует свой бизнес как некий сектор хозяйственной деятельности, который должен привлечь внимание целевой группы потребителей [4, S. 196][3]. В любом случае коммерческая инициатива по определению исходит от коммерсанта: сначала на рынок должен придти продавец с товаром, лишь потом на рынке могут появиться потенциальные покупатели. Соответственно, в классическом договоре купли продажи продавец делает оферту, а покупатель волен сделать акцепт или отказаться от него. В изложении § 433 ГГУ процедура юридически значимого договора купли-продажи выглядит следующим образом: «Экономически купля-продажа имеет целью окончательный обмен товара на деньги. На основании § 433 Абз.2 покупатель обязан выплатить покупную цену; продавец же обязан передать вещь покупателю и предоставить ему собственность на (купленную – С.К.) вещь» [5, S. 516].[4]

В интернет – пространстве ситуация несколько иная: «Посредством интернета в принципе возможно заключение договоров, как и в нормальной деловой жизни. Но при этом надо иметь в виду, что домашнюю страницу (коммерсанта – С.К.) следует рассматривать лишь как «*invitatio ad offerendum*» (Лат. «приглашение делать оферты»). Тем самым, предложение исходит от заказчика; контент – провайдер же по свободному усмотрению решает, принимает ли он предложение или нет» [6, S. 304].

При заключении электронного договора возникают две кардинальные проблемы:

1) Каким образом реализуются волеизъявления между отсутствующими в процессе электронной коммуникации и 2) Как следует интерпретировать доставку акцепта и может ли здесь быть полезной теория почтового ящика, применяемая в международном частном праве большинства государств мира?

Как мы видели выше, оферентом по электронному договору выступает покупатель (заказчик). Оферта с его стороны на сайте продавца представляет собой первичное (по хронологии) волеизъявление, т.е. согласие на заключение электронной сделки на данном сайте с данным контент – провайдером. Обычным способом реализации оферты со стороны заказчика является отсылка электронного письма на электронный адрес соответствующего контент – провайдера.

Другой – ныне уже распространённый – способ реализовать оферту заказчиком заключается просто в необходимости кликнуть мышкой [7, S. 921-927] в нужном окне на сайте контент – провайдера. Возможное молчание адресата, т.е. отсутствие его реакции на полученную оферту не порождает никаких правовых последствий. Потенциальный заказчик либо повторяет попытку, либо ищет и, скорее всего, находит в веб – пространстве другого потенциального контрагента, готового выслать соответствующий товар или предоставить соответствующую услугу. Как бы то ни было, заказчику – оференту лишь остаётся ждать ответа со стороны адресата оферты, т.е. коммерсанта.

Имманентной проблемой онлайн – сделок является проблема двусторонней персонификации сторон. Правда, речь не идёт о симметричной проблеме: у потенциального заказчика – будь то потребителя или предприниматель – всегда есть шанс проверить надёжность другой стороны, т.е. контент – провайдера, предлагающего ту или иную услугу. Что касается, проверки НЕпредпринимателя, выступающего в качестве заказчика, то здесь уместна метафора Дэн Сяо Пина: «ночью все кошки серые», т.е. потребители изначально – до первого контакта – представляют для контент – провайдера просто персонажи «без качеств».

Подобно Ульриху – главному герою романа Роберта Музиля «Человек без качеств» [8, S. 2154] – потенциальные потребители не спешат определяться: даже многократно возвращаясь на сайт одного и того же контент – провайдера, потребитель медлит со своей самоидентификацией, оставляя себе возможность ускользнуть на сайт конкурента, а далее на третий сайт и т.п. Впрочем, бывают ситуации, когда сам потребитель как потенциальная сторона онлайн-сделки кровно заинтересован в «деприватизации» своих индивидуальных черт [9, S. 268]. Более того, например, при

---

[2] *Speichert H.* Praxis des IT-Rechts. 2te Aufl. – Wiesbaden: Vieweg Verlag. – 2007.- S. 3

[3] См. *Goldwein A.* Existenzgründung leicht gemacht: in 7 Schritten erfolgreich durchstarten in die Selbstständigkeit. – Monheim am Rhein: M&E Books Verlag GmbH. – 2018. – 196 S.

[4] *J. von Staudingers* Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Eckpfeiler des Zivilrechts. – Berlin: Sellier, de Gruyter. – 2005. – S.516

заказе беговых кроссовок онлайн-заказчик de facto публикует не только размер своей ступни, но и свое хобби. Электронные роботы – счётчики регистрируют и классифицируют подобные данные и постепенно формируют «интернет – лицо» конкретного индивида.

Отсюда, возникает тема т.н. прозрачного интернет – пользователя, [10, S. 218] что неплохо для противодействия общественно опасным угрозам, но очень плохо для режима защиты личных данных онлайн – заказчиков. Драматическая ирония здесь заключается в том, что фактически речь идет о защите тех самых личных данных, которые когда-то на каком-то сайте сам же интернет-пользователь о себе и предоставил, но которые могут стать или уже стали объектом манипуляций со стороны интернет – злоумышленников.

В онлайн-отношениях между предпринимателем и потребителем напрашивается некоторая аналогия с торговым автоматом [3, S. 2].[5] Впрочем, выставленные в торговом автомате продукты представляют собой оферту со стороны владельца автомата, т.е. покупателю, как и в классическом договоре купли – продажи, просто предоставляется возможность сделать акцепт. Мы видели, что в электронном *гражданском* обороте ситуация прямо противоположная: заказчик выступает в роли оферента, а контент – провайдер (электронный коммерсант) волен акцептовать оферту заказчика или отклонить. Именно с этого момента начинается полная аналогия с торговым аппаратом: контент – провайдер оставляет себе определённую маржу усмотрения. Он обычно готов акцептовать оферту с оговоркой: «Solange Vorrat reicht» (Нем. «Пока есть запас (товаров на складе)»).

Другими словами, электронный коммерсант обычно снимает с себя ответственность за непоставку товара или неоказание услуги в случае отсутствия товара на складе или физической невозможности предоставить требуемую заказчиком услугу. Безусловно, здесь на стороне контент – провайдера находится мощный аргумент в виде принципа естественного права «*ultra posse nemo obligatur*» (Лат. «сверх возможного никто не обязан»).

Соответственно, до принятия Европейским сообществом директивы об электронной торговле (Директива 2000/31/ЕС от 08.06.2000 г.) индивидуальный заказчик в странах западной Европы находился в слабой позиции: мотивы и планы контент – провайдера для обычного потребителя не могут быть прозрачными, поэтому контент – провайдер теоретически имеет возможность для злоупотреблений. Заказчик в рамках электронного договора никогда не сможет узнать, действительно ли запас интересующих его товаров иссяк, или же контент – провайдер по каким-то причинам лишь прикрывается принципом торгового автомата: «пока запас есть (в наличии)».

Однако после появления указанной Директивы об электронной торговле 2000/31/ЕС её важнейшие положения, а именно ст.10 и 11 были имплементированы в Германское Гражданское Уложение в рамках § 312 е. Данный параграф, в частности, устанавливает ряд существенных обязанностей для контент – провайдера, а именно:

- предоставить приемлемые, эффективные и доступные технические средства, с помощью которых потребитель сможет опознать и исправить вводные данные своего заказа;

- на основании ст. 241 Вводного закона к ГГУ ещё до отсылки данных заказа обеспечить заказчику получение соответствующей (охранительной – С.В. и Т.П.) информации своевременно, в четкой и понятной форме;

- незамедлительно подтвердить доставку заказа электронным способом;

- обеспечить возможность в момент заключения договора отозвать (те или иные С.В. и Т.П.) – условия договора, включая общие условия сделок, а также иметь возможность скачать эти изменения в воспроизводимой форме» [11].

Для сравнения: в Российской Федерации получила распространение следующая схема заключения электронного договора: в тех случаях, когда контент – провайдер (электронный предприниматель) знает, что запас его продукции постоянно возобновляется, он обычно высылает на электронный адрес заказчика – оферента т.н. коммерческое предложение. При этом адресат должен дать ответ в срок, указанный в коммерческом предложении. Соответственно, меняются роли: контент – провайдер становится оферентом по коммерческому предложению, а индивидуальный заказчик получает право выбора – акцептовать это коммерческое предложение или нет. В случае акцепта, стороны опять – таки по интернету заключают типовой договор и пересылают друг другу последние страницы заключенного договора с необходимыми печатями и подписями. Другими словами, договор из онлайн – режима переводится в оффлайн-режим, т.е. принимает форму классического договора купли-продажи.

Иначе обстоит дело при обмене волеизъявлений в электронном *коммерческом* обороте, т.е. между самими коммерсантами, а не между коммерсантом, с одной стороны, и потребителем, с другой. «Если между коммерсантами сначала заключён устный договор, например, на ярмарке, то после заключения договора посредством рукобитья (коммерсант – акцептант – С.К.) обычно высылает контрагенту (коммерсанту – оференту – С.К.) т.н. коммерческое подтверждение для письменной фиксации существенного содержа-

[5] *Speichert H.* Praxis des IT-Rechts. 2te Aufl. – Wiesbaden: Vieweg Verlag.- 2007.- S. 2

ния договора. Если при получении коммерческого подтверждения другая сторона молчит, то договор считается заключённым по умолчанию» [3, S. 3].

Принцип «молчание – знак согласия» вполне может быть применим и в электронном коммерческом обороте. Однако применение этого же принципа в электронном *гражданском* обороте, т.е. в отношениях между предпринимателем, с одной стороны, и потребителем с другой, вызывает сильные возражения.

В рамках традиционной почтовой связи между отправителем и получателем почтового сообщения находится посредник в виде почтовой службы. По аналогии и в электронном общении между отправителем и получателем электронного письма находится провайдер интернет-услуг. Обычно у отправителя и получателя разные (нередко трансграничные) провайдеры.

Ясно, что применять теорию почтового ящика в контексте теории почтового ящика не имеет смысла, когда договор заключается в режиме реального времени, т.е. в течение онлайн – сессии. Здесь волеизъявление реализуется в отношении присутствующего лица, поэтому проблема доставки волеизъявления не возникает: оно тут же становится действительным.

Иное дело, если волеизъявление доставляется в форме электронного письма, тогда мы имеем дело с преддоговорными отношениями между отсутствующими. На основании § 130 Абз.1 ГГУ волеизъявления между отсутствующими становятся действительными лишь в момент доставки. Как и с теорией почтового ящика, возникает вопрос, как определить этот момент. «Волеизъявление считается доставленным, если оно попадает в сферу господства получателя таким образом, что он имеет возможность удостовериться (в получении – С.К. и Т.П.) и при обычных обстоятельствах следует рассчитывать на то, что он удостоверился» [3, S. 8].

По аналогии с романо – германской версией теории почтового ящика возможность удостоверения в доставке электронного письма презюмируется вовсе не в тот момент, когда оно оказалось на сервере провайдера, обслуживающего почтовый ящик данного пользователя. Возможность удостоверения презюмируется лишь в тот момент, когда письмо действительно появилось в рубрике «входящие» соответствующего почтового ящика и может быть считано, загружено и т.п. данным конкретным пользователем.

Над своим провайдером пользователь имеет власти не больше, чем простой потребитель над предпринимателем: пользователь может сменить провайдера, но не в состоянии принудить его к режиму каких-либо преференций в свой адрес. В реальной жизни провайдер может слиться с другой компанией и «оптом» передать ей всех своих пользователей. С другой стороны, пользователь может быть отключён провайдером от интернета за просрочку регулярных платежей и т.п. Однако если сам пользователь установил такую защиту против спама, что важное электронное письмо оказалось заблокированным, то ответственность за «недоставку» лежит на адресате, а не на провайдере и не на отправителе письма.

Момент доставки электронного письма определяется исключительно по *объективным* критериям. Если пользователь по тем или иным причинам проверяет свой почтовый ящик исключительно по воскресеньям или каждую вторую декаду, то он делает это на свой страх и риск. Так, для предпринимателей доставка электронных сообщений интегрирована в период между началом и окончанием соответствующего рабочего дня. Даже если электронное письмо поступило за 5 минут до официального окончания работы офиса, оно считается доставленным. Если же фирма осуществляет свою деятельность круглосуточно, то электронное письмо считается доставленным в любое время суток. Однако эти правила действуют лишь в том случае, если предприниматель на своём веб – сайте указал не только свой обычный почтовый адрес, но также и *электронный* адрес. Лишь в этом случае интернет-право Германии исходит из того, что данный предприниматель сигнализирует потенциальным контрагентам свою готовность к электронной коммуникации. Тем самым, предприниматель берет на себя и *обязанность*, по крайней мере, замечать и принимать к сведению новые поступления в своей электронной почте, поскольку электронные корреспонденты такого предпринимателя вправе рассчитывать на скорый ответ [3, S. 10].

В отношении обычных граждан действуют менее жесткие правила: от них можно ожидать лишь ежедневную (например, ежевечернюю) проверку своей электронной почты. Нельзя требовать, чтобы обычный пользователь проверял свою почту «на ночь глядя», но разумно ожидать от него, чтобы он текущим днём проверял хотя бы свою вчерашнюю почту. Таким образом, «для частных лиц доставка презюмируется (wird angenommen) лишь на следующий день» [3, S. 11].

Как известно, возможности интернета можно использовать не только во благо, но и во зло. На просторах интернета можно найти огромное количество формально «бесплатных» сайтов, скрывающих так называемые платные ловушки (Kostenfallen). Например, владельцы подобных сайтов предлагают посетителям «бесплатные» абонементы. Но потом оказывается, что посетитель, кликнув мышкой в окошке под названием «получи бесплатный абонемент на полгода» (или на год), не сумел разглядеть тщательно замаскированные ловушки, например, в виде параграфов со звёздочками, отсылающими посетителя на задворки сайта. В результате ничего не подозревающий посетитель такого сайта – буквально не глядя – даёт своё «со-

гласие» и попадает в расставленный капкан. Обычно такой капкан уже предусматривает регулярные платежи за пользование «бесплатным» абонементом.

По мнению профессора Хёрена, в этой ситуации надо действовать следующим образом: «Если дело дошло до заключения договора между потребителем и провайдером абонементных ловушек, то посредством толкования следует выяснить, было ли достигнуто согласие сторон по пункту возмездности. При этом на основании §§ 133, 157 ГГУ следует иметь в виду лишь объективный смысл волеизъявления. Если на основании оформления сайта потребитель был вправе исходить из бесплатного предложения (со стороны провайдера – С.К.) и именно так он его понял, то согласно § 155 BGB имело место разногласие (Dissens). Соответственно, договор между потребителем и предпринимателем не состоялся. К тому же договоры подобного типа, как правило, противоречат добрым нравам на основании § 138 ГГУ, поскольку здесь следует исходить из явной диспропорции между услугой и ответной услугой…» [6, S. 306].

Выводы: Заключение электронного договора всегда проблематично, если у сторон нет желания или возможности скрепить договор электронной подписью. Как мы видели, в электронном договоре провайдер изначально является просто рекламодателем, действующим в режиме «*invitatio ad offerendum*», затем появляется потребитель в качестве оферента и лишь на третьем этапе вновь появляется провайдер в качестве возможного акцептанта. Неслучайно, предприниматели стремятся по возможности упростить указанную констелляцию электронного договора. Приемлемым вариантом является российская практика, когда провайдер после первичного контакта с посетителем сайта высылает на истребованную электронную почту коммерческое предложение, т.е. переводит электронный договор по возможности в форму обычного договора, в котором оферентом становится предприниматель, а потенциальным акцептантом – покупатель.

Список литературы / Reference list

1. *Steigerwald F.* Der Waren-und Dienstleistungsvertrieb im digitalen Zeitalter. Welche Chancen und Risiken ergeben sich für Unternehmen? – München: Open Publishing GmbH. – 2018.
2. *Grünewald B., Peifer K.-N.* Verbraucherschutz im Zivilrecht. – Heidelberg, Dordrecht, London, N.Y.: Springer. – 2010.
3. *Speichert H.* Praxis des IT-Rechts. 2te Aufl. – Wiesbaden: Vieweg Verlag. – 2007.
4. *Goldwein A.* Existenzgründung leicht gemacht: in 7 Schritten erfolgreich durchstarten in die Selbstständigkeit. – Monheim am Rhein: M&E Books Verlag GmbH. – 2018.
5. *J. von Staudingers* Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Eckpfeiler des Zivilrechts. – Berlin: Sellier, de Gruyter. – 2005.
6. *Hoeren Th.* Internetrecht. – Münster: WWU. – 2011.
7. *Spindler G.* Das Gesetz zum elektronischen Geschäftsverkehr – Verantwortlichkeit der Dienstanbieter und Herkunftslandprinzip // Neue Juristische Wochenschrift.- Heft 13. – 2002.
8. *Musil R.* Der Mann ohne Eigenschaften [1930, 1933, 1943] // Gesammelte Werke, Bd. 1. Hg. Von A. Frise – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt. – 1978.
9. *Stüber E.* Personalisierung im Internethandel: Die Akzeptanz von Kaufempfehlungen in der Bekleidungsbranche. 2. Aufl. – Wiesbaden: Springer Gabler Verlag. – 2013.
10. *Bala Chr., Müller K.* (Hrsg.) Der gläserne Verbraucher: Wird Datenschutz zum Verbraucherschutz? – Düsseldorf: Verbraucherzentrale NRW. – 2014.
11. *Schulze R.* (Hrsg.) BGB Handkommentar. Baden-Baden: Nomos, 2002.

УДК 330.101

Шкодинский С.В.,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института

Надысева Д.М.,
аспирант Московского государственного областного университета

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Научные разработки о роли институтов и особенностях их развития представляют значительный интерес в контексте их поведения в условиях цифровых трансформаций. Это тем более важно, так как взгляды представителей институционализма на эту проблему значительно различаются. В этой связи в научной статье описан методологический аппарат институционализма; обобщаются теоретические представления об институтах и институциональных изменениях; раскрываются основные теоретические представления о сфере цифровой экономики и практических направлениях ее использования.

Новизна авторского подхода заключается в комбинации научных исследований двух теоретических областей: институциональной и цифровой экономики.

Ключевые слова: институты, цифровая экономика, трансформация, методология, приоритеты, технологии, институциональные изменения

Shkodinsky S.,
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Moscow State Regional University, Chief Researcher at the Center for Sectoral Economics of the Research Financial Institute

Nadyseva D.,
Postgraduate student of Moscow State Regional University

RESEARCH OF THE ROLE OF ECONOMIC INSTITUTIONS IN THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Scientific developments on the role of institutions and the characteristics of their development are of considerable interest in the context of their behavior in the context of digital transformations. This is all the more important since the views of institutionalism representatives on this problem vary considerably. In this regard, the scientific article describes the methodological apparatus of institutionalism; generalizes theoretical ideas about institutions and institutional changes; reveals the main theoretical ideas about the digital economy and the practical directions of its use.

The novelty of the author's approach lies in the combination of scientific studies of two theoretical areas: institutional and digital economics.

Keywords: institutions, digital economy, transformation, methodology, priorities, technologies, institutional changes

Введение

Актуальность темы научной статьи обусловлена нарастающей ролью цифровой экономики в жизни современного общества. В настоящее время наблюдается трансформация всех сфер жизнедеятельности, что приводит к изменению видов экономических ресурсов и способов их распределения. Ключевым объектом новой постиндустриальной экономики становится информация, распределяемая в цифровой форме.

Как цитировать статью: Шкодинский С.В., Надысева Д.М. Исследование роли экономических институтов в условиях цифровой экономики: теоретико-методологические подходы // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 83–89 с.

Накопление, перераспределение и использование данного экономического ресурса значительно отличается от функционирования других факторов производства (земли, капитала, труда и предпринимательских способностей): для работы с ним необходимо наличие определенного носителя, способного воспроизводить, редактировать, дополнять и совершать операции над данными и с информацией. Подобным носителем в современном мире становится любой технологический цифровой объект.

В результате влияния данного вида экономического ресурса происходит формирование саморегулирующейся и самоорганизующейся системы, которая позволяет значительно снижать издержки, связанные с накоплением, распределением и использованием информации.

Изучение подобных издержек представляет особый интерес новой школы институциональной экономики, являющейся, на наш взгляд, наиболее подходящим экономическим учением, способным провести анализ и дать теоретическое представление новой модели экономической реальности на этапе становления цифровой экономики.

Методы. В своей работе авторы опираются на традиционные методы исследования: диалектический, логический, научных обобщений. Кроме того, использованы методы сравнительного анализа и аналогии.

Результаты. Институциональная экономика имеет сложную структуру и включает в себя различные направления и школы. Истоки институционального учения зарождаются в идеях старого институционализма (XIX–XX вв.), яркими представителями которого являлись: Т. Веблен (родоначальник социально-психологического направления), Дж. Коммонс (родоначальник социального-правового направления) и У. Митчелл (родоначальник институционально-статического направления).

Развитие старого институционализма, в свою очередь, имеет два ответвления: институционализм 1970-х годов (Дж. К. Гэлбрейт, Г. Мюрдаль, Ф. Перру и Ж. Фурастье) и новый институционализм тридцатых годов прошлого века (К. Эроу, Р. Коуз). Институционализм 1970-х гг. перерос в современный старый институционализм, ярким представителем которого является Дж. Ходжсон, а новый институционализм тридцатых годов, дополненный эволюционной теорией (Ф. Хайек, Й. Шумпетер), явился основой неоинституционализма, яркими представителями которого являются О. Уильямсон и Д. Норт [3].

Истоки методологии институционального учения восходят к концу XIX века. Базой для рождения нового метода исследования послужило несколько факторов, самым ярчайшим из которых является известный «спор о методах». Данный спор возник между австрийской и молодой исторической школой. Густав фон Шмоллер, представитель исторической школы, выступал против индивидуализма классической экономической теории, утверждая главенство индукции и эмпирических методов исследования и настаивая на изучение динамики изменения групповых решений. Оппонентом Г. фон Шмоллера выступил К. Менгер, обособляющий экономическую науку от исторических и национальных особенностей и выступавший за дедуктивный логический метод.

Результатом данного спора послужило изменение курса экономической науки, в том числе появление институциональной школы. Так, Т. Веблен, придерживаясь методологических принципов исторической экономической школы, в основу своей методологии положил психологическую трактовку явлений, полностью отвергая методологическую базу классической школы, а именно выступая против главенства принципа равновесия, «таксономического характера» экономики и предпосылки о рациональности экономических агентов с целью максимизации прибыли [6, С. 7].

Отметим, что основные методологические положения по изучению институциональной экономики были выдвинуты еще Гамильтоном в 1919 году. Позже Дж. Ходжсон обобщил методологические принципы институциональной экономики.

Интересны взгляды институционалиста Г. Мюрдаля, получившего совместно с Ф. фон Хайеком в 1974 г. Нобелевскую премию «за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений». В их состав автор включил неизбежность существования субъективных оценок в социальных науках [4].

В. Вольчик, дополнил основные методологические положения институционализма через введения следующих ключевых позиций:

- понимание сущности вещей значительно важнее цифрового и графического отображения в виде прогнозов;
- неопределенность невозможно искоренить или устранить;
- необходимо сочетать индуктивный и дедуктивный анализ;
- ньютоновская физика неверна как научный архетип;
- необходимость применения методологического коллективизма совместно с обогащенным неидеологизированным методологическим индивидуализмом [2, С. 127].

В общих чертах, методологический подход различных школ институционализма сводится к следующим основным аспектам [7, с. 47-48]:

1) по инструментарию:

- школа старого институционализма активно использует инструменты чисто гуманитарных наук,

объединяя психологические, социологические, антропологические и др. исследования;

- школа нового институционализма использует инструменты неоклассического экономического анализа, тем самым используя методы «экономического империализма» (основоположник – Г. Беккер, удостоенный Нобелевской премии в 1992 г.) и «политического обмена (Дж. Бьюкен);

2) по методам и методологии исследования: в работах исследователей традиционного институционализма широко применяется метод индукции и лежит методология холизма, в то время как в новом институционализме в основном выделяется дедуктивный метод исследований и развивается методологический индивидуализм.

В теории нового институционализма значительно изменяются принципы, действующие ранее в классических и неоклассических теоретических представлениях. Так, основными становятся следующие:

- зависимость предпочтения индивидов от внешних факторов, а также значительное влияние фактора неопределенности;

- принципы теории игр имеют конфликт с принципами, изложенными в модели Вальраса;

- создание новой институциональной теории и теории существующих и новых институтов;

- функционирующим становится принцип удовлетворительности, а не принцип оптимальности.

Таким образом, в теоретических представлениях новых институционалистов ключевым становиться институционализированность индивида, которая, по мнению Дж. Ходжсона, заключается в воздействии институтов на формирование личности и проявляется в нестатичности предпочтений (Дж. К. Гэлбрэйт) и потребностей (К. Айрес) [12].

Институциональный подход, по сути, заключается в рассмотрении объекта исследования с различных сторон, дает институционализму преимущества по сравнению с неоклассическим подходом. В отличие от представлений неоклассической школы, представители современного институционализма считают:

- предметом экономической науки являются сами экономические отношения и факторы, оказывающие влияние на экономику (а не способы оптимизации при условии ограниченности ресурсов);

- в метод экономической теории необходимо включить изучение на уровне нано-экономики (внутри таких агрегированных понятий как государство, организация и домохозяйство);

- рынок не всегда способен поддерживать равновесное состояние, а также способствует жесткой дифференциации и усилению несправедливого распределения благ;

- нет «homo economicus», так как каждый индивид неразрывно включен в социальную, культурную и институциональную среду, вследствие чего актуально изучение взаимодействий людей;

- общественные институты – основа экономического анализа.

Как мы ранее отметили, в истории экономических учений понятие и роль экономических институтов рассматривается с позиции теоретических представлений школы институционализма, которая по своей сути представляет сложную структуру и подразделяется на различные учения, методология и теоретические представления которых имеют значительные отличия.

Экономические институты в теории старого «институционализма» рассматривались скептически. В неоинституционализме они были признаны орудиями снижения трансакционных издержек в системе конкурентного рынка и рассматривались как особый предмет анализа на основе неоклассического индивидуализма и через расширение диапазона анализа неолиберализма анализом правомочий собственности и «провалов государства».

В школе старого институционализма анализ и теоретическое представление об институтах и их роли представлены в трудах Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла и др. Так, Т. Веблен является не только родоначальником социально-психологического направления, но и родоначальником всей теории институционализма. Он определил «институт» [1, С. 25] как привычки, стереотипы мысли, разделяемые большим числом общества, отнеся это явление к феноменам культуры. При этом автор отмечал, что само развитие институтов носит дихотомичный характер, одни институты могут заменять другие. Подобные тенденции ученый связывает с творческой деятельностью человека и с конфликтами между самими институтами.

Среди прочих обуславливающихся изменения в экономических отношениях институтов, старые институционалисты выделяли также систему денежного обращения [7, С. 23]. Автором данной концепции является У. Митчелл, основатель эмпирического направления в институционализме.

Другой исследователь старого институционализма Дж. Р. Коммонс [7, С. 12], являющийся родоначальником его социально-правового направления, ставил во главу угла интересы исключительно среднего класса. Ученый видел необходимость сознательного создания новых социальных институтов совместно с улучшением уже существующих.

Позднее в трудах новых институционалистов издержки, связанные с проведением различного вида трансакций, явились ключевым понятием в рамках определения роли институтов: согласно мнению исследователей, институты призваны снижать величину трансакционных издержек.

В работах новых институционалистов, в отличие от теоретических представлений старой школы, утверждается первичность индивидов и вторичность институтов. При этом сами институты рассматриваются через призму разнообразных экономических понятий и аспектов.

На основе теоретического представления об институтах, в теории неоинституционализма формируется исследование и анализ следующих основных экономических аспектов: институциональной среды и ее влияния на поведение экономических субъектов; институциональной триады, выдвинутой Р. Рихтером в виде базисных элементов исследовательской парадигмы неоинституционализма: трансакционные издержки, права собственности и теория контрактов; институциональной эволюции, а, то есть процессов формирования и отбора социальных институтов.

В целом, понятие экономических институтов не имеет четкого определения и рассматривается в научной литературе с позиции следующих основных теоретических представлений [8]: психолого-социологическая трактовка (В. Гамильтон); психологическая; культурно-социологическая трактовка: (Д. М. Ходжсон); социальная (У. Митчелл); экономическая: (С. Ю. Кузьменко).

Далее рассмотрим подходы, связанные с цифровизацией экономики. В отечественной экономической мысли цифровая экономика определяется следующим образом [11]:

- как виртуальная среда, дополняющая реальность;
- классический подход: как экономика, основанная на цифровых технологиях;
- расширенный подход: экономическое производство с использованием цифровых технологий.

Через внедрение цифровых технологий возможно снижение трансакционных издержек, в результате чего происходит трансформация ранее существующих экономических институтов, а также создание новых, замещающих ранее действующие, являющиеся в некоторых случаях даже более эффективными.

Основной предпосылкой данных изменений является процесс глобализации, протекающий наряду с внутренней оптимизацией рутинного вида работ, а также инновационная мотивация современного общества. Основным результатом этого является принятие политических программ, ориентированных на построение нового цифрового общества, изменение экономической парадигмы и жизни в целом.

Так, в реалиях современных экономических отношений функционирование цифровой экономики проявляется через активное применение сквозных технологий на всех экономических уровнях. Наблюдается, например, тенденция роста цифровизации правительств стран мира, а также построения цифрового государства. Так, в России вводятся государственные программы, нацеленные на формирование цифровой экономики посредством развития следующих сквозных технологий [9, 10]: Big Data; Интернет вещей и промышленный интернет вещей; робототехника и сенсорные технологии; виртуальная и дополненная реальность; беспроводная связь; искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии.

Под большими данными (или Big Data в широком распространении понятия), согласно отчету Института McKinsey [13], понимается набор данных, размер которых превосходит возможности типичных баз данных (БД) по занесению, хранению, управлению и анализу информации. Для их анализа был разработан специальный инструментарий и системы анализа, широко используемый, в основном, ведущими маркетинговыми и финансовыми компаниями.

Передачу, накопление, распределение, хранение и контроль больших данных и операций над ними в новом технологическом укладе предполагается осуществлять через технологии распределенного реестра, представляющие по своей сути технологию блокчейна, позволяющую проводить операции со смарт-контрактами, электронными деньгами, криптовалютами, финансовыми активами и др.

Сбор больших данных в промышленных целях происходит в рамках многоуровневой системы объединений компьютерных сетей и подключенных физических объектов под названием «Промышленный интернет вещей» (Industrial Internet of Things – IIoT). Данная сквозная технология позволяет автоматизировать процесс мониторинга и управления, оптимизировать цепочки от поставщиков до потребителей и организовать «экономику совместного использования».

С целью качественной передачи и оперативного использования больших данных, формируемых в условиях функционирования промышленного Интернета вещей, необходимо наличие качественной беспроводной связи. Данная технология развивается в рамках 5G сетей, передача трафика по которым является моментальной и беспрепятственной.

Объединение работы больших данных, промышленного интернета вещей, блокчейна и новых видов беспроводной связи происходит в формате формирования искусственного интеллекта, способного без вмешательства человека анализировать, управлять, видоизменять и контролировать процессы, происходящие в цифровой экономике.

Перечисленные выше технологии относятся многими современными институционалистами к институциональным технологиям, представляющим собой посреднические элементы, способные снизить трансакционные издержки. Так, например, по мне-

нию С. Джвидсона, П. де Филиппи, Дж. Поттса, технология блокчейн является третьим, наряду с фирмами и рынками, элементом обмена экономическими благами между различными экономическими агентами.

Таким образом, исследование основ цифровой экономики находится на границе двух теоретических дисциплин: экономики и информатики. В результате, специалисты широкого круга интересов имеют возможность высказать свою точку зрения относительно положительных и негативных тенденций использования данных новейших технологий.

К основным особенностям влияния цифровой экономики на институциональный уклад общества относятся:

- элиминация некоторых видов производственных товаров и соответственно изменение способа производства новых;
- наращивание информационного потенциала, рост баз данных, вызывающее цифровое объединение объектов и субъектов экономических отношений;
- двоякое отношение к снижению трансакционных издержек, связанное с их трансформацией в инвестиционные затраты и постоянные обновления программного обеспечения;
- постепенное вымирание экономических субъектов, рынков, фирм, неспособные выйти на рынок из-за труднодоступности цифровых технологий и необходимостью проведения больших первоначальных инвестиций при их внедрении;
- рынок трансформируется в экономическую сеть между индивидами, фирмами, машинами и государствами, что связано с процессами глобализации и информатизации;
- государства, в условиях цифровизации больших баз данных становятся открытыми, в итоге чего повышается оперативность принятий решений;
- сложность применение цифровой экономики связана со сложностью и объемом функционирования экономических агентов: работа искусственного интеллекта осуществляется в рамках работы корпоративных и государственных структур.

Так, в практической деятельности наблюдается двусторонний одновременно протекающий процесс: с одной стороны, под воздействием изменяющейся институциональной среды открывается возможность внедрения новых технологий, использование которых было ранее неактуально, вследствие наличия иных действующих экономических институтов; с другой стороны, через создание новых технологий открываются, внедряются и развиваются новые экономические институты.

Соответственно, основными научными вопросами, вытекающими из данного наблюдения, являются: во-первых, определение технологий, внедрение которых приводит к институциональным изменениям; во-вторых, раскрытие видов институциональных изменений, возникающих на фоне действующего технологического прогресса; в-третьих, выявление институтов, приводящих к образованию цифровой экономики (как новых, так и новых цифровых).

С целью научного объяснения данных вопросов, представляется необходимым сочетание принципов индукции и дедукции через одновременный анализ предполагаемых или действующих предпосылок и результатов, а также через рассмотрение как процессов, функционирующих внутри, так и между экономическими агентами. Особый интерес представляет внедрение статистическо-математических средств анализа с помощью использования современных статистических пакетов и программ анализа больших данных.

В теоретическом плане авторам представляется необходимость ввести понятие «цифровой экономический институт», определить его ключевые характеристики, особенности функционирования, роль, отличительные признаки и последствия использования в качестве замены старых или в роли нового решения проблемы снижения трансакционных издержек.

При этом представляется необходимым описать и соотнести с понятием «цифровые экономические институты» ключевые сквозные технологии, а именно описать теоретические основы технологий блокчейна, производственного Интернета вещей, облачных технологий, искусственного интеллекта, систем распределенного реестра как институциональных технологий и возможности их применения в реальной экономической деятельность, раскрыть основные преимущества и недостатки по сравнению с их традиционными аналогами.

Наряду с этим, перед авторами стоит задача объяснить сущность трансформации роли всех экономических институтов, в связи с дополнительным введением цифровых экономических институтов, а также описать роль и место основных экономических агентов в системе новых функционирующих экономических отношений.

При изучении, анализе и исследовании поставленного теоретического вопроса, представляется необходимым подробное изучение революционных концепций, даже в условии их неоднозначного использования (например, блокчейн). Это связано с тем, что новаторство и творчество, объединенные с потребностями быть одобренными и признанными, раскручивают спираль технологических изменений. В стремлении показать миру совершенно новый способ решения любого вида проблем, информационно технические разработчики предлагают миру новую технологию, которая встречает одобрение пользователей только при условии ее новизны, интересного формата и возможности сократить трансакционные издержки при ее использовании.

Данная модель поведения, в общем виде, действует как на макро-, так и на микро- и даже наноуровнях. В результате, создаётся модель совместного распределенного действия всех субъектов социально-экономических отношений в общем виде.

Заключение. Таким образом, в условиях функционирования цифровой экономики неоспорима тенденция увеличения капитала и размера экономических институтов, унификация их работы и расширения видов деятельности внутри одной компании. Так, облачные технологии, затрагивающие интересы крупных предприятий, финансовых корпораций, а также фирм информационного, инновационного, рекламного сервиса, позволяют значительно снизить издержки по техническому обслуживанию. Другой вид инновационных технологий – цифровые технологии электронного правительства – может позволить значительно снизить время исполнения бюрократических работ, а также унифицировать оформление документов различного типа. Использование технологии Интернет-вещей приводит к уменьшению трансакционных издержек, связанных с обработкой производственной информации, что потенциально может снижать количество незапланированных простоев, затраты на техническое обслуживание и эксплуатационные расходы.

Моно заключить, что в целом наблюдается тенденция полного видоизменения и трансформации отношений между экономическими агентами и осуществляется переход к экономике совместного пользования.

Список литературы:

1. *Веблен, Т.Б.* Теория праздного класса [Текст] : Пер. с англ. / Т. Веблен; Вступ. ст. с. 5-56 С. Г. Сорокиной. – Москва: Прогресс, 1984. – 367 с.
2. *Вольчик В.В.* Институционализм: вторичность нового мифа (Возможность и пределы институциональной экономики) [Текст] // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 1. С. 126-134.
3. *Гульбина Н.И.* Теория институциональных изменений Д. Норта [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. №283. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-institutsionalnyh-izmeneniy-d-norta (дата обращения: 21.03.2019).
4. *Ковалёв А.В.* Австрийская школа и институционализм: схожесть методологии [Электронный ресурс] // Пространство экономики. 2011. №4. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/avstriyskaya-shkola-i-institutsionalizm-shozhest-metodologii (дата обращения: 14.04.2019).
5. *Куприяновский В.П.* Цифровая экономика = модели данных + большие данные + архитектура + приложения? [Текст] / В.П. Куприяновский, Н.А. Уткин, Д.Е. Намиот, П.В. Куприяновский // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Вып. №5. №4. С.2-13.
6. *Малахов С.В.* Эффект Веблена, поиск статусных товаров и отрицательная полезность демонстративного досуга [Текст] // Журнал институциональных исследований. 2012. Том 4. №3. С. 6-21.
7. *Малкина М.Ю., Логинова Т.П., Лядова Е.В.* Институциональная экономика [Текст]: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. – 258 с.
8. *Мелихов В.Ю.* Экономические институты: сущность, содержание, понятие [Текст] // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9 (031)
9. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://government.ru/info/35568/
10. Развитие цифровой экономики в России. Доклад Всемирного 20 декабря 2016г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1 (дата обращения 14.03.2019).
11. *Сагынбекова А.С.* Цифровая экономика: понятие, перспективы, тенденции развития в России [Электронный ресурс] / Сагынбекова А.С. // Международный научно-технический журнал «Теория. Практика. Инновации». – 2018. – Режим доступа : http://www.tpinauka.ru/2018/04/Sagynbekova.pdf (дата обращения 21.03.2019).
12. *Ходжсон Дж.* Какова сущность институциональной экономической теории? [Текст] / Пер. с англ. Hodgson, Geoffrey M. Journal of Economic Issues. 2000. Jun, Vol. 34. Issue 2. P. 317-30.
13. Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity / J. Manyika, M. Chui, B. Brown, J. Bughin, R. Dobbs, Ch. Roxburgh,, A. Hung Byers. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation (accessed 21 March 2019).

Reference list

1. *Veblen, T.B.* Teoriya prazdnogo klassa [Tekst] : Per. s angl. / T. Veblen; Vstup. st. s. 5-56 S. G. Sorokinoj. – Moskva: Progress, 1984. – 367 s.
2. *Vol'chik V.V.* Institucionalizm: vtorichnost' novogo mifa (Vozmozhnost' i predely institucional'noj ekonomiki) [Tekst] // Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2003. T. 1. № 1. S. 126-134.
3. *Gul'bina N.I.* Teoriya institucional'nyh izmenenij D. Norta [Elektron-nyj resurs] // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2004. №283. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-institutsionalnyh-izmeneniy-d-norta (data obrashcheniya: 21.03.2019).

4. *Kovalyov A.V.* Avstrijskaya shkola i institucionalizm: skhozhest' metodolo-gii [Elektronnyj resurs] // Prostranstvo ekonomiki. 2011. №4. Rezhim dostu-pa: https://cyberleninka.ru/article/n/avstriyskaya-shkola-i-institutsionalizm-shozhest-metodologii (data obrashcheniya: 14.04.2019).
5. *Kupriyanovskij V.P.* Cifrovaya ekonomika = modeli dannyh + bol'shie dan-nye + arhitektura + prilozheniya? [Tekst] / V.P. Kupriyanovskij, N.A. Utkin, D.E. Namiot, P.V. Kupriyanovskij // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Vyp. №5. №4. S.2-13.
6. *Malahov S.V.* Effekt Veblena, poisk statusnyh tovarov i otricatel'naya poleznost' demonstrativnogo dosuga [Tekst] // ZHurnal institucional'nyh is-sledovanij. 2012. Tom 4. №3. S. 6-21.
7. *Malkina M.YU., Loginova T.P., Lyadova E.V.* Institucional'naya ekonomika [Tekst]: Uchebnoe posobie. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2015. – 258 s.
8. *Melihov V.YU.* Ekonomicheskie instituty: sushchnost', soderzhanie, ponyatie [Tekst] // Cocial'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011. № 9 (031)
9. Nacional'naya programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : http://government.ru/info/35568/
10. Razvitie cifrovoj ekonomiki v Rossii. Doklad Vsemirnogo 20 dekabrya 2016g. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : http://www.vsemirnyjbank.org/ru/events/2016/12/20/developing-the-digital-economy-in-russia-international-seminar-1 (data obrashcheniya 14.03.2019).
11. *Sagynbekova A.S.* Cifrovaya ekonomika: ponyatie, perspektivy, tendencii razvitiya v Rossii [Elektronnyj resurs] / Sagynbekova A.S. // Mezhdunarodnyĭ nauchno-tekhnicheskiĭ zhurnal «Teoriya. Praktika. Innovacii». – 2018. – Rezhim dostupa : http://www.tpinauka.ru/2018/04/Sagynbekova.pdf (data obrashcheniya 21.03.2019).
12. *Hodzhson Dzh.* Kakova sushchnost' institucional'noj ekonomicheskoj teorii? [Tekst] / Per. s angl. Hodgson, Geoffrey M. Journal of Economic Issues. 2000. Jun, Vol. 34. Issue 2. P. 317-30.
13. Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity / J. Manyika, M. Chui, B. Brown, J. Bughin, R. Dobbs, Ch. Roxburgh,, A. Hung Byers. URL: https://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation

УДК 338.2

Назаров А.Г.,
кандидат политических наук, докторант Института проблем рынка Российской Академии наук

ОЦЕНКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ АНАЛИТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИХ СХЕМ

Актуальность исследования обусловлена тем, что эффективность функционирования каждой экономической системы – от микроэкономического уровня предприятия до макроэкономического уровня страны, всецело зависит от инвестиций, характеризующих текущий и будущий уровни развития системы.
Сложный механизм инвестиционных процессов требует соответствующих инвестиционных решений на всех уровнях: макроуровне, мезоуровне и микроуровне. Для эффективного привлечения инвестиционных средств любой экономический субъект должен располагать инвестиционными стимулами, позволяющими ему сохранять и использовать свои конкурентные преимущества в целях полного использования своего конкурентного потенциала. Основной проблемой при анализе инвестиционной привлекательности субъекта является выбор метода расчета. В связи с этим, данная статья посвящена проблеме оценки обеспечения устойчивости развития инвестиционной привлекательности промышленных предприятий.
Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является системный подход к процессу изучения экономических явлений. Перечень задач, которые были поставлены, определяет необходимость использовать следующие методы: монографический, абстрактно-логический, аналитический, анализ и синтез.
Научная новизна данной статьи заключается в представленной авторской модели оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на основе аналитико-прогностической схемы, которая обеспечивает целенаправленный отбор объекта инвестирования среди группы промышленных предприятий. На основе анализа степени влияния отдельных показателей модели на итоговое значение обобщенного индикатора возможно управление инвестиционной привлекательностью путем изменения данных параметров.
Материалы статьи представляют практическую ценность для использования их в управленческой практике промышленных предприятий, а также могут быть применены при анализе обеспечения устойчивости развития инвестиционной привлекательности конкретного промышленного предприятия.
Ключевые слова: промышленное предприятие, инвестиционная привлекательность, методика оценки, интегральный показатель, рейтинг, инвестиции, факторная модель

Nazarov A.,
PhD in Political Sciences, Doctoral student of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

ASSESSMENT OF THE SUSTAINABILITY OF DEVELOPMENT OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES ON THE BASIS OF ANALYTICAL AND PROGNOSTIC SCHEMES

The relevance of the study is due to the fact that the efficiency of each economic system – from the microeconomic level of the enterprise to the macroeconomic level of the country, depends entirely on the investments that characterize the current and future levels of development of the system.
The complex mechanism of investment processes requires appropriate investment decisions at all levels: macro level, meso level and micro level. In order to attract investment funds effectively, any economic entity must have investment incentives that enable it to maintain and exploit its competitive advantages in order to fully exploit its competitive potential. The main problem in the analysis of the investment attractiveness of the subject is the choice of the method of calculation.
In this regard, this article is devoted to the problem of assessing the sustainability of the investment attractiveness of industrial enterprises.

The leading approach to the study of this problem is a systematic approach to the studied economic phenomena. The range of tasks identified the need for the use of the following methods: monographic, abstract-logical, analytical, analysis and synthesis. The article presents a generalized model for assessing the sustainability of the investment attractiveness of industrial enterprises on the basis of analytical and prognostic schemes, which provides a targeted selection of the object of investment among the group of industrial enterprises. Based on the analysis of the degree of influence of individual indicators of the model on the final value of the generalized indicator, it is possible to control the investment attractiveness by changing these parameters.

The materials of the article are of practical value for their use in the management practice of industrial enterprises, and can also be used in the analysis of ensuring the sustainability of the investment attractiveness of a particular industrial enterprise.

Keywords: industrial enterprise, investment attractiveness, estimation technique, integral index, rating, investments, factor model

Введение

На фоне недостаточности собственных финансовых ресурсов промышленных предприятий достаточно часто требуются инвестиционные ресурсы, именно они служат необходимым дополнением к собственным финансам предприятия. Таким образом, актуальность научно-теоретического исследования и практической разработки в области оценки устойчивости инвестиционной привлекательности каждого хозяйствующего субъекта на современном этапе, несомненна.

В рамках данного исследования были проанализированы зарубежные издания [13-14-15-16] рассматривающие разнообразные аспекты инвестиционной привлекательности предприятий. Среди отечественных исследований в рамках статьи выделены работы рассматриваемыми такими учеными, как Д.В. Валовик [1], Г.К. Джурабаева [3], Д.А. Ендовицкий Д.А. [5], В.Е. Соболева [5], Н.В. Лаврухина [7], М.А. Матвеева [8], А.А. Тарелкин [11], Н.М. Тюкавкин [12] и др.

Вопросы, связанные с оценкой инвестиционной привлекательности регионов, отраслей и отдельных инвестиционных проектов на современном этапе являются наиболее проработанными. В сфере оценки инвестиционной привлекательности отдельных промышленных предприятий, тем не менее, до сих пор не определена единая теоретико-методологическая база. Это выражается, например, в том, что в настоящее время отсутствует единая принятая трактовка понятия «инвестиционная привлекательность предприятия», методология и методика его оценки.

Недостаточная разработка вопросов, связанных с теоретико-методологическими аспектами оценки инвестиционной привлекательности промышленного предприятия объясняет необходимость дальнейшего изучения этих вопросов.

Результаты исследования

Актуальность и практическая значимость совершенствования методического инструментария оценки обеспечения устойчивости инвестиционной привлекательности промышленных предприятий определили выбор темы статьи, ее цель и задачи.

Основная цель исследования заключается в научном обосновании теоретических положений и выработке рекомендаций по совершенствованию методики оценки обеспечения устойчивости развития инвестиционной привлекательности промышленных предприятий.

Инвестиционную привлекательность следует представить в качестве экономической категории или сочетания различных существенных признаков, средств, возможностей, которые обусловливают в совокупности потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции в какой-то стране, регионе, отрасли, либо на предприятии, все эти показатели позволяют инвестору принять решение о целесообразности вложения финансовых средств.

Согласно статистическим данным за 2018 г. высокая инвестиционная активность наблюдалась в республиках Крым и Саха (Якутия), Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Кемеровской и Магаданской областях, где инвестиции в основной капитал осуществляли свыше 90 % промышленных предприятий самых разных сфер деятельности.

Наиболее высокая инвестиционная активность наблюдалась в организациях, осуществляющих деятельность в сфере добычи металлических руд (99% организаций осуществляли инвестиции в основной капитал), добычи сырой нефти и природного газа, производства кокса и нефтепродуктов (по 98%), добычи угля и металлургического производства (по 97%), производства химических веществ и химических продуктов, а также предоставления услуг в области добычи полезных ископаемых (96%).

Как цитировать статью: Назаров А.Г. Оценка обеспечения устойчивости развития инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на основе аналитико-прогностических схем // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 90–100 с.

На рисунке 1 приведена структура инвестиций в основной капитал в 2018 г.

На рис. 2 представлены значения индексов физического объема инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности за 2018 г., в % к 2017 г.

Таким образом, согласно представленным данным, наибольшей инвестиционной привлекательностью характеризуются такие отрасли как:

- транспортировка и хранение;
- добыча полезных ископаемых;
- сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.

В свете недостаточного количества исследований содержания категории «инвестиционная привлекательность промышленного предприятия», на современном этапе отсутствует общепринятая методика оценки данной категории, которая бы включала какой-то признанный перечень показателей и однозначное описание достигнутых результатов.

Рис. 1. Структура инвестиций в основной капитал в 2018 г.

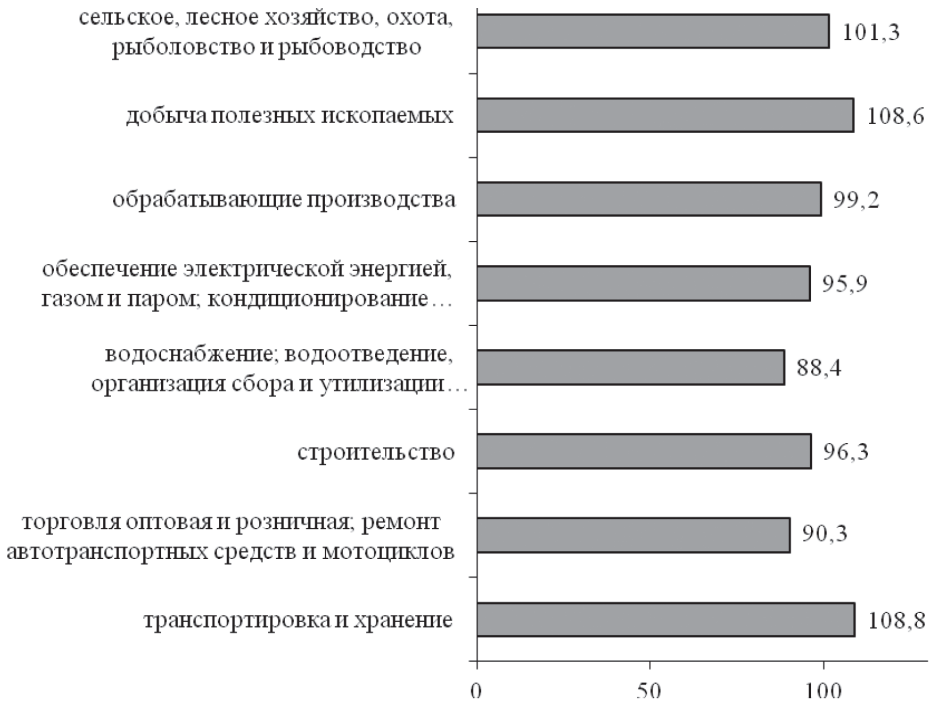

Рис. 2. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (в % к 2017 г.)

Тем не менее, как показал анализ источников по данной проблеме, чаще всего в ходе оценки используются факторы, отображенные на рис. 3.

Среди аналитико-прогностических моделей можно выделить следующие, как наиболее оптимальные в случае оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий. Также эти модели позволят оценить устойчивость развития инвестиционной привлекательности предприятия.

Метод комплексного прогнозирования – это формирование системы прогнозов, которая учитывает различные аспекты развития промышленного предприятия. В нашем случае, очевидно, что следует составлять прогнозы для тех показателей, которые непосредственно влияют на уровень инвестиционной привлекательности предприятия. Основной методологический принцип комплексного прогнозирования – постоянная корректировка прогнозов.

Экономико–математическая модель позволяет описать экономические объекты, закономерности, связи, процессы при помощи математических соотношений, связывающих определенные показатели, что позволяет оценить развитие отрасли, отдельного предприятия, конкуренции на рынке товаров и т.д. На основе результатов анализа с учетом имеющихся возможностей внешней и внутренней среды можно обеспечить устойчивое развитие и обновить стратегию и тактику деятельности с целью повышения уровня инвестиционной привлекательности предприятия.

Экономико-статистический анализ позволяет отобрать и проранжировать ряд показателей, оказывающих максимальное влияние на исследуемый обобщенный показатель. Так, можно отобрать факторы, оказывающие наибольшее влияние на уровень инвестиционной привлекательности предприятия, оценить количественно степень этого влияния, а также построить модель зависимости с возможностью прогнозирования значений по этой модели.

Линейное программирование – метод позволяет выбрать из нескольких различных вариантов самый лучший с точки зрения максимизации прибыли или минимизации затрат. Рекомендуется использовать этот метод для выбора оптимального варианта инвестирования средств.

Теория вероятностей позволяет сделать правильный выбор при наличии нескольких вариантов развития предприятия, а также определить вероятность возникновения конкретных событий, так или иначе влияющих на уровень инвестиционной привлекательности промышленного предприятия.

Данная группа методов может быть использована для вероятностной оценки каких-то внешних событий, так или иначе влияющих на уровень инвестиционной привлекательности промышленного предприятия.

Итак, существующие аналитико-прогностические модели основаны на различных показателях, методах их анализа и оценке результатов. Факторы, определяющие инвестиционную привлекательность промышленного предприятия, отражают его долгосрочное стабильное развитие, финансовую устойчивость, а также учитывают процессы, происходящие во внешней среде. На основе динамики развития этих факторов можно получить прогноз развития инвестиционной привлекательности, а при необходимости, скорректировать его.

Следует отметить, что во многих экономических и финансовых ситуациях для аналитических расчетов используются нормативные документы. К сожалению, такая методика, которая может быть использована при оценке инвестиционной привлекательности предприятия, в российском законодательстве практически отсутствует, и вряд ли она появится

Рис. 3. Факторы инвестиционной привлекательности промышленных предприятий

в ближайшее время. Приняты лишь несколько приказов и постановлений, в которых утверждены отдельные показатели.

Достаточно большое количество методов оценки и прогнозирования инвестиционной привлекательности промышленных предприятий основано на использовании экономико-математической модели с элементами статистического анализа данных. Далее следует рассмотреть эти методы.

1. Оценка инвестиционной привлекательности на основе анализа внешних и внутренних факторов.

Этот метод состоит из ряда этапов (рис. 4) [6].

2. Метод оценки инвестиционной привлекательности на основе семи факторов.

Для того чтобы определить степень инвестиционной привлекательности организации, рассчитывается индекс прироста для следующих показателей (рис. 5):

Все показатели рассматриваются в динамике за определенный период времени.

После того как среднегодовые темпы прироста рассчитаны для каждого из показателей, они сравниваются с единицей как критерием. Компания считается инвестиционно-привлекательной для инвесторов при получении большинства показателей среднегодового темпа прироста больше 1 [5].

На основе динамики показателей следует также определить их прогнозные значения.

3. Интегральная оценка привлекательности инвестиций на основе внутренних показателей.

Данный метод основан на использовании внутренних относительных показателей эффективности деятельности предприятия, определяющих привлекательность компании для инвестиций и разделенных на несколько блоков (рис. 6).

Необходимо отметить, что процесс интегральной оценки состоит из 2 этапов. В рамках первого выделяют стандартизированные значения полной совокупности показателей и определяются их веса в комплексной оценке. Далее следующий этап состоит из вычисления интегральной оценки инвестиционной привлекательности предприятия.

Все показатели рассматриваются в динамике за определенный период времени. На основе динамики изменения полной интегральной оценки инвестиционной привлекательности предприятия определяются прогнозные значения этого показателя.

4. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности предприятия.

Метод состоит из анализа внутренних и внешних факторов его деятельности и в едином интегрированном индикаторе суммирования трех разделов – общего, специального и контрольного (рис. 7) [4].

Все показатели рассматриваются в динамике за определенный период времени. На основе динамики изменения интегрированного индикатора инвестиционной привлекательности предприятия определяются прогнозные значения этого показателя.

В таблице 1 представлены достоинства и недостатки приведенных выше методик.

Далее представлена авторская модель оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на основе аналитико-прогностических схем (рис. 8).

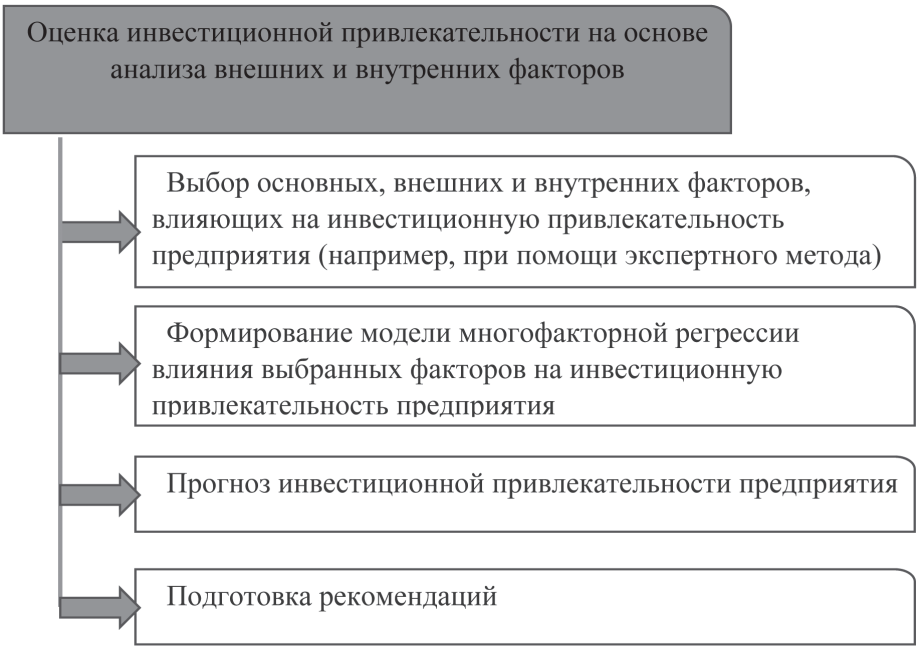

Рис. 4. Алгоритм метода оценки инвестиционной привлекательности на основе анализа внешних и внутренних факторов

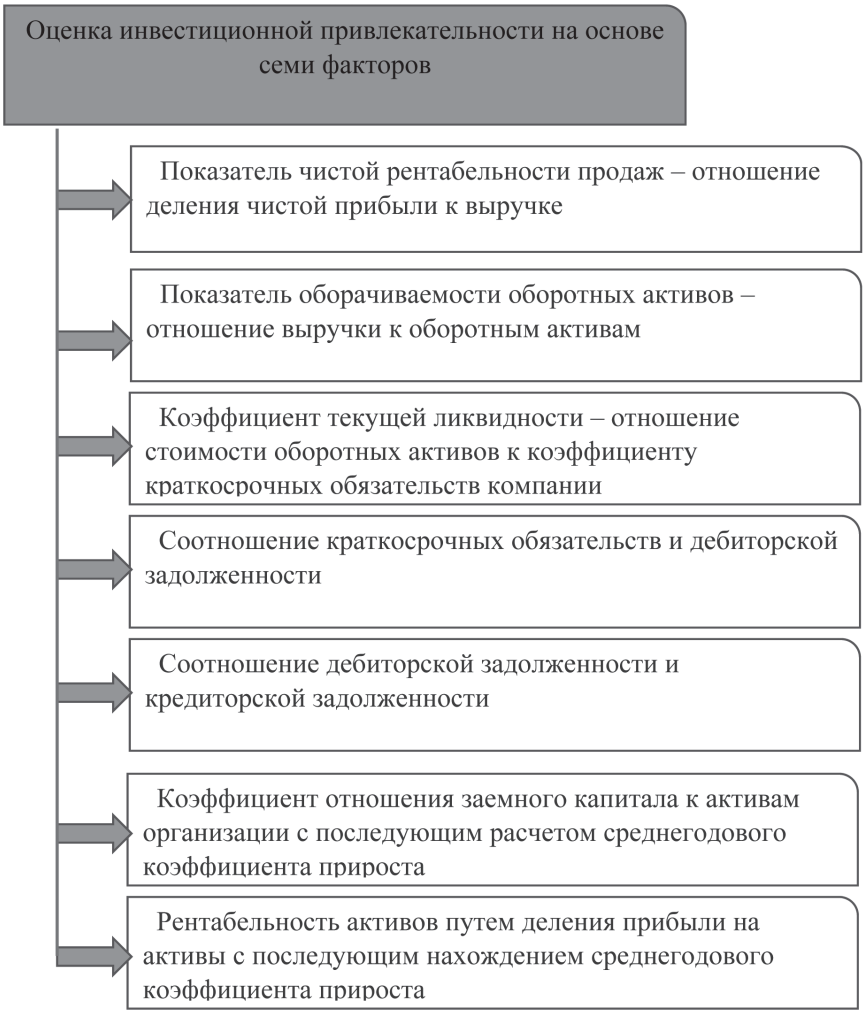

Рис. 5. Показатели, включенные в метод оценки инвестиционной привлекательности на основе семи факторов

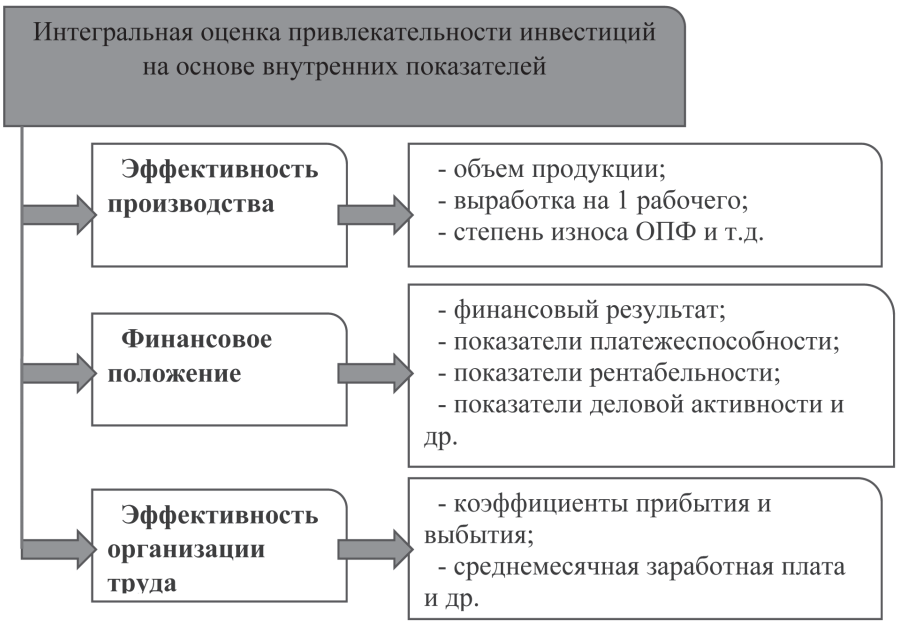

Рис. 6. Структура метода оценки инвестиционной привлекательности на основе внутренних показателей

Рис. 7. Структура метода комплексной оценки инвестиционной привлекательности предприятия

Таблица 1.

Сравнительная характеристика методик оценки инвестиционной привлекательности предприятия

№ п/п	Методика	Преимущества	Недостатки
1	Оценка инвестиционной привлекательности на основе анализа внешних и внутренних факторов	Комплексный подход к изучению инвестиционной привлекательности предприятия с учетом внешних и внутренних факторов.	В первой части исследования важную роль играют тесты, опросы и анкеты, которые зависят от субъективной оценки и уменьшают точность результата
2	Метод оценки инвестиционной привлекательности на основе семи факторов	Методика позволяет очень точно определить характеристику, которая служит показателем для оценки степени инвестиционной привлекательности.	Методика учитывает лишь внутренние показатели деятельности предприятия, тогда как термин «инвестиционная привлекательность» намного шире.
3	Интегральная оценка привлекательности инвестиций на основе внутренних показателей	Объективность, а также сведение всех расчетов к конечному конкретному показателю, что значительно упрощает интерпретацию результатов.	Ориентация метода только на внутренние показатели предприятия, их изоляция от внешних показателей.
4	Комплексная оценка инвестиционной привлекательности предприятия	Комплексный подход, охватывающий различные показатели и коэффициенты, сводящий расчеты к единому интегрированному показателю.	Субъективное воздействие, которое проявляется, когда эксперты представляют оценки, но этот недостаток компенсируется включением в анализ целого ряда абсолютных и относительных экономических показателей.

В рамках авторской модели объединены рассмотренные выше метод интегральной оценки привлекательности инвестиций и метод комплексной оценки инвестиционной привлекательности предприятия.

В основе авторской методики лежит использование факторной модели (в ней оценивается эффективность производственной деятельности, финансовое положение и рыночное положение предприятия). Эти показатели позволяют оценить инвестиционную привлекательность предприятия.

Как видно из рисунка, данная модель включает несколько групп показателей (рис. 9).

Суммирование сводных значений по группам показателей позволяет выделить итоговый результат инвестиционной привлекательности производственных структур. В разработанной методики оценки инвестиционной привлекательности промышленного предприятия подразумевается выделение места предприятия от 0 и выше на нормированной линейке значений, что позволяет рассчитать локальный рейтинг по частному показателю. Все локальные рейтинги суммируем, затем по формуле 1 определяется обобщенный интегральный показатель инвестиционной привлекательности.

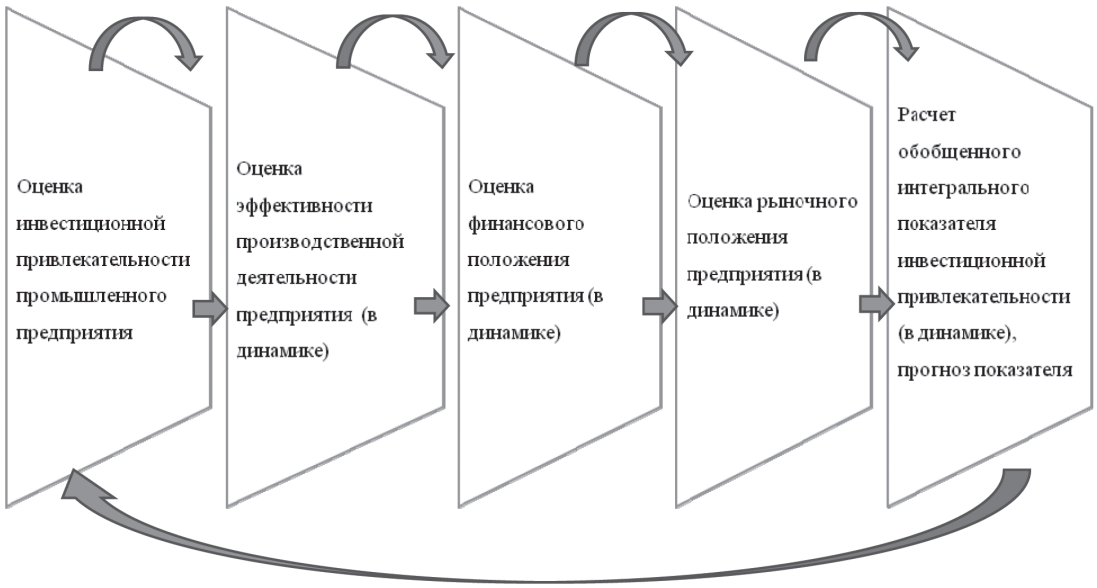

Рис. 8. Авторская модель оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на основе аналитико-прогностических схем

Рис. 9. Структура авторской модели оценки инвестиционной привлекательности промышленного предприятия

Обобщенный интегральный показатель рассчитывается по формуле:

$$Кпр = a\ Эп + b\ Фп + c\ Рп \quad (1)$$

a, b, c – это веса соответствующих составляющих модели;

Эп – сводное значение показателя эффективности производственной деятельности;

Фп – сводное значение показателя оценки финансового положения;

Рп – сводное значение показателя оценки рыночного положения.

Получив динамику рассчитанных показателей за определенное количество лет, следует оценить ее на предмет линейности или нелинейности регресси-

онной зависимости между значениями интегрального показателя и годом.

В зависимости от результатов строится линейная или экспоненциальная модель прогнозирования обобщенного интегрального показателя инвестиционной привлекательности предприятия.

Для оценки адекватности модели рассчитываются коэффициент детерминации, стандартная ошибка модели, объясненная дисперсия.

Данную модель можно варьировать – в зависимости от сферы деятельности производственного предприятия, а также в зависимости от приоритетов инвестора (кредитный и институциональный инвесторы вкладывают в понятие «инвестиционная привлекательность» разные смыслы) – использовать те или иные показатели деятельности предприятия.

Таким образом, систематизация аналитико-прогностических методов, используемых для оценки устойчивости развития инвестиционной привлекательности предприятия, приводит к следующему выводу.

Все методы, разработанные в отечественной науке и практике, являются несовершенными и могут привести к неравным результатам. Однако противоположность характера недостатков, обнаруживаемых при применении методов, в комплексе обеспечивает универсальность оценки привлекательности инвестиций в предприятие.

Например, анализ на основе семи факторной модели и полная оценка внутренних показателей позволят объективно оценить деятельность компании на основе позиции ее внутренней деятельности.

А комплексный метод и методика, основанные на анализе внутренних и внешних факторов влияния, хотя и не субъективные, позволят учесть факторы, не учтенные в первом методе.

Таким образом, в исследовании систематизированы аналитико-прогностические методы оценки инвестиционной привлекательности промышленных предприятий.

Полученные данные в статье достаточно полно отражают понятие инвестиционная привлекательность промышленного предприятия. Инвестиционную привлекательность промышленного предприятия можно представить в качестве характеристики или системы характеристик, в ходе оценивания которых инвестор принимает решение о целесообразности вложения финансовых средств в промышленное предприятие, с целью получить прибыль или минимизировать свои риски.

На инвестиционную привлекательность оказывают воздействие факторы:

- финансового экономического характера, где особенную роль влияет финансовая устойчивость;
- внешние факторы: рынки сбыта, географическое положение поставщиков;
- законодательные нормы;
- особенности отрасли и др.

Выводы

По результатам систематизации методов предложена авторская обобщенная модель оценки обеспечения устойчивости развития инвестиционной привлекательности промышленного предприятия, включающая оценку как внутренних, так и внешних факторов эффективности деятельности предприятия, а также позволяющая получить прогноз развития инвестиционной привлекательности предприятия.

Методика характеризуется следующими преимуществами: объемный подход, который охватывает достаточную совокупность показателей и коэффициентов, однозначное математическое определение итогового показателя, который и является критерием оценки инвестиционной привлекательности промышленного предприятия, метод позволяет рассчитывать также динамику интегральных коэффициентов за несколько лет, при этом также возможно определение прогнозных значений показателей инвестиционной привлекательности при наличии динамики показателей за определенный временной интервал.

Данная методика позволяет инвестору выбрать из ряда промышленных предприятий наиболее инвестиционно-привлекательное. Методика позволяет инвестору получить числовое обоснование сравнительной выгодности ряда альтернативных вложений финансовых ресурсов при существующей системе ограничений и требований к возвратности финансовых средств.

Список литературы

1. *Валовик Д.В.* Современные походы к оценке инвестиционной привлекательности предприятия // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016. № 4. С. 108-113.
2. *Грызунова Н.В., Дудин М.Н., Тальберг О.В.* Управление денежными потоками предприятия и их оптимизация // Научно-практический журнал «Экономика, Статистика и информатика. Вестник УМО», 2015. №1. С.67-72.
3. *Джурабаева Г.К.* Методология оценки инвестиционной привлекательности промышленного предприятия [Электронный ресурс] // Известия ИГЭА: электронное издание. 17.04.08. URL: http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=4362 (дата обращения 25.02.19).
4. *Ендовицкий Д.А., Бабушкин В.А., Батурина Н.А.* Анализ инвестиционной привлекательности организации: научное издание / под ред. Д.А. Ендовицкого. М.: КНОРУС, 2010. 376 с.

5. *Ендовицкий Д.А., Соболева В.Е.* Анализ инвестиционной привлекательности компании-цели [Электронный ресурс] // Аудит и финансовый анализ: электронный журнал. 12.02.07. URL: http://www.auditfin.com/fin/2007/2/Endovitskiy/Endovitskiy%20.pdf (дата обращения 27.02.19).
6. *Каранина Е.В., Вершинина Н.А.* Совершенствование методологии оценки и обеспечения инвестиционной привлекательности предприятия с учетом рискового подхода // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. № 12. С. 175-181.
7. *Лаврухина Н.В.* Методы и модели оценки инвестиционной привлекательности предприятий // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 16.
8. *Матвеева М.А.* Определение инвестиционной привлекательности организации путем анализа его финансового состояния // Проблемы современной экономики. 2012. № 4(44). С. 205-209.
9. *Соснина А.Д.* Методы оценки инвестиционной привлекательности организаций // Молодой ученый. 2015. № 11-3(91). С. 68-71.
10. Совершенствование механизмов повышения инновационной активности промышленных предприятий. Коллективная монография / Под ред. Веселовского М.Я., Кировой И.В. – М.: Издательство «Научный консультант», 2017. – 304 с.
11. *Тарелкин А.А.* Управление инвестиционной привлекательностью промышленного предприятия на основе оптимизации его ресурсного потенциала // Управление экономическими системами. 2013. № 12(60). С. 22.
12. *Тюкавкин Н.М.* Формирование системы оценки инновационной деятельности и условий эффективного управления промышленным предприятием // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 4. С. 49-57.
13. *Dudin M.N.* (2015) International Practice of Generation of the National Budget Income on the Basis of the Generally Accepted Financial Reporting Standards (IFRS) / Dudin M.N., Prokof'ev M.N., Fedorova I. Ju., Frygin A.V. , Kucuri G.N. // Asian Social Science. Vol. 11, №8. – P.119-126.
14. doi:10.5539/ass.v11n8p119
15. *Lin E.M.H., Sun E.W., Yu M.T.* (2018) Systemic risk, financial markets, and performance of financial institutions // Annals of Operations Research. Vol. 262. no. 2. P. 579-603.
16. *Kidwell D.S., Blackwell D.W., Sias R.W. Whidbee D.A.* (2016). Financial institutions, markets, and money. John Wiley & Sons.
17. *Saunders A.* (2014). Financial markets and institutions. McGraw-Hill Higher Education.

Reference list

1. *Valovik D.V.* Sovremennyе podxodы k oцenke investiцionnoy privlekateɩnosti predpriяtiя // Politika, эkonomika i soцiaɩnaя sфera: problemы vzaimodeystviя. 2016. № 4. P. 108-113.
2. *Gryzunova N.V., Dudin M.N., Talberg O.V.* Management of cash flows of the enterprise and their optimization // Scientific-practical journal "Economics, Statistics and Informatics. Bulletin of UMO «, 2015. №1. C.67-72.
3. *Dzhurabaeva G.K.* Metodologiya otsenki investitsionnoy privlekatelnosti promyshlennogo predpriyatiya [Elektronnyy resurs] // Izvestiya IGEA: elektronnoe izdanie. 17.04.08. URL: http://izvestia.isea.ru/reader/article.asp?id=4362 (data obrascheniya 25.02.19).
4. *Endovitskiy D.A., Babushkin V.A., Baturina N.A.* Analiz investitsionnoy privlekatelnosti organizatsii: nauchnoe izdanie / pod red. D.A. Endovitskogo. M.: KNORUS, 2010. 376 p.
5. *Endovitskiy D.A., Soboleva V.E.* Analiz investitsionnoy privlekatelnosti kompanii-tseli [Elektronnyy resurs] // Audit i finansovyy analiz: elektronnyy zhurnal. 12.02.07. URL: http://www.auditfin.com/fin/2007/2/Endovitskiy/Endovitskiy%20.pdf (data obrascheniya 27.02.19).
6. *Karanina E.V., Vershinina N.A.* Sovershenstvovanie metodologii otsenki i obespecheniya investitsionnoy privlekatelnosti predpriyatiya s uchetom riskovogo podhoda // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2015. № 12. P. 175-181.
7. *Lavruhina N.V.* Metody i modeli otsenki investitsionnoy privlekatelnosti predpriyatiy // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 2014. № 8. P. 16.
8. *Matveeva M.A.* Opredelenie investitsionnoy privlekatelnosti organizatsii putem analiza ego finansovogo sostoyaniya // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2012. № 4(44). P. 205-209.
9. *Sosnina A.D.* Metody otsenki investitsionnoy privlekatelnosti organizatsiy // Molodoy uchenyy. 2015. № 11-3(91). P. 68-71.
10. Improving the mechanisms for increasing the innovative activity of industrial enterprises. Collective monograph / Ed. Veselovsky M.Ya., Kirova I.V. – M .: Publishing House «Scientific Consultant», 2017 – 304 p.
11. *Tarelkin A.A.* Upravlenie investitsionnoy privlekatelnostyu promyshlennogo predpriyatiya na osnove optimizatsii ego resursnogo potentsiala // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami. 2013. № 12(60). P. 22.
12. *Tyukavkin N.M.* Formirovanie sistemy otsenki innovatsionnoy deyatelnosti i usloviy effektivnogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem // Vestnik Samarskogo munitsipalnogo instituta upravleniya. 2015. №4. P. 49-57.
13. *Dudin M.N.* (2015) International Practice of Generation of the National Budget Income on the Basis of the Generally Accepted Financial Reporting Standards (IFRS) / Dudin M.N., Prokof'ev M.N., Fedorova I. Ju., Frygin A.V. , Kucuri G.N. // Asian Social Science. Vol. 11, №8. – P.119-126.

14. doi:10.5539/ass.v11n8p119
15. *Lin E.M.H., Sun E.W., Yu M.T.* (2018) Systemic risk, financial markets, and performance of financial institutions // Annals of Operations Research. Vol. 262. no. 2. P. 579-603.
16. *Kidwell D.S., Blackwell D.W., Sias R.W. Whidbee D.A.* (2016). Financial institutions, markets, and money. John Wiley & Sons.
17. *Saunders A.* (2014). Financial markets and institutions. McGraw-Hill Higher Education.

УДК 330.3

Салихов Б.В.,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения
Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры экономики
городского хозяйства и сферы обслуживания Московского университета им. С.Ю. Витте

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И КАЧЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Цель статьи заключается в выявлении сущности феномена устойчивого и неустойчивого развития, а также в определении их модифицированных форм. Актуальность темы обусловлена дисфункциями действующей научно-практической парадигмы устойчивого развития, не учитывающей всех элементов качественной целостности проблемы. Методологический и методический концепт исследования характеризуется, одновременно, системным и логико-гносеологическим подходом к определению сущности устойчивого и неустойчивого развития, единством качественного и количественного анализа, а также использованием методического потенциала диалектики «общего» и «особенного». Интегральные научные результаты заключаются в определении сущности и релевантных форм устойчивого и неустойчивого развития; в трактовке устойчивого прогрессивного развития и характеристике его качественной целостности как «системы проекта»; в научном предположении, что современная российская цивилизация находится в состоянии неустойчивого регрессивного развития, что обусловливает императив радикальных политико-экономических и институциональных инноваций.
Ключевые слова: устойчивое развитие, неустойчивое развитие, устойчивое прогрессивное развитие, неустойчивое регрессивное развитие, эндогенные факторы развития, качественная целостность

Salikhov B.,
Doctor of Economics, Professor, Professor of Theory of Region Studies Department
of the Moscow State Linguistic University, professor of Urban Economics and service Areas Department
of the Moscow University named after S.Y. Vitte

SUSTAINABLE DEVELOPMENT: THE DEFINITION OF THE ESSENCE AND QUALITY INTEGRITY

The purpose of the article is to identify the essence of the phenomenon of sustainable and unsustainable development, as well as to determine their modified forms. The relevance of the topic is due to the dysfunctions of the current scientific and practical paradigm of sustainable development, which does not take into account all the elements of the qualitative integrity of the problem. The methodological and methodical concept of the study is characterized by both a systematic and logical-epistemological approach to the definition of the essence of sustainable and unsustainable development, the unity of qualitative and quantitative analysis, as well as the use of the methodological potential of the dialectics of "general" and "special". Integral scientific results consist in the definition of the essence and relevant forms of sustainable and unsustainable development; in the interpretation of sustainable progressive development and the characteristic of its qualitative integrity as a "project system»; in the scientific assumption that the modern Russian civilization is in a state of unsustainable regressive development, which determines the imperative of radical political, economic and institutional innovations.
Keywords: sustainable development, unsustainable development, sustainable progressive development, unsustainable regressive development, endogenous factors of development, qualitative integrity

Как цитировать статью: Салихов Б.В. Устойчивое развитие: определение сущности и качественная целостность // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 101–107 с.

I. Введение

Проблематика устойчивого развития уже давно вышла за рамки академического дискурса и приобрела отчетливые научно-практические формы. Это обусловлено экспоненциальным ростом множества взаимосвязанных глобальных, национальных и региональных проблем, которые из разряда потенциальных вызовов стали превращаться в реальные угрозы поступательному развитию человеческой цивилизации. В связи с этим, различные международные и региональные структуры, прежде всего ООН, еще в прошлом столетии актуализировали отмеченную проблематику, разработав систему целей, задач и показателей устойчивого развития общества, экономики и природы. Между тем, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые сообществом ученых, политиков и практиков, в мире по-прежнему нарастают системные проблемы гуманитарного, социального, экономического развития при одновременной деструкции природного потенциала [3,5,8]. Резонно предположить, что в рамках существующей исследовательской парадигмы выбран неверный либо неполный пространственно-временной континуум, не позволяющий обеспечить достижение целей как такового устойчивого развития. Прежде всего, настораживает «явленческая» и монодисциплинарная трактовка сущности устойчивого развития. В первом случае речь преимущественно идет о сохранении уровня потребления сегодняшнего и будущих поколений жителей планеты (вариант ООН). Во втором аспекте устойчивое развитие непосредственно увязывается с одноименным развитием экономики и/или сохранностью природного капитала [1,7,11,13].

Кроме того, имеет место очевидная неполнота объектной структуры исследования, где «исчез» человек, что противоречит императиву инклюзивности, то есть научно-практическому требованию «дойти до каждого» [7,11]. Отсутствует также четко выраженная и верифицированная интегральная цель действующей парадигмы устойчивого развития. Семнадцать целей, изложенных в документах ООН и получивших дальнейшую интерпретацию в соответствующих международных и других документах, не фокусируются в некий конечный результат, реально обеспечивающий устойчивость человеческой жизни сегодня и в отдаленной перспективе. Но главное, действующая парадигма исследования устойчивого развития, в рамках *нормальной науки*, не содержит в себе эндогенного механизма заинтересованности всех ключевых субъектов в высокой эффективности решения соответствующих задач [2,10]. Отсюда, *предметом данной статьи* является выявление сущности устойчивого (неустойчивого) развития и, следовательно, основных его релевантных модифицированных форм. Это позволит впоследствии четко определять и корректировать научно-практический ракурс междисциплинарного понимания и системного решения прикладных проблем в сфере устойчивого развития как такового.

II. Методология и логика исследования

Исходя из «предметного поля» исследования, методологический подход к выявлению сущности устойчивого развития заключается в логико-гносеологическом и лингвосинергетическом анализе феномена «устойчивое развитие». В рамках такого подхода четко фиксируется семантика и смысловое качество, отдельно, *устойчивости и развития* при их последующей интеграции, дающей новое когнитивное качество исследуемого явления. Резонно подчеркнуть, что «сущность имеет значение», причем не столько академическое, сколько практическое, поскольку всегда «развертывается» в конкретные содержательные элементы. И чем больше выявляется этих элементов, тем полнее результат исследования проблемы, поскольку происходит максимизация аспектов пространственно-временного континуума, что гарантирует от потери важных звеньев общей процесса [9]. Здесь критически важным методом исследования видится диалектика *явления и сущности,* в рамках которой рассматривается единство дихотомии «явление существенно», а «сущность является». Только в этом случае есть шанс избежать соблазна рассматривать «видимость» вместо реального явления, поскольку видимость всегда иррациональна, а явление всегда существенно [4]. К сожалению, в проблематике устойчивого развития часть дискурсов осуществляется в режиме «видимости», а не «явления», что и предопределяет общую низкую исследовательскую результативность. Например, рассуждения о «зеленой экономике» или о «замкнутом и безотходном воспроизводственном цикле» не подкрепляются *механизмами системной заинтересованности* и смысловой детерминированности субъектов деятельности и др.

Кроме того, диалектический метод нацеливает на поиск сущности противоположных явлений, в частности, феномена *неустойчивого развития*. Это позволит не только дисциплинировать общее исследование, но и выбрать верный ракурс аналитического мышления, поскольку *устойчивое развитие вполне может рассматриваться как функция целенаправленной деятельности по преодолению ключевых элементов (условий и факторов) неустойчивости*. Именно в этом случае релевантная научно-практическая деятельность исследователя (собственника, реформатора, регулятора) приобретает необходимую конкретику и содержательную направленность. Далее, устойчивое и неустойчивое развитие (общее)

вполне могут иметь различные формы (особенное), что нацеливает исследователя на идентификацию этих особенностей с целью выявления *ступеней восхождения* к параметрам и показателям устойчивости. Резонно отметить, что всякая устойчивость заключает в себе потенциал неустойчивости, и наоборот. Также верно и то, что развитие может быть, как по восходящей траектории, так и по нисходящему вектору.

Поскольку даже в рамках действующей парадигмы концепция устойчивого развития включает не только природу, но также экономику и социум, то очевидным является включение в логико-гносеологический анализ проблемы все элементы методологии и методики системной парадигмы [9]. Другими словами, предметное поле устойчивого развития как сложной и многоуровневой системы, и, следовательно, трактовка сущности данного понятия, должны включать различные элементы, обладающие «внешней целостностью и внутренним многообразием» [9, с. 109]. Это означает, что устойчивое либо неустойчивое развитие системы (явления, процесса, субъекта и др.) есть всегда определенный набор и иерархия *условий и факторов, причем как внутренних, так и внешних.* Следовательно, проблема устойчивости либо неустойчивости развития есть проблема научно обоснованного выявления, четкого определения и искусного сочетания всякий раз вполне конкретных условий и факторов, обеспечивающих ожидаемую результативность релевантных решений. Очевидно, и трактовка сущности устойчивого развития не может не заключать в себе некое «точечное» сочетание отмеченных условий и факторов, находящихся, в свою очередь, в соответствующей динамике.

Резонно констатировать, что множество экзогенных и эндогенных условий и факторов, влияющих на устойчивое развитие любой системы, не могут быть монодисциплинарными и затрагивать, например, только экономические или другие отдельные области человеческого познания. Даже в рамках действующей «триады» ООН (общество, экология, экономика) необходим междисциплинарный дискурс, включающий анализ исторических, ментальных, ценностно-смысловых, социокультурных, институциональных, политико-экономических и других условий и факторов, детерминирующих как таковую устойчивость развития [1,14]. Это означает, что сущности устойчивого развития имманентна некая *качественная целостность* соответствующих условий и факторов, находящихся в состоянии управляемого, организованного и дозированного взаимодействия. В противном случае, развитие объективно не может быть ни устойчивым, ни прогрессивным. Можно добавить, что качественной целостности условий и факторов устойчивого развития должна соответствовать и их определенная *качественная количественность,* то есть вполне конкретный набор названных условий и факторов, причем именно «здесь и сейчас» [1,15].

III. Обсуждение проблемы и результаты

Существуют различные подходы к трактовке сущности устойчивого развития. В отечественной литературе устойчивость соотносится в основном с экономическим ростом; устойчивость также трактуют как *не уменьшение совокупного капитала общества во времени* [1,6,11]. Однако дисфункции монодисциплинарного подхода нацеливают, одновременно, на более углубленное и расширительное понимание проблемы, включающей *социальные, экономические и экологические процессы* [2,5,10,13]. Все более очевидно, что без системного анализа названных процессов, успешно решить задачи перехода человечества к устойчивому развитию невозможно. Между тем, парадигма ООН является чересчур абстрактной и не нацеливает свой аналитический и научно-практический механизм на *инклюзивность,* связанную с конкретной жизнью людей. Таким образом, в научном дискурсе по проблеме устойчивого развития и в соответствующей трактовке сущности понятия, важно осуществить «достройку», как минимум, по двум аспектам. *Во-первых,* следует расширить сферу качественной количественности условий и факторов, определяющих характер устойчивости либо неустойчивости развития определенной системы. *Во-вторых,* необходимо четко зафиксировать целевую функцию, но именно в «предельной» трактовке, характеризующей прогрессивный вектор ожидаемых преобразований. Такой целевой функцией вполне может быть становление и устойчиво прогрессивная динамика *достойной жизни человека, общества и цивилизации.* Если под достойной жизнью понимать духовно-нравственную форму уровня жизни, то формируется вполне ясная картина междисциплинарного ракурса проблемы [8,11,14].

Теперь следует очертить гносеологические рамки категории «устойчивое развитие». Прежде всего, под *устойчивостью* всегда понимается способность системы сохранять свое состояние либо быстро возвращаться в прежнее положение равновесия после отклонения. При этом динамика условий и факторов успешно «поглощается» некими защитными механизмами данной системы. Под *развитием* понимается не только «существенное, необходимое движение, изменение чего-либо во времени», но и «устойчивое существование на своей собственной основе» [12, с. 463-464]. Важно отметить, что развитие бывает восходящим и нисходящим, от низшего к высшему и от высшего к низшему при *ключевой роли эндогенных условий и факторов.* Отмеченные положения позволяют сделать ряд важнейших умозаключений, касающихся

общего понимания и многообразия форм устойчивого развития.

Первое. Любая система (человек, домохозяйство, организация, общество, экономика, государство, цивилизация, природа и др.) может *устойчиво развиваться как по восходящей, так и по нисходящей траектории.* В первом случае будет иметь место *устойчивый рост,* то есть устойчивая поступательная динамика и направленность развития системы. Во втором случае появится *устойчивый спад,* или ее устойчивая регрессивная динамика и направленность. При этом важно отметить, что устойчивый рост системы и/или ее устойчивый спад отнюдь не означает линейного характера динамики. Здесь могут иметь место нелинейные, именно *трендовые,* колебательные характеристики динамики системы. Другими словами, некоторая волатильность параметров и показателей системы в данном случае такова, что все «точки» общего тренда не характеризуется возвратно-поступательной, турбулентной динамикой.

Второе. Онтология устойчивого развития всегда заключается в *действенности эндогенных условий и факторов,* имманентных данной системе и обусловливающих внутреннюю логику ее динамики. Любое устойчивое развитие всегда есть функция эндогенного созидательного потенциала, в свернутом виде заключенного во внутренних механизмах самосовершенствования данной системы. Это означает, что, например, идеологический выбор какой-либо модели или научно-практической парадигмы социальных, институциональных, экономических, экологических и других преобразований *не должен* выходить за пределы эндогенных возможностей системы. Отечественная практика идеологических, ценностно-смысловых, экономических и других преобразований свидетельствует о *масштабном нарушении требований принципа эндогенности,* в том числе, и при решении задач устойчивого развития. Известно, что идеологический выбор правящей элиты страны в пользу либерализма и монетаризма, не соответствовавший ментально-смысловым конструктам и институциональной истории российской нации, закономерно привел к деструкции общества и экономики [2,3,7].

Третье. Устойчивое развитие системы всегда предстает как закономерный результат *взаимодействия всех реально действующих условий и факторов.* Следует подчеркнуть, что такое взаимодействие должно быть релевантным требованиям именно устойчивого развития данной системы. Устойчивость системы всегда есть некое ее равновесие (статическое или динамическое), предстающее, в свою очередь, как функция именно *равновесного* (оптимального, когерентного, синхронного и сознательно дозированного) взаимодействия соответствующих условий и факторов. Могут иметь место следующие сознательно осуществляемые синхронные взаимодействия: между эндогенными условиями и факторами; между эндогенными и экзогенными условиями; между внутренними и внешними факторами; между экзогенными условиями и факторами развития системы и др. Очевидно, что обеспечение устойчивого развития системы требует релевантного качества субъекта, способного не только осуществить подбор необходимых условий и факторов, но и организовать определенных ракурс их целенаправленного использования [2,8,11].

Таким образом, *сущность устойчивого развития любой системы можно трактовать как ее развитие на основе динамического равновесия определенных (качественно целостных) условий и факторов.* Динамическое равновесие условий и факторов означает их синхронность и комплементарность, обеспечивающую линейную (полная синхронность условий и факторов) либо нелинейную (неполная синхронность) устойчивую динамику системы. Очевидно, что при отмеченном динамическом равновесии и качественной целостности условий и факторов, устойчивое развитие может быть прогрессивным, нейтральным и регрессивным. *Устойчивое прогрессивное развитие* представляет собой поступательно-созидательное развитие системы, осуществляемое на основе динамического равновесия синхронно совершенствующихся условий и факторов. По аналогии, *устойчивое нейтральное развитие* есть развитие системы на основе синхронного взаимодействия условий и факторов, сохраняющих неизменной свою качественную целостность и качественную количественность. Наконец, *устойчивое регрессивное развитие* представляет собой антипоступательное и антисозидательное развитие на основе динамического равновесия условий и факторов, находящихся в состоянии разрушения и дисфункций.

Логично, что *сущность неустойчивого развития любой системы есть ее развитие на основе динамического неравновесия определенных условий и факторов.* Здесь также могут быть различные вариации качественной целостности и качественной количественности названных условий и факторов. Динамическое неравновесие означает их неуправляемое либо плохо управляемое (несинхронное и некомплементарное) применение в силу множества объективных и субъективных причин. Например, задачи в сфере повышения уровня и качества жизни могут противоречить динамике институциональных условий либо направленности развития системы образования и т.д. Неустойчивое развитие также может быть прогрессивным, нейтральным и регрессивным. *Неустойчивое прогрессивное развитие есть возвратно-поступательное (турбулентное) развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов, находящихся в состоянии прогрессивного, но асинхрон-*

ного совершенствования и функционирования. Такое развитие может быть в условиях радикальных (именно неравновесных, но необходимых и стратегически перспективных) социальных, когнитивных, технологических и иных системных сдвигов, что требует соответствующей деятельности субъектов управления.

Неустойчивое нейтральное развитие может трактоваться как развитие на основе асинхронного взаимодействия условий и факторов, сохраняющих параметры и показатели волатильности своих качественных свойств и количественных характеристик. *Неустойчивое регрессивное развитие* может трактоваться как возвратно-поступательное (турбулентное) развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов, находящихся в состоянии непрерывной деградации и асинхронного взаимодействия. Часто сложность такой ситуации заключается в попадании в своеобразную *«ловушку неустойчивости»,* когда применяемые механизмы управления, неадекватные цивилизационному качеству системы, формируют ментальную модель принципиальной невозможности преодолеть системные деструкции. Примером является «ловушка вековой стагнации» мирового хозяйства, выход из которой возможен лишь при существенных сдвигах в ценностно-идеологических ориентирах общественного развития и масштабных технологических инновациях [3,8,11]. Трактовки сущности и модифицированных форм устойчивого и неустойчивого развития (без нейтральных форм) систематизированы в таблице 1.

IV. Заключение

Выявленная сущность, а также характеристика качественной целостности устойчивого (неустойчивого) развития позволяет предложить ряд умозаключений, имеющих определенное научно-практическое значение. ***Во-первых,*** концепция устойчивого развития характеризуется множественностью релевантных условий и факторов, среди которых *ключевыми являются эндогенные детерминанты,* обеспечивающие развитие системы на собственной основе. В практическом плане это означает, что субъект управления должен инвестировать ресурсы, прежде всего, *в актуализацию именно внутренних условий и факторов развития.* Это требует наиболее полного учета специфики рассматриваемой системы. Если речь идет об устойчивом развитии, например, общества и экономики, то подбор соответствующих условий и факторов должен осуществляться исключительно в рамках исторических, ментальных, ценностных, институциональных и других особенностей конкретной цивилизации или сообщества. Внешние условия и факторы могут дать ожидаемый высокий результат только в

Таблица 1.

Трактовки сущности и модифицированных форм устойчивого и неустойчивого развития (без нейтральных форм)

Сущность и формы развития	Трактовка понятия	Особенности взаимодействия условий и факторов
Устойчивое развитие (сущность)	Развитие системы на основе динамического равновесия условий и факторов	Находятся, одновременно, в состоянии динамического равновесия и изменения
Устойчивое прогрессивное развитие (форма-1)	Поступательное и созидательное развитие системы, осуществляемое на основе динамического равновесия синхронно совершенствующихся условий и факторов	Созидательно направленное динамическое равновесие условий и факторов развития при их синхронном совершенствовании
Устойчивое регрессивное развитие (форма-2)	Антипоступательное развитие системы на основе динамического равновесия дисфункционально реализующихся и синхронно разрушающихся условий и факторов	Деструктивно направленное динамическое равновесие условий и факторов развития при их синхронной деструкции
Неустойчивое развитие (сущность)	Развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов	Находятся, одновременно, в состоянии динамического неравновесия и изменения
Неустойчивое прогрессивное развитие (форма-1)	Турбулентное развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов, находящихся в состоянии непрерывного прогрессивного, но асинхронного совершенствования и взаимодействия	Условия и факторы развития находятся в динамическом созидательном неравновесии при их спонтанном взаимодействии и совершенствовании
Неустойчивое регрессивное развитие (форма-2)	**Турбулентное развитие системы на основе динамического неравновесия условий и факторов, находящихся в состоянии непрерывной (синхронной и/или асинхронной) деструкции**	**Условия и факторы развития находятся в динамическом деструктивном неравновесии при их спонтанном разрушении**

том случае, если будут соответствовать логике и целостности внутренних (онтологических, имманентных) условий и факторов. Таким образом, деятельность по обеспечению устойчивого развития любых общественных и социальных (в том числе экономических) систем должна соответствовать *цивилизационному и историческому коду данной системы* с присущей ей социально-экономической идентичностью. В частности, либеральная идеология в форме монетаризма не «работает» на «российском грунте» именно в силу естественных исторических противоречий западной и российской цивилизации и др.

Во-вторых, дискуссии и конкретные усилия по обеспечению устойчивого развития всегда будут носить схоластический и наивно пропагандистский характер, если к исследуемой системе не будет применена «матрица трактовок сущности» соответствующих форм развития (таблица 1). Без единства «диалектики идей» и «диалектики вещей», дискуссии об устойчивом развитии любой страны, ее экономики и других элементов системы, не будут иметь существенного научного и прикладного значения. В связи с этим, сегодняшнее состояние российского общества и его экономики может характеризоваться как *неустойчивое регрессивное развитие*. Это объясняется множеством возвратно-поступательных явлений и процессов, среди которых нарастающий общественный пессимизм на основе общей неопределенности и неуверенности людей в своем будущем. Кроме того, имеет место турбулентное развитие экономики (провалы в динамике ВВП в 2009 и 2015 гг.), нарастают демографические, инфраструктурные и региональные проблемы, падает инновационная и инвестиционная активность, уменьшается средний класс при одновременном формировании «ловушки бедности», увеличении масштабов коррупции и несправедливости [6,9,10]. Зная «свое место» в общей иерархии форм устойчивого развития, можно наметить ближайшие задачи развития страны. В частности, более реалистичным представляется стремление к неустойчивому прогрессивному развитию, нежели абстрактное моделирование неких «радикальных перемен» и «системных прорывов».

В-третьих, наиболее эффективной является *прогрессивная форма устойчивого развития,* предполагающая динамическое равновесие постоянно совершенствующихся условий и факторов. Именно эта форма, как «система проекта», является желаемой целью соответствующих усилий субъектов управления домохозяйством, обществом, экономикой, экологией и другими элементами общего развития. Для достижения данной цели необходимо, прежде всего, существенно обновить «систему объекта», состоящую из триады: общество, экология, экономика. С учетом требований *эндогенности и инклюзивности* в решении современных общественных, социально-экономических и других задач, в объектную структуру анализа проблемы устойчивого прогрессивного развития можно включить *личность и государство*. Личность, как «свернувшееся» общество, необходима в качестве интегральной функции устойчивого прогрессивного развития путем последовательного становления достойной жизни. Государство (гегелевское, правовое), как интегральный выразитель интересов гражданского общества, необходимо как генератор релевантного институционального капитала и механизм расширенного воссоздания всеобщей системы заинтересованности в решении комплексных задач устойчивой созидательной динамики.

Важно подчеркнуть, что обеспечение достойной жизни естественным образом предопределяет необходимость устойчивого прогрессивного развития каждого элемента системы при их когерентности. В связи с этим, разработка и применение механизмов устойчивого развития требует, прежде всего, обоснованного определения ключевых условий и факторов (эндогенных и экзогенных), релевантных императивам планируемой либо ожидаемой динамики конкретного объекта. Например, применительно к экономике, необходимо составить перечень критически важных условий, инструментов и способов прямого (условия) и непосредственного (факторы) воздействия на экономику. Далее будет понятен набор требований к качеству действующего и воссоздаваемого управленческого, человеческого, физического, институционального, технологического и природного капитала. Также станет очевидным общий контур требуемых элементов совокупной факторной производительности (СФП), а также перечень методов фискальной, денежно-кредитной, валютной и другой дискреционной политики соответствующих регуляторов.

В-четвертых, устойчивое прогрессивное развитие невозможно без субъекта, способного к созидательным действиям. На уровне личности это должен быть собственник высокоэффективного креативного капитала; на уровне регионов и общества таким субъектом является производительный креативный класс, имеющий непосредственное влияние на политическую элиту страны. Очевидно, что актуализируется научно-практическая задача целенаправленного формирования и *устойчивого развития креативного класса и креативной политико-экономической элиты* как «комплексного субъекта» общего устойчивого и прогрессивного развития системы. Устойчивость развития креативного класса и креативных личностей, в свою очередь, требует качественного обновления не только всей системы общего и корпоративного образования в стране, но и нового конституирования институтов защиты права собственности на креативный капитал субъектов на всех уровнях общественных отношений.

Список литературы

1. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В.* Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147-160.
2. *Бузгалин А.В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3. С. 125-142.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
5. *Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В.* Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125-142.
6. *Ершов М.В.* Россия и мир: насколько устойчив экономический рост? // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 63-81.
7. *Замулин О.А., Сонин К.И.*, Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 11-37.
8. *Капелюшников Р.И.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104-134.
9. *Клейнер Г.Б.* Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть I // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–124.
10. *Мау В.А.* На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017-2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5-30.
11. *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77-103.
12. Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 731 с.
13. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.: United Nations.
14. World Bank (2006). Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. Washington, DC.
15. World Bank (2013). World Development Indicators. Washington, DC.

Reference list

1. *Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solovieva S.V.* Challenges of the crisis: how to measure the sustainability of development? // Issues of Economy. 2015. No. 1. Pp. 147-160.
2. *Buzgalin A.V.* Sunset of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economy. 2018. No. 2. Pp. 122-142.
3. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Man, market and capital in the economy of the XXI century // Issues of Economy. 2006. No. 3. Pp. 125-142.
4. *Gegel G.V.F.* Philosophy of law. – M.: Thought, 1990. – 524 p.
5. *Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V.* Long-Term stagnation in the modern world // Issues of Economy. 2018. No. 11. Pp. 125-142.
6. *Ershov M.V.* Russia and the world: how sustainable is economic growth? // Issues of Economy. 2017. No. 12. Pp. 63-81.
7. *Zamulin O.A., Sonin K.I.*, Economic growth: Nobel prize 2018 and lessons for Russia // Issues of Economy. 2019. No. 1. Pp. 11-37.
8. *Kapelyushnikov R.I.* the Idea of «age-old stagnation»: three versions // Issues of Economy. 2015. No. 5. Pp. 104-134.
9. *Kleiner G.B.* Stability of the Russian economy in the mirror of system economic theory. Part I // Issues of Economy. 2015. No. 12. Pp. 107-124.
10. *Mau V.A.* At the end of the global crisis: economic problems of 2017-2019 // Issues of Economy. 2018. No. 3. Pp. 5-30.
11. *Polterovich V.M.* To the General theory of social and economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms // Issues of Economy. 2018. No. 12. Pp. 77-103.
12. Dictionary of philosophical terms. – M.: INFRA-M, 2007. – 731 p.
13. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.: United Nations.
14. World Bank (2006). Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. Washington, DC.
15. World Bank (2013). World Development Indicators. Washington, DC.

УДК 331.4:658

Буров В.В.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления ИМПЭ

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассматриваются теоретические проблемы исследования человеческого капитала, анализируются особенности экономической оценки инвестиций в человеческий капитал. Статья содержит ряд авторских дискуссионных положений и теоретических постановок, связанных с совершенствованием действующей программы исследования человеческого капитала, а также его оценки; предлагается конкретный метод количественной оценки человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, эффективность инвестиций в человеческий капитал, менеджмент современной организации

Burov V.,
PhD in Economy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, IILE

NEW APPROACHES TO EVALUATING THE EFFICIENCY OF INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL IN THE MANAGEMENT OF MODERN ORGANIZATIONS

The article discusses the theoretical problems of the study of human capital, analyzes the features of the economic evaluation of investments in human capital. The article contains a number of author's debatable provisions and theoretical statements related to the improvement of the current program of research of human capital, as well as its evaluation; A specific method for quantifying human capital is proposed.

Keywords: human capital, efficiency of investments in human capital, management of a modern organization

На современном этапе ключевым источником повышения эффективности менеджмента организации становится нематериальный капитал и его важнейшая составляющая – человеческий капитал, масштаб и качество которого в существенной и возрастающей степени определяют основные параметры и социального, и хозяйственного развития.

В связи с этим возникает задача, связанная и с повышением эффективности инвестиций в человеческий капитал, и с выбором критериев экономической оценки эффективности таких инвестиций.

Одна из первых попыток создания такой концепции была предпринята Г. Беккером в книге «Человеческий капитал» (1964). Значение этой книги состоит в том, что в ней впервые методами эмпирического анализа было исследовано влияние фактора образования на уровень доходов работников. Автором впервые было доказано, что умственный, или «информационный», труд более продуктивен по сравнению с простым, ручным трудом.

Вместе с тем, и в работе Г.Бэккера и в работах других исследователей мотивы и цели человека, вкладывающего деньги в свое образование, здравоохранение, мобильность остались теми же, что у экономистов классической школы - получение максимального дохода, или, точнее, максимальной доходности инвестиций. Тем самым человек рассматривается лишь как некоторый «станок», или некоторый капитальный актив, вложение денег в который обеспечивает в будущем определенный поток доходов организации. Этот «актив», отождествляемый в трактовке Беккера и других исследователей с человеком, и представляет собой человеческий капитал.

А так как в общем плане капитал – это ценность, приносящая поток доходов, то и человеческий капитал – это тоже ценность, приносящая поток дохо-

Как цитировать статью: Буров В.В. Новые подходы к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал в управлении современных организаций // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 108–111 с.

дов. Именно исходя из такого подхода, как правило, и проводится оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал. То есть, оценку эффективности инвестиций в человеческий капитал проводят с использованием общепринятых критериев:

– коэффициент эффективности, дисконтированный коэффициент эффективности, срок окупаемости, дисконтированный срок окупаемости, индекс доходности, дисконтированный индекс доходности, чистая приведённая стоимость, внутренняя норма доходности и т.д.

Таким образом, выделяются затраты на формирование человеческого капитала и оценивается поток доходов, и на этой основе рассчитывается эффективность инвестиций в человеческий капитал.

То обстоятельство, что образование, здоровье человека все чаще служат самоцелью человека, а не только средством получения доходов, вовсе не учитывается. В то же время, мы всё чаще сталкиваемся с ситуацией, когда формирование человеческого капитала является не средством получения более высоких доходов, а самоцелью. Очевидно, что даже среди нас многие получают высшее образование вовсе не для того, чтобы больше получать или даже работать. Необходимо учитывать и такие факторы как самооценка, социальный статус, круг общения и т.д.

Очевидно, что общепринятые способы оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал это обстоятельство не учитывают.

Мы предлагаем новый подход к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал. Его суть заключается в том, что конечной целью человека является не доход или наслаждение, а высшая деятельность, которая отличает его от животного мира. Человек ценен для общества своей реализованной способностью к мыслительной и духовной деятельности, к творчеству. Чем сильнее развита эта способность, тем в большей степени он является собственно человеком, тем выше эффективность инвестиций в человеческий капитал. Реализованную способность к высшей деятельности, мышлению, творчеству мы называем человеческим капиталом.

При таком подходе продуктом человеческого капитала являются не материальные блага или поток доходов, а сама высшая деятельность человека. Если доход измеряется в денежных единицах, а наслаждение - в гипотетических единицах полезности, то высшая деятельность - ее продолжительностью во времени. Таким образом, сам человеческий капитал и поток порождаемых благ имеют одну и ту же социально-экономическую сущность и измеряются в одинаковых единицах - в единицах творческого времени.

При таком подходе меняются и критерии оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал: образование, здоровье, социальный статус и т. д., которые могут рассматриваться не как инструменты, обеспечивающие повышение дохода, а как самоцель.

Достоинством такого подхода оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал является и то, что в ней определен и обоснован количественный показатель, который служит целевым показателем для человека в информационном обществе. Этим показателем является творческое время, т.е. время, в течение которого человек занят высшей деятельностью.

В рамках концепции творческого времени стало возможным учитывать цели человека, которые не вписываются в традиционную теорию человеческого капитала Беккера. Важнейшими из них являются здоровье и социальный статус. Образование, здоровье и социальный статус мы рассматриваем и моделируем как равноправные факторы человеческого капитала. Отдельно предлагаем рассматривать семейный статус как частный случай социального статуса.

Таким образом мы предлагаем конкретный метод количественной оценки человеческого капитала. Практическая применимость теоретических выводов работы является, на наш взгляд, серьезным аргументом в пользу обоснованности концептуальных положений предложенной теории.

Каков же наш подход к оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал?

Мы всё время жизни человека предлагаем разделить на две составляющие: биологическое и социальное. Это деление мы производим на основании того, что человек в определённые моменты времени в разной степени реализует свои высшие мыслительные способности, а в другие моменты его деятельность сводится к чисто биологическим функциям.

Социальное время мы определяем как время жизни человека, в течение которого он занят высшей мыслительной, творческой деятельностью, т.е. выполняет функции, которые в принципе не могут выполнять животные или машины.

Результаты творческой деятельности человека по нашему мнению принимают следующие основные формы:

а) материальные продукты творческого процесса (книги, картины),

б) услуги квалифицированных специалистов (учителей, врачей),

в) управленческие решения (в бизнесе, государственном управлении),

г) устное повествование (в общении с друзьями, родственниками),

д) увеличение творческого потенциала человека (результатом творческих усилий обычно является повышение способностей к творчеству) и др.

Время жизни человека, которое не является социальным, т.е. в течение которого он не осуществляет

высшую мыслительную деятельность, мы называем биологическим временем.

Основные формы биологического времени, как представляется (виды издержек человека) следующие:

1. Время сна.

2. Простые трудовые функции в сфере наемного труда и в домашнем хозяйстве.

3. Пустое времяпровождение.

4. Вынужденное ожидание. Сюда относятся вынужденные потери времени в очередях, в транспорте и пр.

5. Время болезни.

По своей экономической сущности биологическое время представляет собой потерю части жизни человека, или его издержки, выраженные в единицах времени. Социальное же время отражает чистый полезный результат жизнедеятельности человека, поэтому оно по своей сути аналогично прибыли. Соответственно, астрономическое время жизни человека, равное сумме социального и биологического времени, можно уподобить выручке человека.

Исходя из такого подхода следует, что чем выше продолжительность социального времени и чем ниже продолжительность биологического – тем выше эффективность инвестиций в человеческий капитал. При этом особо хочется отметить, что отнюдь не всегда продолжительность социального времени определяется количественными, в частности, макроэкономическими показателями.

Проведем сравнение нашего показателя благосостояния с показателями объема ВВП на душу населения и среднедушевого дохода по ряду позиций.

1. Денежный доход не представляет собой блага как такового, он является лишь необходимым, но не достаточным условием реализации высшей творческой деятельности. Вместе с тем, социальное время является абсолютным благом, а его суточная продолжительность определяется рядом факторов, таких как здоровье человека, его доход, мобильность и пр. Таким образом, доход индивида представляет собой вторичное благо, которое совместно с другими благами создает ему условия для занятия творческой деятельностью.

2. Стоимостные индикаторы благосостояния не отражают и не могут отражать важнейший гуманистический принцип, рассматривающий человеческое существо как высшую ценность. Так, объем ВВП на душу населения при прочих равных условиях уменьшится при рождении ребенка, что говорит об уменьшении общественного благосостояния. В рамках же нашего подхода сокращение круга доступных предметов личного потребления компенсируется общением с ребенком, или, точнее, потреблением дополнительного объема социального времени, полученного в результате рождения ребенка.

Точно так же в рамках нашего подхода смерть любого человека приводит к уменьшению общественного благосостояния на соответствующую величину социального времени.

3. Выбрав в качестве абсолютного и универсального измерителя благосостояния один час социального времени, мы получили возможность сравнивать уровни благосостояния двух индивидов, а также организаций и даже стран как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Здесь мы не только избегаем процедуры сравнения покупательной способности доходов, но и автоматически учитываем институциональную специфику механизма распределения благ в обществе: особенности пенсионной системы, систем социального и медицинского страхования и пр. Применение на практике единых для всех стран алгоритмов измерения бюджетов времени индивидов и их семей позволит повысить достоверность исследований в области межстрановых сравнений благосостояния.

В то же время является очевидным, что социальное время является функцией дохода. С увеличением дохода сокращаются ежедневные потери времени индивида (простые трудовые функции, пустое времяпровождение, болезнь и пр.), а время его творческой деятельности (социальное время, благосостояние) увеличивается.

Тем не менее важным свойством данной функции является ее ограниченность. С ростом дохода ее значения стремятся к некоторой величине, которую мы определяем как творческий потенциал личности. Это число отражает максимально возможную продолжительность творческой деятельности в течение суток, которая может быть достигнута при неограниченном доходе индивида в краткосрочном периоде и которая зависит от его природных способностей, здоровья, образования, а также от других факторов. Творческий потенциал личности может быть увеличен лишь в долгосрочном периоде.

Таким образом, в соответствии с нашим подходом имеются три способа организации увеличить человеческий капитал индивида, или три формы инвестиций в человеческий капитал:

1. Увеличение дохода. Увеличение человеческого капитала индивида будет продолжаться с ростом дохода до тех пор, пока величина социального времени не достигнет своего максимального значения. Дальнейшее увеличение дохода не изменит величины человеческого капитала так как будет достигнут предел творческого потенциала личности. Чем выше творческий потенциал индивида, тем выше, при прочих равных условиях, величина порогового дохода, начиная с которой дальнейшее инвестирование в форме увеличения дохода нецелесообразно.

Таким образом, денежные средства, направляемые на увеличение дохода индивида, являются инвестициями в его человеческий капитал лишь в том случае, когда доход служит фактором, ограничивающим возможности для творческой деятельности индивида.

2. Изменение функции социального времени индивида. Имеется ввиду, что в результате вложения денежных средств в образование, здоровье и т.д. ежедневная продолжительность социального времени индивида увеличится в долгосрочном периоде при любом доходе.

Перечислим основные составляющие потерь нерабочего времени, которые могут сокращаться в результате подобных инвестиций:

а) продолжительность пустого времяпровождения сокращается в результате получения образования, воспитания, систематических занятий творческой деятельностью и т.д.,

б) продолжительность рутинного труда наемного работника сокращается в результате получения диплома, который открывает возможности перехода на более интересную, содержательную работу и т.д.,

в) продолжительность времени болезни сокращается в результате улучшения здоровья, достигнутого в процессе медицинского и санаторно-курортного обслуживания и т.д.

3. Изменение продолжительности жизни индивида, или «длины» человеческого капитала. Любые денежные затраты, которые приводят к увеличению продолжительности жизни индивида, ведут к увеличению продолжительности социального времени.

Таким образом, мы выделили три основные формы инвестиций организации в человеческий капитал:

- инвестиции в доход увеличивают текущее благосостояние индивида, оставляя неизменной продолжительность его жизни,
- инвестиции в образование увеличивают благосостояние и творческий потенциал индивида за счет сдвига вверх кривой социального времени, продолжительность жизни остается неизменной,
- инвестиции в здоровье увеличивают продолжительность жизни индивида, не изменяя его доход, творческий потенциал и текущее благосостояние.

Во всех трех случаях временной объем человеческого капитала индивида увеличивается.

В качестве итога хочется отметить, что мы обосновываем другую концепцию человека в информационном обществе. Ее суть заключается в том, что конечной целью человека является не доход или наслаждение, а высшая деятельность, которая отличает его от животного мира. Человек ценен для общества своей реализованной способностью к мыслительной и духовной деятельности, к творчеству. Чем сильнее развита эта способность, тем в большей степени он является собственно человеком. Реализованную способность к высшей деятельности, мышлению, творчеству мы называем человеческим капиталом.

При таком подходе продуктом человеческого капитала являются не материальные блага или поток доходов, а сама высшая деятельность человека. Если доход измеряется в денежных единицах, а наслаждение - в гипотетических единицах полезности, то высшая деятельность - ее продолжительностью во времени. Таким образом, сам человеческий капитал и поток порождаемых благ имеют одну и ту же социально-экономическую сущность и измеряются в одинаковых единицах - в единицах социального времени.

Достоинством такой концепции человеческого капитала является то, что в ней определен и обоснован количественный показатель, который служит целевым показателем для человека именно в информационном обществе. Этим показателем является социальное время, т.е. время, в течение которого человек занят высшей деятельностью.

В рамках концепции социального времени стало возможным учитывать те цели человека, которые не вписываются в традиционную теорию человеческого капитала Беккера. Важнейшими из них являются здоровье и социальный статус. Образование, здоровье и социальный статус мы рассматриваем и моделируем как равноправные факторы человеческого капитала. Отдельно предлагаем рассматривать семейный статус как частный случай социального статуса.

Таким образом мы предлагаем конкретный метод количественной оценки человеческого капитала с позиции менеджмента современной организации. Практическая применимость теоретических выводов работы является, на наш взгляд, серьезным аргументом в пользу обоснованности концептуальных положений предложенной теории и является актуальной в управлении предприятиями и организациями.

УДК 368

Шатская И.И.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент Российского университета транспорта (МИИТ)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРАХОВОГО БИЗНЕСА РОССИИ

Страхование – стратегическое направление деятельности государства, которое дает возможность минимизировать или ликвидировать экономические потери и сохранять экономический суверенитет. Страхование выступает мощным инструментом регулирования экономики и одним из перспективно развивающихся направлений российского финансового рынка, о чем свидетельствуют объемы операций на рынке страховых услуг и задачи, определенные в стратегии развития страхования в Российской Федерации до 2020 года: «обеспечение непрерывности процесса производства и возмещения убытков предприятий за счет средств страховых организаций, без экстренного выделения ресурсов из бюджетных средств и внебюджетных фондов; предупреждение и снижение вероятного ущерба при страховых событиях; обеспечение социально-экономической стабильности; обеспечение эффективности функционирования системы социального обеспечения и государственной поддержки»[6]. Выполнение задач, определенных стратегией развития страхования позволит вывести страховую отрасль РФ на новую ветвь развития.

Российский рынок страхования не до конца освоен и имеет большие перспективы. Мониторинг рынка страхования усложняет прогноз его развития в настоящее время. Кроме того перспективы развития российского рынка страхования обусловлены нестабильным состоянием экономики: непостоянностью валютной единицы, переменной инфляцией, отсутствием поля использования временно свободных денежных средств, не эффективным использованием и без того слабо развитых финансовых рынков, минимизацией наличия в объектах инвестирования, отсутствием роста реальных доходов населения, снижением покупательской возможности населения, отсутствием всеохватывающего и системного характера базы по нормативному регулированию страхового дела. В Российской Федерации на данном этапе принято значительное количество перспективных и стратегических решений в области государственного регулирования страхования, но проблемы развития отрасли страхования при детальном анализе состояния дел на рынке страхования остаются и требуют комплексного решения, которое позволит развиваться страховой системе эффективно и действенно выполнять все основные функции страхования.

Анализ ситуации в отрасли с учетом задач намеченных в стратегии и перспектив развития этой отрасли в нашей стране, выполненный в статье позволяет оценивать существующее место страхования в экономике России и предположить основные тенденции развития страхования России в будущем.

Ключевые слова: страховой рынок, страхование, страховые компании, страховые интересы, страховая деятельность

Shatskaya I.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Russian University of Transport (MIIT)

CONTEMPORARY ISSUES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INSURANCE BUSINESS

Insurance is a strategic direction of the state activity, which makes it possible to minimize or eliminate economic losses and maintain economic sovereignty. Insurance is a powerful tool for regulating the economy and one of the promising areas of the Russian financial market, as evidenced by the volume of operations in the insurance market and the tasks defined in the strategy for the development of insurance in the Russian Federation until 2020: ensuring the continuity of the production process and compensation for losses of enterprises at the expense of insurance organizations, without emergency allocation of resources from budgetary funds and extra-budgetary funds; prevention and reduction of possible damage in insurance events; ensuring social and economic stability; ensuring the effectiveness of the system of social security and state support[9]. Implementation of the tasks defined by the insurance development strategy will bring the insurance industry of the Russian Federation to a new branch of development.

The Russian insurance market is not fully developed and has great prospects. Monitoring of the insurance market complicates the forecast of its development at the present time. In addition, the prospects for the development of the Russian insurance market are due to the unstable state of the economy: the volatility of the currency unit, variable inflation, the absence of the field of use of temporarily free money, not effective use of the already underdeveloped financial markets, minimizing the availability of investment objects, the lack of growth in real incomes of the population, reducing the purchasing power of the population, the lack of an all-encompassing and systemic nature of the regulatory framework for insurance.

In the Russian Federation, at this stage, a significant number of promising and strategic decisions have been made in the field of state regulation of insurance, but the problems of development of the insurance industry with a detailed analysis of the state of Affairs in the insurance market remain and require a comprehensive solution that will allow the insurance system to develop effectively and efficiently perform all

Analysis of the situation in the industry, taking into account the objectives outlined in the strategy and prospects for the development of this industry in our country, made in the article allows us to assess the existing place of insurance in the Russian economy and to assume the main trends in the development of insurance in Russia in the future.

Keywords: insurance market, insurance, insurance companies, insurance interests, insurance activity

В Стратегии развития страхования в Российской Федерации до 2020 года определена основная и главная цель развития российского страхового рынка – эффективное выполнение основных функций страхования, которые, прежде всего, заключаются: «в обеспечении непрерывности процесса производства и возмещения убытков предприятий за счет средств страховых организаций, без экстренного выделения значительных ресурсов из бюджетных средств и внебюджетных фондов; предупреждение и снижение вероятного ущерба при страховых событиях; обеспечение социально-экономической стабильности; обеспечение эффективности функционирования системы социального обеспечения и государственной поддержки (функция ОМС и прочих видов социального страхования)» [6].

В Российской Федерации на данном этапе принято значительное количество перспективных и стратегических решений в области государственного регулирования страхования, но проблемы развития отрасли страхования при детальном анализе состояния дел на рынке страхования остаются и требуют комплексного решения, которое позволит развиваться страховой системе эффективно.

Эффективность работы страхового бизнеса на данном этапе усугубляется рядом моментов, которые вызваны сложившейся ситуацией в экономике страны и к которым можно отнести: непостоянство валютной единицы, переменную инфляцию, они отчасти и лишают страховой бизнес удачной финансовой почвы и влияют на количество страховых операций, касающихся долгосрочного страхования жизни. Также минимизация поля применения временно свободных средств, обеспечивающих размеренную выгоду от инвестиций данных активов, так их сохранность. Кроме того это и проблемы финансовых рынков и минимизация объектов инвестирования без которых развитие страхового бизнеса нельзя будет считать успешным и отсутствие роста реальных доходов населения, снижение покупательской возможности, которые также влияют на спрос продуктов страхования.

Кроме перечисленных проблем в экономике, которые затрагивают все сферы страхового бизнеса, происходит сокращение количества субъектов страхового дела. В Едином государственном реестре субъектов страхового рынка количество их на российском рынке сократилось и по состоянию на 01 января 2018 года составило 309 субъектов (на 01 января предшествующего года 364 субъекта). Кроме того, набирают обороты на страховом рынке сделки по слиянию и поглощению (семь медицинских страховщиков поглощены за прошедший год крупными компаниями на рынке обязательного медицинского страхования). Продолжается формирование страховых групп «ВСК» (ООО «СК «БИН Страхование» и некоторые другие компании по отдельным видам, приобретен контроль над ООО «ВСК – Линия жизни» и «Опора»), объединены страховые активы группы «Ренессанс страхование» и группы «Благосостояние». Наиболее значительной сделкой стал переход ПАО «Росгосстрах» под контроль ФК «Открытие»[5].

Наряду, казалось с не простым положением на страховом рынке в 2017 году, объем премий по всем видам страхования составил 1,28 трлн. рублей, увеличившись на 8,32 процента по сравнению с годом ранее. Динамика объема премий в целом по рынку обеспечена активным продвижением банками продуктов страхования жизни, падением ставок по депозитам, внедрением новых финансовых инструментов.

Как цитировать статью: Шатская И.И. Современные проблемы и перспективы развития страхового бизнеса России // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 112–117 с.

Лидером рынка страхования не только по темпу роста премий, которые выросли на 01 января 2018 года и составили 430 млрд. руб., но и по доле рынка стало страхование жизни, основную часть которого составляет инвестиционное страхование. За 2017 год инвестиционное страхование жизни составило 330 млрд. руб. за счет активных, грамотных предложений банков востребованных населением продуктов в виде пенсионных и накопительных вкладов, что в свою очередь позволяет сделать вывод о страховых компаниях, как о формирующемся инвестиционном инструменте.

Сегмент страхования жизни находится в поле деятельности тридцати страховых компаний. Успешнее других проявляют себя следующие компании: ООО «Альфа Страхование – Жизнь»; ООО СК «Сбербанк Страхование жизни»; ООО СК «ВТБ Страхование жизни»; ООО СК «Росгосстрах – Жизнь»; ООО «Ренессанс – Жизнь».

Практически у каждой страховой компании есть дочерняя компания, которая занимается только страхованием жизни. При этом страховые компании платят за этот вид страхования очень хорошее вознаграждение агентам, хотя и для них он мало знаком.

Развитие страхования жизни идет в основном через банки и ориентировано на инвестиционное страхование, которое предлагается как альтернатива банковским вкладам населения. Однако банковские вклады, входят в систему страхования вкладов, а страхование жизни не входит, следовательно, доход по полисам не гарантируется, досрочное расторжение влечет потерю части взноса. Кроме того, закон сейчас не обязывает страховщиков раскрывать инструменты, которые были выбраны для инвестирования, как и доходность по инвестиционному страхованию жизни. Все это дает почву для регулирования этого сегмента, в виде введение стандарта раскрытия информации клиентам.

Для сохранения положительной динамики по инвестиционному страхованию жизни и к сокращению недостаточного информирования клиента об основных условиях договора в конце 2018 года Центральный Банк России опубликовал указания о стандартных требованиях к условиям и порядку осуществления страхования жизни, а также к условиям периодических страховых выплат и к участию страхователя в инвестиционном доходе страховщика инвестиционного страхования жизни. Требования и условия данного указания, а также их исполнение будут также способствовать росту продаж продуктов с гарантированной доходностью. При этом заключенные ранее договора будут пролонгированы.

Не удовлетворительные результаты у компаний, специализирующихся на страховании ОСАГО, автокаско. По совокупности взносов ОСАГО с долей 17,4 процентов занимает второе место в общем объеме страхования, при этом объем премий за 2017 год сократился на 5,2 процента, как и средняя страховая премия в целом по ОСАГО. Объяснением такой ситуации является незаконная деятельность посредников при оформлении ОСАГО, умышленно искажающих данные страхователя с целью занизить стоимость полиса, а также рост доли автомобилистов со скидкой за безаварийную езду [2].

Однако в работе компаний специализирующихся на страховании ОСАГО есть и положительные моменты, которые отражены в стабилизации показателей ОСАГО в 2017 году. Это свидетельствует о том, что работа по улучшению качества страхового портфеля ведется грамотно, продвижение усеченных программ используется планомерно и прочие меры, принятые автостраховщиками эффективно используются в их деятельности.

«Проблемой рынка ОСАГО по – прежнему остается получение страховщиками основного объема премий через посредников. В 2017 году доля страховых премий, полученных через посредников, выросла более чем на 4 процента по сравнению с предыдущим годом. Доля вознаграждения посредникам достигла 204,3 млрд. рублей, что также положительно не сказывается на рынке ОСАГО» [2].

Сегмент ОСАГО должен стремиться к сокращению посредника между поставщиком услуги и потребителем, так как посредник необходим в том случае, когда потребителю сложно разобраться в тонкости предлагаемой услуги, как скажем в инвестиционном страховании жизни. Однако страховые компании выстраивают сложные системы «отсева» нежелательных клиентов, простые продукты стремятся продавать самостоятельно на своих сайтах, более сложные через агентскую сеть, тем самым способствуя развитию статустности роли агента – посредника на страховом рынке в сегменте ОСАГО, как и целом на всем рынке страхования. Такая тенденция будет до тех пор, пока тарифы не станут свободными, тогда страховые компании начнут бороться за клиентов и развивать свои каналы сбыта. А пока только можно предполагать, что будет происходить снижение доли ОСАГО в общем портфеле страховых компаний.

Законодательное введение обязанности страховщиков заключать договоры электронного ОСАГО с 01 января 2017 года способствовало росту увеличения объема премий по ОСАГО, полученных страховщиками посредством сети Интернет. В совокупных взносах по обязательному страхованию их доля составила 12, 8 процентов. Роль агентов и агентств на этом сегменте рынка также велика и составляет более 80 процентов. Самостоятельно электронный полис ОСАГО оформляют чуть более 10 процентов клиентов, что объясняется сложностью оформления

полисов и не совсем прозрачной структурой самого рынка страхования.

Стагнация по ОСАГО на рынке страхования обусловлена еще и тем, что тарифы ОСАГО остаются неизменными. В 2018 году предполагалось расширение тарифного коридора ОСАГО, что позволило бы улучшить финансовый результат автостраховщиков, но также была вероятность отказа от заключения договоров со стороны водителей. Однако Центробанк отложил реформу тарификации ОСАГО на 2019 год и сделал заключение, что в среднем стоимость полиса не должна вырасти больше, чем на полтора процента, а целью задуманной реформы должен стать расчет индивидуальной цены ОСАГО для каждого водителя. В перспективе, в 2023-2025 годах, по прогнозам регулятора возможно полное освобождение тарифа ОСАГО от госрегулирования. На текущий период это и является основной задачей государства и страховых компаний – плавно отпустить тарифы по ОСАГО.

«Также регулятором (зам. председателя ЦБ РФ В.Чистюхин) предполагается в следующем году вводить законодательные изменения в ОСАГО, в том числе законопроект Минфина о заключении трехлетних договоров по согласованию сторон, установлении контроля над агентами, возмещении исходя из стоимости новых запчастей даже в случае денежной выплаты, возможность установления ограничений по тарифам. Главное в этом законопроекте – это дальнейшая индивидуализация тарифа» [3].

Третье место на рынке страхования с долей в 12,7 процентов занимает страхование автокаско. Как и по ОСАГО в сегменте автокаско та же ситуация – сокращение взносов более чем на 4 процента, которые составили 162,5 млрд. руб. премий за 2017 год. При этом, наблюдается такой факт, что количество заключенных договоров показывает их увеличение более чем на 8 процентов и составляет 3,9 млн. штук по итогам 2017 года, что связано с ростом спроса на автомобили на 11,9 процентов по сравнению с предыдущим годом, и с увеличением количества выданных автокредитов за 2017 год на 29,2 процентов, которое произошло за счет снижения ставок по автокредитам, а также расширению числа государственных программ по льготному кредитованию приобретения автомобилей, произведенных в России. «Негативное влияние на страхование автокаско оказало снижение средней стоимости полиса за счет франшиз и тарифных опций, отсутствие роста реальных доходов населения»[4].

Кроме того роль агента на рынке КАСКО повышается, так как самостоятельно разобраться даже в таком понятном страховом продукте, как КАСКО, клиентам все еще сложно. Клиенты ищут персонализированных предложений, поэтому как сами компании, так и агенты пытаются выстраивать комплексную работу с клиентами, предлагая, как базовые страховые продукты, так и персональные. Однако при этом страховые компании стали более тщательно подходить к отбору и заключению новых агентских договоров, что ведет к участившимся отказам в заключение агентских договоров.

Заместитель председателя Центрального Банка Российской Федерации В. Чистюхин в отношении сегмента КАСКО сказал: «нужно прямо прописать в законодательстве возможность продажи полисов через интернет, решить вопрос с предоставлением в бюро страховых историй персональных данных, что создаст статистическую основу для КАСКО».

Развитие транспортного страхования оказывает значительное влияние на работу и развитие всего страхового рынка, так как на его долю приходится более 35 процентов от всех взносов страхователей. «Лидерами среди компаний в сегментах транспортного страхования по итогам 2017 года: Группа «Ингосстрах» (ОСАГО, страхование автокаско, ДСАГО, страхование воздушного транспорта и страхование ответственности грузоперевозчиков, страхование средств железнодорожного транспорта), Группа Росгосстрах (ОСАГО, страхование средств железнодорожного транспорта, страхование автокаско), Группа СОГАЗ (страхование автокаско, страхование водного транспорта, страхование космических рисков, страхование грузов, страхование средств железнодорожного транспорта). Ресо-Гарантия (ОСАГО, страхование средств железнодорожного транспорта, страхование автокаско), ВСК (ОСАГО, страхование автокаско, страхование космических рисков, страхование грузов) и Альфа-Страхование (ОСАГО, страхование автокаско, страхование средств железнодорожного транспорта)» [2].

Страхование имущества (квартиры, загородная недвижимость, ответственность, ипотека) развивается и увеличивается на 10-15% в год. Этому способствует рост ипотечного страхования, коробочных продуктов, которые умело распространяют банки и агенты. Загородную недвижимость страхуют, но квартиры обычно принято страховать только при получении ипотечного кредита. За год премии в сегменте страхования имущества увеличились с 51,4 до 57,4 млрд. рублей. Закон о страховании жилья при чрезвычайных происшествиях, подписанный в августе 2018 года стал первым шагом к внедрению массового страхования жилья в России, подтверждая то, что государство заинтересованно в развития страхования и тем самым давая повод страховщикам, что в квитанциях за коммунальные платежи появится графа – страхование имущества.

При страховании имущества первостепенное значение занимает посреднический канал продаж. На долю посредников (ритейлеров) приходится 72,5 процента комиссионного вознаграждения, что в полтора раза выше, чем у кредитных организаций. Од-

нако банки в 2017 году принесли страховщикам на 3 млрд. руб. больше, чем в прошлом году, но при этом традиционный агентский канал показал снижение на 442 млн. руб. Посредники продолжают набирать темпы и увеличение в 2017 году составило 4,3 млрд. руб.

Влияние добровольного медицинского страхования на рынок страхования в целом не большое, так как в 2017 году оно составило 150 млрд. руб. При этом наблюдается не значительный рост, обусловленный инфляционными процессами в экономике. Однако состав добровольного медицинского страхования имеет в перечне не только обязательное медицинское страхование, но и добровольное медицинское страхование при дорожно – транспортных проишествиях, страхование от несчастных случаев, страхование жизни, страхование от критических заболеваний, страхование от укусов, ветеринарное страхование животных, что дает шанс на перспективы развития этих сегментов в будущем.

Прогноз страховому рынку в 2018 году, сделанный RAEX (Эксперт РА), о том, что страховой рынок с учетом страхования жизни вырастет на 9-10 процентов, а его объем преодолеет отметку 1,4 трлн. руб. Сегмент покажет наибольшие темпы прироста взносов – порядка 30 процентов, премии составят 430 млрд. руб.[4] оправдался частично. Страховой рынок в 2018 году показал прирост по отношению к предыдущему году в 15,7 процентов. Объем страховых взносов составил 1,479 трлн. руб. Особенностью этого периода стало то, что рынок начал расти без учета страхования жизни и это основное несовпадение в прогнозе RAEX (Эксперт РА).

Динамика страхования в 2018 году произошла за счет растущей доли кредитов населению и наблюдалась в сегментах страхование от несчастных случаев и болезней и автострахование. Динамика в автостраховании, кроме кредитования, обусловлена еще и увеличением продажи новых автомобилей на 10,8 процентов. Темпы прироста страхования автокаско и ОСАГО 3,8 процентов и 1,8 процентов составили соответственно в 2018 году. По прогнозу аналитиков «Эксперт РА»: увеличение продаж автомобилей в 2018 году не будет способствовать росту КАСКО и ОСАГО: по КАСКО в 2018 году падение премий замедлится до 3-5 процентов (примерно 155 млрд. руб.), а сборы по ОСАГО останутся на уровне 2017 года – 220 млрд. руб. [4].

Не оправдался прогноз аналитиков по инвестиционному страхованию жизни (сегмент прибавит в 2018 году 40 процентов). Произошло замедление в два раза, до 33 процентов. Объяснением стало насыщение сегмента и возврат части населения к более понятным с гарантированной доходностью вкладам, ставки по которым выросли и стабилизировались 2018 году. Также не менее важным аргументов стало раскрытие информации по страхованию жизни для тех, кто заключает новые договора.

Прогнозы по ипотечному кредитованию, по сборам по страхованию выезжающих за рубеж в 2018 году оправдались и показали хорошую динамику.

Также оправдались прогнозы «Ингосстраха» о дальнейшем увеличении доли онлайн страхования, модификации страховых продуктов для возможности их дистрибуции посредством сайтов и мобильных приложений [2].

Страховые компании, страховые агентства и страховые агенты все они продавцы услуг страхового рынка, поэтому им необходимо следить за спросом и за желаниями клиентов, которые продиктованы временем и сложившейся ситуаций на самом страховом рынке. Это – предоставление персональных предложений, дополнительный сервис, безопасность, мгновенная обратная связь и экономия времени, денег.

Список литературы

1. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 N 4015-1.
2. Всероссийский Союз Страховщиков. Электронный ресурс. Режим доступа: www.oliverwyman.com. (дата обращения 01.12.2018).
3. Газета Коммерсант. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3811579. (дата обращения 01.12.2018).
4. Ассоциация европейского бизнеса (AEB). Электронный ресурс Режим доступа:http://www.aebrus.ru/upload/iblock/b83/rus-car-sales-indecember-2017.pdf. (дата обращения 01.12.2018).
5. Национальное рейтинговое агентство. Электронный ресурс. Режим доступа:http://www.ranational.ru/sites/default/files/analitic_article/Russian%20Insurance%20Market%202017.pdf. (дата обращения 01.12.2018).
6. Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. №1293-р).

Reference list

1. The law of the Russian Federation "On the organization of insurance business in the Russian Federation" of 27.11.1992 № 4015-1.
2. All-Russian Union of Insurers. Electronic resource. Access mode: www.oliverwyman.com. (date of access: 01.12.2018).

3. Newspaper Kommersant. Electronic resource. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/3811579. (date of access: 01.12.2018).
4. Association of European Businesses (AEB). Electronic resource. Access mode: http://www.aebrus.ru/upload/iblock/b83/rus-car-sales-indecember-2017.pdf. (date of access: 01.12.2018).
5. National Rating Agency. Electronic resource. Access mode: http://www.ranational.ru/sites/default/files/analitic_article/Russian%20 Insure%20Market%202017.pdf. (date of access: 01.12.2018).
6. Strategy of development of insurance activities in the Russian Federation until 2020 (approved by the order of the Government of the Russian Federation of July 22, 2013 №1293-p).

УДК 330.3

Салихова И.С.,
доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю. Витте

СТРУКТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ

Целью статьи является конкретизация объектной структуры устойчивого прогрессивного развития. Актуальность тематики исследования обусловлена фрагментарностью существующих подходов к характеристике структуры устойчивого развития, в рамках которых отсутствует реализация требований принципа инклюзивности. Методологическим и методическим базисом статьи является системная междисциплинарная парадигма, структурно-генетический и функциональный подход к проблеме, а также единство качественного и количественного анализа. Основные научные результаты заключаются в качественном обновлении и формировании «пятизвенной» объектной структуры концепта устойчивого прогрессивного развития вместо действующей «триады»; в характеристике каузальных связей между всеми элементами данной объектной структуры и обосновании их целевых функций; в актуализации достойной жизни человека как системного аксиологического основания и интегральной цели устойчивого прогрессивного развития.

Ключевые слова: устойчивое прогрессивное развитие, объектная структура, гражданское общество, правовое государство, институциональный капитал, ноосферное воспроизводство, достойная жизнь человека

Salikhova I.,
Doctor of Economics, Chief Researcher of the Institute of Market Problems of RAS, Professor of Accounting, Taxation and Customs Department of the Moscow University named after S.Y. Vitte

STRUCTURAL INNOVATIONS IN THE PARADIGM OF SUSTAINABLE PROGRESSIVE DEVELOPMENT

The aim of the article is to concretize the object structure of sustainable progressive development. The relevance of the research subject is due to the fragmentation of existing approaches to the characteristics of the structure of sustainable progressive development, in which there is no implementation of the requirements of the principle of inclusiveness. Methodological and methodical basis of the article is a systematic interdisciplinary paradigm, structural-genetic and functional approach to the problem, as well as the unity of qualitative and quantitative analysis. The main scientific results are the qualitative update and formation of the "five-link" object structure of the concept of sustainable progressive development instead of the existing "triad"; the characteristic of causal relations between all elements of the object structure and the justification of their target functions; in the actualization of a decent human life as a systemic axiological foundation and an integral goal of sustainable progressive development.

Keywords: sustainable progressive development, object structure, civil society, legal state, institutional capital, noospheric reproduction, decent human life

I. Введение

Существующая в мире парадигма устойчивого развития является достаточно результативной, однако не настолько, чтобы препятствовать развитию деструктивных процессов, разрушающих не только среду обитания, но и самого человека. Несмотря на энергичную деятельность мирового сообщества, в лице ООН, а также национальных государств по профилактике глобальных проблем, гуманизации общественных отношений, формирования основ «зеленой экономики», обеспечения справедливого распределения редких ресурсов, общий тренд развития характеризуется преобладанием негативных тенденций над пози-

Как цитировать статью: Салихова И.С. Структурные инновации в парадигме устойчивого прогрессивного развития России // Вестник Академии права и управления. 2019. № 2(55). 118–124 с.

тивными результатами. Комплексными факторами неустойчивости развития являются бедность, нехватка продовольствия и питьевой воды, экологические катастрофы, геополитические амбиции крупных стран и военные конфликты, замедление темпов роста мирового производства [1,5,17]. В результате становится очевидным *противоречие между реальными деструктивными процессами, происходящими в рамках человеческой цивилизации, и качеством действующей универсальной структуралистской научной парадигмы, отражающей эти процессы.* К сожалению, реальность такова, что действующая идеология устойчивого развития в принципе не является релевантной для последующего научно-практического анализа проблемы и требует качественного обновления.

В первом приближении, функционирующая парадигма содержит, как минимум, два системных недостатка. *Во-первых,* ее рекомендации носят не адресный, применительно к специфике того или иного региона, а именно универсальный характер. Причем создатели этой парадигмы настойчиво внедряют ее не самую лучшую, как показывает практика, либерально-монетаристскую форму, стремясь все решить за счет денежных регуляторов. *Во-вторых,* такая парадигма характеризуется выраженной неполнотой собственно структурного подхода к проблеме, что проявляется, как минимум в двух аспектах. *Первый аспект* заключается в неполноте объектной структуры анализа устойчивого развития, включающей только общество, экологию и экономику [17,18]. *Второй аспект* связан с исключительно горизонтальным характером объектной структуры, то есть отсутствием воспроизводственной вертикали, призванной обеспечить системное решение задачи не только «слева-направо», но и «снизу-вверх». В рамках действующей теории есть немало весьма продуктивных, но, тем не менее, фрагментарных положений, не показывающих механизм каузальных связей, формирующих единый органический комплекс устойчивого развития [6,11,15]. В связи с этим, *научной гипотезой* является предположение о том, что структурные инновации в исследовании проблем устойчивого развития, в форме, прежде всего, углубленной декомпозиции «системы объекта» (по терминологии Г.Б. Клейнера [7]), позволят обеспечить некоторый «сдвиг действующей парадигмы» и смягчить растущее противоречие между соответствующей теорией и практикой.

II. Методологическая матрица исследования

Методологический ракурс и методический капитал действующей парадигмы научно-практического анализа устойчивого развития нацелен, как отмечалось, на известную «триаду» в форме общества, экологии и экономики. Вокруг целей и задач, обеспечивающих устойчивость каждого из этих элементов, формируются и совершенствуются локальные исследовательские программы, которые впоследствии интегрируются в единый научно-практический комплекс [6,15,17]. Однако «за кадром» остаются некоторые важные аспекты проблемы, обозначение которых позволит понять необходимость новой методологии и методики логико-гносеологического анализа. *Во-первых,* существующий комплекс целей и задач реализуется в условиях отсутствия четкого междисциплинарного представления о множественности реальных условий и факторов устойчивого развития. Очевидно, что даже в рамках отмеченной «триады» наиболее эффективным должен быть методологический подход, основанный на *постнеклассическом анализе* проблемы. Такой подход предполагает наиболее полный учет не только междисциплинарных и мультидисциплинарных, но и трансдисциплинарных ее аспектов. Это обстоятельство нацеливает на более энергичное использование релевантных рекомендаций и выводов всех наук о человеке, обществе и природе, причем именно в контексте обеспечения устойчивого прогрессивного развития. В связи с этим, резонно подчеркнуть, что действующая парадигма устойчивого развития далеко не *полностью* использует созидательный потенциал *новой антропологии,* заключающей в себе немало научных императивов, непосредственно связанных с всесторонним развитием человека, одновременно, как величайшего «творца» и «творения» природы [8,12,16].

Во-вторых, действующая парадигма практически не учитывает современные тренды общего цивилизационного, а также особенного (по странам и регионам) социального развития. К таким трендам следует отнести, прежде всего, *императив инклюзивности* в решении задач устойчивого развития, что нацеливает регуляторов всех уровней, одновременно, на универсальное и «точечное» решение проблемы [4,9,14]. В связи с этим, следующим важным трендом является растущая потребность человека и общества в *новой модели социального государства,* призванного трансформировать экономическую турбулентность в социально-экономическую устойчивость на основе расширенного воссоздания релевантного институционального капитала [2,9,11]. Кроме того, государство в этой новой модели призвано обеспечить свою собственную устойчивость, осуществляя комплекс мероприятий по развитию гражданского общества. Также особенной тенденцией современного развития предстает необходимость наиболее полного учета *цивилизационных особенностей региона* (макрорегиона, нации). Всякие попытки имплантации цивилизационных ценностей на «чужеродный грунт», как показывает практика, вызывают нарастание противоречий и системную неустойчивость.

В-третьих, всякая дисциплинарная матрица исследования призвана работать на конкретный конечный результат, а не ограничиваться абстрактными конструктами и декларативными рекомендациями. В частности, рассматривая проблему экономической устойчивости, уже недостаточно фиксировать динамику ВВП либо средние показатели уровня жизни населения страны или региона. Важно показать, как эта динамика фокусируется на устойчивости развития и достойной жизни каждого конкретного домохозяйства (принцип инклюзивности) и отражается на устойчивой деятельности организаций (кластеров, отдельных предприятий). Далее, устойчивость общества также должна быть декомпозирована на конкретные составляющие, куда должны входить такие переменные, как устойчивость социально-классовой структуры, гарантии выполнения конституционных и других позитивно-правовых норм, качество контроля обществом «правил игры» и многое другое. Что касается устойчивости природы, то здесь едва ли можно ограничиться концептом «зеленой экономики», развитием безотходных технологий и реализацией программ энергосбережения. Очевидно, что для обеспечения конкретики решения задач устойчивого развития, общий декларативный замысел исследования данной проблемы следует трансформировать в *системный и декомпозиционный анализ именно устойчивого прогрессивного развития.* Только в этом случае можно рассчитывать на четкость постановки конкретных созидательных целей и релевантность механизмов их достижения. Если под устойчивым развитием в общем плане можно понимать развитие на основе динамического равновесия условий и факторов, то *устойчивое прогрессивное развитие резонно трактовать как развитие, обусловленное динамическим равновесием условий и факторов, находящихся в состоянии взаимного синхронного совершенствования.* Такая трактовка актуализирует потребность в новом методологическом концепте, ориентированном на явление «прогрессивного» и на всестороннее «совершенствование» процессных и целевых значений [10,11,17].

В-четвертых, анализ дисфункций существующей парадигмы устойчивого развития, а также императив его прогрессивной формы, нацеливает на необходимость дальнейшей разработки, как горизонтального аналитического ракурса, так и формирования нового, вертикального исследовательского алгоритма. В связи с этим, а также с учетом требований принципа инклюзивности, целевым интегралом и, одновременно, объектом воздействия может стать *устойчивость прогрессивного развития человека на основе обеспечения устойчивости его достойной жизни.* Это обстоятельство предопределяет не только необходимость включения человека в объектную структуру парадигмы устойчивого прогрессивного развития, но и нацеливает на *новые формы каузальности* при решении задачи. Суть в том, что устойчивость достойной жизни отнюдь не предполагает непременное обеспечение устойчивости всех других элементов «системы объекта». Поскольку эти элементы непосредственно «работают» на конечный инклюзивный объект (человек, устойчиво развивающийся и живущий достойно), возможно, не следует стремиться к «тотальной» устойчивости этих обеспечивающих элементов. Задача состоит в том, чтобы все эти объекты, часто развиваясь неравномерно, но всегда прогрессивно, в итоге обеспечивали желаемый результат: устойчивость прогрессивного развития человека на основе совершенствования его достойной жизни. Понятно, что системным регулятором такого обеспечения является, прежде всего, прогрессивное государство, непрерывно воссоздаваемое не менее прогрессивным обществом [2,9]. Таким образом, методологическая матрица исследования феномена устойчивого прогрессивного развития представляет собой единство многодисциплинарного, функционального, структурно-генетического и воспроизводственного подхода к проблеме. Данная матрица предопределяет корректное применение методики единства качественного и количественного анализа, эвристического потенциала диалектики общего, особенного и единичного.

III. Обсуждение и результаты исследования

Следуя логике проводимого исследования, ключевым объектом в рамках устойчивого прогрессивного развития является человек, а основной целевой функцией данного развития становится устойчивость его развития посредством неуклонного обеспечения достойной жизни [1,12,16]. *Новизна данного анализа* заключается в интегрировании концепции антропоцентризма, общей антропологии и феномена достойной жизни в новую парадигму устойчивого прогрессивного развития. При этом самым острым аспектом дискуссии видится положение о том, что *устойчивое прогрессивное развитие человека как функция обеспечения его достойной жизни* вполне может быть результатом «неустойчивых прогрессивностей» других элементов рассматриваемой объектной структуры. Более того, «чрезмерное упорство» в достижении устойчивого прогресса всех составляющих данной структуры может дать обратный результат в форме замедления прогрессивного развития человека, общества, цивилизации. В частности, метафизическая цель «догнать мировые темпы роста ВВП» в условиях сырьевой экономики может навредить отечественному природному капиталу, разрушить среду обитания, «заморозить» инвестиции в фундаментальную науку, ослабить малый бизнес, катализировать социальные противоречия и т.д.

Также *новизна предлагаемого исследования и основной системный результат* заключается в том, что в используемой объектной структуре четко фиксируется завершенный «вертикальный цикл», включающий следующие элементы. *Во-первых,* – это человек, обладающий определенным уровнем неявного и явного знания в форме ментальных моделей, ценностных идеологических установок и смыслов, а также навыков дивергентного мышления, который должен, прежде всего, самостоятельно обеспечивать устойчивость и прогресс своей жизни. *Во-вторых,* этот же человек, стремящийся к прогрессивному развитию на основе достойной жизни, формирует «заказ» на устойчивость общества, которое призвано воссоздавать релевантные ценности и идеи, поддерживающие созидательный выбор человека. Такое общество, *в-третьих,* должно быть способно «производить» правовое государство, которое призвано расширенно воспроизводить релевантный институциональный капитал. Этот капитал (благоприятные «правила игры»), *в-четвертых,* формируют устойчиво прогрессивный общий вектор хозяйственной динамики, не исключающей, а даже предполагающий определенные циклические колебания. Наконец, *в-пятых,* концепция прогрессивного хозяйственного созидания закономерно предопределяет необходимость восстановления окружающей среды как общего условия устойчивости человеческого развития. Резонно констатировать, что когерентность и взаимодополняемость всех названных элементов может обеспечить эффекты *мультипликации и акселерации (возможен также эффект «социально-экономического чуда»)* в сфере соответствующих целей устойчивого прогрессивного развития.

Очевидно, что отмеченная пятизвенная объектная структура (человек, общество, государство, экономика, природа) общего пространственно-временного континуума устойчивого развития требует некоторой последовательной конкретизации. ***Первое*** – это то, что человек, стремящийся к самосовершенствованию, едва ли «удержится» в рамках неоклассического эгоистического индивида, который в условиях господствующей идеологии монетарной плутократии всегда максимизирует свою полезность, прежде всего, в форме денежного дохода. Теперь устойчивое прогрессивное развитие человека должно увязываться с системой его смыслов и энергичным восхождением к *собственной эндогенной креативно-интеллектуальной экологии* (своему созидательному, творчески-трудовому предназначению). Базисным социально-экономическим основанием устойчивого прогрессивного развития человека, а также *устойчивости его созидательных мотиваций,* является конституированная и защищенная система собственности личности как индивида, как члена различных организаций, общества и мирового сообщества [13,14].

Второе обстоятельство связано с характеристикой *устойчивого прогрессивного развития общества,* выступающего как «развернутая» личность. При этом, однако, общество всегда обладает собственной качественной целостностью. Социально-экономическим базисом устойчивого прогрессивного развития общества и, как результат, утверждения *общенационального оптимизма,* является конституированная система общей собственности. *Целевой функцией* устойчивого развития гражданского качества и достойной жизни общества, является его постоянная способность воссоздавать правовое государство [2,9,11]. Императив *правового государства* предстает как ***третий*** элемент анализа объектной структуры общей концепции устойчивого прогрессивного развития. Необходимость данного элемента заключается в растущем спросе на релевантный *институциональный капитал,* обеспечивающий высокую эффективность творческой реализации личности. Здесь важнейшую роль играет правовая система собственности. Смысл этого отчетливо выразил Г. Гегель: «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» [3, с. 264].

Четвертым элементом объектной структуры общего концепта устойчивого прогрессивного развития является *экономика*. По аналогии, *устойчивое прогрессивное развитие экономики* представляет собой экономический рост, основанный на динамическом равновесии релевантных условий и факторов производства при безусловном приоритете креативной формы человеческого капитала. В связи с этим, следует качественно обновить «жесткое ядро» современной методологии экономического анализа. Экономический агент, стремящийся к денежной выгоде (методология неоклассики), должен уступить место *системному экономическому агенту,* выступающему, одновременно, как индивид, член различных организаций, общества и цивилизации. Наряду с этим, необходимо гуманизировать всю систему социально-экономических показателей. В частности, усредненный ВВП (на душу населения) должен уступить место инклюзивному ВВП («дойти до каждого») и т.д. Кроме того, перечень различных переменных должен быть междисциплинарным и «вращаться» вокруг креативной формы человеческого капитала как основы совокупной факторной производительности (СФП). Сюда можно отнести индекс экономической свободы, уровень защиты прав собственности и многие другие переменные. Примерный перечень таких междисциплинарных показателей представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Примерный перечень междисциплинарных показателей, характеризующих творческую активность и устойчивость отечественной экономики [19]

Показатели	2008	2010	2012	2014	2016	2017
Индекс политических прав (1-max; 7-min)	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0	7,0
Индекс гражданских прав и свобод (1-max; 7-min)	5,0	5,0	5,0	6,0	6,0	6,0
Индекс экономической свободы (100-max)	49,8	50,3	50,5	51,9	50,6	57,1
Уровень защиты прав собственности (10-max; 0-min)	4,0	4,3	4,5	4,8	4,6	4,0
Уровень (индекс) счастья (10-max)			5,46	5,72	5,96	5,81

Необходимо, далее, различать устойчивый экономический рост, связанный с положительной динамикой номинального или реального ВВП, и *устойчивый прогрессивный социально-экономический рост,* призванный, обеспечить достойную жизнь и устойчивое прогрессивное развитие каждому человеку. Если, к примеру, дискреционная противоциклическая политика государства обеспечивает лишь устойчивый положительный тренд экономического роста, то для обеспечения предсказуемого, линейного, поступательного и инклюзивного роста достойной жизни человека и его всестороннего прогресса *требуется новая модель правового социального государства,* обладающего релевантным управленческим механизмом, приводимым «в движение» *высокоэффективной бюрократией* [1,2,10].

Пятое, важнейшим элементом объектной структуры устойчивого прогрессивного развития является, как отмечалось, природный потенциал и природный капитал. *Устойчивое прогрессивное развитие природы* есть функция динамического равновесия ее «живой» и «неживой» составляющей при их одновременном релевантном совершенствовании. Такое развитие должно сопровождаться уменьшением, а в перспективе полным прекращением использования невоспроизводимых природных ресурсов. Применительно к экономике, речь идет о *ноосферном типе воспроизводства,* в рамках которого не допускается «вымывание» природного капитала [12,16]. В связи с этим, показатель «экономической емкости биосферы», используемый в релевантной литературе, вряд ли заключает в себе полезный исследовательский потенциал [15,18]. Теперь общая инновационная модель объектной структуры и соответствующих целей устойчивого прогрессивного развития, прежде всего, человека, представлена в таблице 2.

IV. Заключение

Таким образом, в результате краткой ретроспективы объектной структуры устойчивого прогрес-

Таблица 2.

Инновационная объектная структура и соответствующие цели устойчивого прогрессивного развития

Новая «система объекта»	Качественная целостность элементов инновационной объектной структуры устойчивого прогрессивного развития	Целевая функция
Достойная (духовно-нравственная, смыслосозидающая) жизнь человека	Воссоздание духовных смыслов и созидательной идеологии человеческого развития; руководство гуманистическими ценностями творческого созидания; деятельность в соответствии с императивами индивидуальной креативно-интеллектуальной экологии; непрерывное саморазвитие и планирование своей жизни как «непрерывный креативный проект» и др.	Устойчивое прогрессивное развитие человека и запрос на гражданское общество
Достойное (гражданское) развитие общества на основе креативного и среднего класса	Онтология общественного развития на основе идеологии духовной нравственности, и созидательных ценностей; совершенствование гражданских основ современного общества: утверждение «культа» доверия, справедливости, толерантности, творческого созидания и инклюзивных институтов; развитие креативной элиты, высокоэффективной бюрократии и производительных классов и др.	Устойчивое прогрессивное развитие общества и запрос на правовое государство
Достойное (правовое) развитие государства и создание честных «правил игры» для всех субъектов	Становление и развитие духовно-нравственного вектора государственной идеологии, заключающейся в гуманизации всех форм социальных отношений; высокоэффективный институциональный капитал; инклюзивная защита прав собственности; развитие высокоэффективной бюрократии; восприятие элитой государства как «сверхобщественного» блага; активная обратная положительная каузальная связь правового государства с гражданским обществом и др.	Устойчивое прогрессивное (правовое) развитие государства и запрос на высокую эффективность экономики

Достойное бытие экономики на основе ноосферного типа производства	Креативная революция, обеспечивающая экономику воспроизводимыми экономически ресурсами; обеспечение ведущей роли когнитивного сектора экономики; развитие экономики неявного знания и гуманистически ориентированных отраслей производства; массированные инвестиции в «точки роста» новейших ноосферных технологий, последовательно ограничивающих использование невоспроизводимых природных ресурсов и факторов и др.	Устойчивое *(в долгосрочной перспективе)* прогрессивное развитие экономики и растущий запрос на ноосферный природный капитал
Достойное бытие природы на основе прекращения деструкции природного потенциала	Включение природного фактора в методики исчисления динамических переменных социально-экономического развития; приоритетное развитие «природных инвестиций» (инвестиций для восстановления разрушенного природного потенциала); системная институционализация природосбережения и природовосстановления на региональном, макрорегиональном, национальном и наднациональном уровне и др.	Устойчивое прогрессивное развитие природы и растущий запрос на «человека экологического»

сивного развития, предложенная ранее гипотеза исследования становится научным фактом. Системное подтверждение выдвинутого научного предположения заключается в следующих выводах. ***Во-первых,*** в решении задач названного развития не следует идти по пути упрощения; напротив, *необходимо априори исходить из чрезвычайной сложности и противоречивости проблемы.* Резонно даже подчеркнуть, что *сознательное усложнение научно-практической парадигмы анализа есть единственно верный путь ожидаемой релевантной высокой результативности* решения современных проблем [8]. Как показывает практика, существующая упрощенная трехзвенная модель «системы объекта» не дает ожидаемого высокого результата в сфере решения задач устойчивого, именно прогрессивного развития. Сказанное означает, что «система объекта» здесь может иметь большую декомпозицию, причем как вертикали, так и по горизонтали. В частности, устойчивое прогрессивное развитие экономики может быть разделено на одноименное развитие домохозяйств, фирм, кластеров, отраслей, регионов, макрорегионов и т.д. Общий вывод: *чем больше контролируемых и сознательно формируемых элементов устойчивого развития системы, тем больше шансов обеспечить ее реальный прогресс*.

Во-вторых, устойчивое прогрессивное развитие человека и каждого элемента предложенной инновационной объектной структуры отнюдь не является самоцелью. Такое развитие предназначено для достижения *устойчивого прогрессивного развития человека как функции его достойной жизни.* Исследовательская ценность здесь в том, что человек выступает как «персонифицированный интеграл» всей системы общественных отношений [4]. Человек также предстает как продукт эволюции и «сгусток разума» самой природы, что свидетельствует о том, что *творчество человека не может и не должно быть выше творчества природы*. И если упрямо пытаться «обмануть» природу, «подчиняя» ее своим утилитарным потребностям, то это неминуемо будет иметь катастрофический для человека финал. При этом важно понимать, что «метафизика устойчивого прогресса» здесь не может превалировать над «диалектикой неустойчивого прогресса». Здесь неизмеримо возрастает роль правового государства, призванного преобразовать прогрессивную турбулентность множества элементов рассматриваемой объектной структуры в прогрессивную устойчивость конечного результата в форме достойной жизни человека и его всестороннего развития. В этом и заключается ключевая функция *новой модели социально-инклюзивного государства,* требующего релевантного качества политической и управленческой элиты, а также высокоэффективной бюрократии [2,9]. Кроме того, прогрессивные институты, воссоздаваемые правовым государством, не должны быть опережающими либо запаздывающими, а всякий раз сознательно актуализироваться «здесь и сейчас». В связи с этим, государство становится инструментом реализации общей потребности в *разумной планомерности* развития человека, общества, государства, экономики и природного потенциала [12,15].

Список литературы

1. *Бузгалин А.В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
2. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63-81.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. *Данилов Ю.А.* Современное состояние глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 29-47.
5. *Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В.* Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125-142.

6. *Ершов М.В.* Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37-54.
7. *Клейнер Г.Б.* Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1. С. 89-101.
8. *Любимов И.Л., Оспанова А.Г.* Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36-53.
9. *Мау В.А.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018-2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5-29.
10. *Миронов В.В.* О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5-35.
11. *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77-103.
12. *Салихов Б.В.* Управление качеством креативного капитала в ноосферной экономике знаний: Монография. – М.: изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. – 250 с.
13. *Салихова И.С., Салихов Б.В.* Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики // Инновации и инвестиции. 2010. № 3. С. 37-49.
14. *Слободенюк Е.Д., Аникин В.А.* Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104-128.
15. Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV международной научной конференции; в 4-х ч. – М.: изд. «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. Ч.3. – 518 с.
16. *Цаплин В.С.* Разумное, но не мыслящее. – М.: Крафт+, 2009. – 352 с.
17. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.: United Nations.
18. World Bank (2013). World Development Indicators. Washington, DC.
19. https://knoema.ru/atlas.

Reference list

1. *Buzgalin A.V.* Sunset of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economy. 2018. No. 2. Pp. 122-142.
2. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Planning: potential and role in the market economy of the XXI century // Issues of Economy. 2016. No. 1. Pp. 63-81.
3. *Gegel G.* V. F. Philosophy of law. – M.: Thought, 1990. – 524 p.
4. *Danilov Y.A.* Current state of the global scientific discussion in the field of financial development // Issues of Economy. 2019. No. 3. Pp. 29-47.
5. *Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V.* Long-term stagnation in the modern world // Issues of Economy. 2018. No. 11. Pp. 125-142.
6. *Ershov M.V.* Ten years after the global crisis: risks and prospects // Issues of Economy. 2019. No. 1. Pp. 37-54.
7. *Kleiner G.B.* System resource of economy // Issues of Economy. 2011. No. 1. P. 89-101.
8. *Lyubimov I.* L., *Ospanova A. G.* How to make the economy more difficult? The search for the causes of the complications // Issues of Economy.. 2019. No. 2. Pp. 36-53.
9. *Mau V.A.* National goals and model of economic growth: new in the socio-economic policy of Russia in 2018-2019 // Issues of Economy. 2019. No. 3. Pp. 5-29.
10. *Mironov V.V.* On the diagnosis of the current state of the Russian economy and medium-term prospects of its growth // Issues of Economy. 2019. No. 2. Pp. 5-35.
11. *Polterovich V.M.* To the General theory of social and economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms // Issues of Economy. 2018. No. 12. Pp. 77-103.
12. *Salikhov B.V.* Quality management of creative capital in the noosphere knowledge economy: Monograph. – M.: ed. «MU them. S.Y. Witte», 2017. – 250 p.
13. *Salikhova I.* S., *Salikhov B.V.* Decent human life as the basis of innovative development of modern economy // Innovations and investments. 2010. No. 3. Pp. 37-49.
14. *Slobodenyuk E.D., Anikin V.A.* Where is the poverty line in Russia? // Issues of Economy. 2018. No. 1. Pp. 104-128.
15. Sustainable development: society, ecology, economy: proceedings of the XV international scientific conference; in 4 parts. – M.: «MU named after S.Y. Witte», 2019. Part 3. – 518 p.
16. *Tsaplin V.S.* Reasonable, but not thinking. – Moscow: Kraft+, 2009. – 352 p.
17. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.: United Nations.
18. World Bank (2013). World Development Indicators. Washington, DC.
19. https://knoema.ru/atlas.

Бажанов С.В.,
доктор юридических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, полковник юстиции в отставке
e-mail: svb-1956@mail.ru

Bazhanov S.,
Doctor of Law, Professor, Academician Peter's Academy of Arts and Sciences, retired colonel of justice

Борисов А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института РУТ
e-mail: Av-borisov@mail.ru

Borisov A.V.,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of Russian University of Transport

Буров В.В.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления ИМПЭ
e-mail: rio@migup.ru

Burov V.,
PhD in Economy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, IILE

Власов А.В.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического института Российского университета транспорта
e-mail: v.tchebotarev@mail.ru

Vlasov A.,
PhD Econ., associate professor, associate professor «Customs law and organization of customs affairs» Legal institute of the Russian university of transport

Елин В.М.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационной безопасности НИУ ВШЭ
e-mail: velin@hse.ru

Elin V.,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Information Security, HSE

Жарова А.К.,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора информационного права
и международной информационной безопасности ИГП РАН,
доцент кафедры инноваций и бизнеса
в сфере информационных технологий НИУ ВШЭ
e-mail: velin@hse.ru

Zharova A.,
PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Information Law and International Information Security Sector, Institute of Civil Engineering, Associate Professor of the Department of Innovation and Business in the Field of Information Technologies, HSE

Захарова В.В.,
кандидат исторических наук, Российский университет транспорта (МИИТ)
e-mail: vic149@yandex.ru

Zakharova V.,
PhD in historical sciences, Russian University of transport engineering

Королев С.В.,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук,
профессор Государственного университета по землеустройству
e-mail: sko.05@mail.ru

Korolev S.,
Doctor of Law, chief researcher of the international law sector of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences, Professor of State University of land management

Ломтев С.П.,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
e-mail: rio@migup.ru

Lomtev S.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Мамина О.И.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: tahir.jefendiev@miit.ru

Mamina O.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department
«Theory of Law, History of Law and International Law»
Russian University of Transport (MIIT)

Надысева Д.М.,
аспирант Московского государственного областного университета
e-mail: nadyseva.diana@yandex.ru

Nadyseva D.,
Postgraduate student of Moscow State Regional University

Назаров А.Г.,
кандидат политических наук, докторант Института проблем рынка
Российской Академии наук
e-mail: andrey.g.nazarov@gmail.com

Nazarov A.,
PhD in Political Sciences, Doctoral student of the Institute of Market Problems
of the Russian Academy of Sciences

Новикова О.В.,
доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: rio@migup.ru

Novikova O.V.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

Петришин А.П.,
заместитель прокурора Ленинского района города Владивостока,
аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
e-mail: petrishin.17@mail.ru

Petrishin A.,
Deputy Prosecutor of the Leninsky district of the city of Vladivostok, Postgraduate Student, Moscow State Law University them. O.E. Kutafina

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

Polyakova T.,
Doctor of Law, Chief Researcher, Acting Head Sector of Information Law and International Information Security of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation

Салихов Б.В.,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания Московского университета им. С.Ю. Витте
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,
Doctor of Economics, Professor, Professor of Theory of Region Studies Department of the Moscow State Linguistic University, professor of Urban Economics and service Areas Department of the Moscow University named after S.Y. Vitte

Салихова И.С.,
доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю. Витте
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Salikhova I.,
Doctor of Economics, Chief Researcher of the Institute of Market Problems of RAS, Professor of Accounting, Taxation and Customs Department of the Moscow University named after S.Y. Vitte

Семичева А.С.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: tahir.jefendiev@miit.ru

Semicheva A.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department «Theory of Law, History of Law and International Law» Russian University of Transport (MIIT)

Хвостова Е.С.,
магистрант Юридического института Российского Университета Транспорта
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

Khvostova E.,
Master student of the Law Institute of the Russian University of Transport

Чеботарев В.Е.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта
e-mail: v.tchebotarev@mail.ru

Chebotarev V.,
PhD Econ., associate professor, associate professor «Administrative law, ecological law, information law» Legal institute of the Russian university of transport

Чеботарева А.А.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта
e-mail: anna_galitskaya@mail.ru

Chebotareva A.,
PhD in Law, associate professor, department chair «Administrative law, ecological law, information law» Legal institute of the Russian university of transport

Шатская И.И.,
кандидат экономических наук, доцент, доцент Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: irina_shatskaya@mail.ru

Shatskaya I.,
PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of Russian University of Transport (MIIT)

Шекк Е.А.,
старший научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации
e-mail: shekkelena@inbox.ru

Shekk E.,
Senior Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor of the Russian Federation

Шиян В.И.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

Shiyan V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Forensics"
of the Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

Шкодинский С.В.,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinsky S.,
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Moscow State Regional University, Chief Researcher at the Center for Sectoral Economics of the Research Financial Institute

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общие требования

К оформлению материалов, представляемых для публикации в журнале «Вестник Академии права и управления», который является междисциплинарным и охватывает следующие области знания: юридические науки, экономические науки, педагогические науки.

К публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, научные отчеты, аналитические статьи, соответствующие **тематике** журнала.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике, научному уровню журнала. Авторский материал, предлагаемый к публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Название статьи должно соответствовать содержанию.

2. Объем авторского оригинала (включая список литературы, таблицы и надписи к рисункам) не должен превышать 0,8 авторского листа (32 тысячи знаков, включая пробелы).

Предоставленный материал должен быть подготовлен в текстовом редакторе – **Microsoft Word**.

Рисунки предоставляются в формате ***.JPEG** или ***.bmp.** Подрисуночная подпись состоит из номера и названия (**Рисунок 1. …**) Графики, диаграммы и прочее рекомендуется выполнять в программах **MS Excel** или **MS Graph.**

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера. В тексте должны быть ссылки на представленные рисунки и таблицы. Сноски даются в тексте в [квадратных скобках], например: [3: с. 57], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи **в алфавитном порядке**, ссылки на комментарии приводятся в (**круглых скобках**).

Постраничные сноски не допускаются.

Допускаются смысловые выделения полужирным шрифтом.

3. В электронном виде материал для публикации предоставляется в виде нескольких отдельных файлов, названия которых должны начинаться с ФИО автора (авторов).

Структура основного файла, содержащего текст статьи на русском языке:

– УДК статьи – на первой странице в левом верхнем углу;

– название статьи;

– краткая информация об авторе (авторах) статьи;

– аннотация статьи на русском языке (информативное изложение содержания статьи, не более 800 знаков);

– ключевые слова на русском языке (до 15 слов или словосочетаний, характеризующих содержание статьи; приводятся в именительном падеже и печатаются строчными буквами, через запятые):

– текст статьи (текст – в формате А 4; гарнитура – Times New Roman; размер (кегль) шрифта – 14; межстрочный интервал – одинарный; все поля – 2 см, отступ (абзац) – 1 см, без переносов;

– список литературы приводится в алфавитном порядке – сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Информация, обязательная к представлению на английском языке:

– название статьи;

– ФИО, краткая информация об авторе (авторах) статьи (научная степень, звание, должность, место работы, e-mail);

– аннотация статьи;

– ключевые слова.

Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (Библиографическая ссылка) (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, а также общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках.

Количество источников в пристатейном библиографическом списке не более 35.

Как в русскоязычном, так и в англоязычных источниках, включенных в пристатейный список литературы, указываются все авторы каждой публикации (не более 3; если авторов больше – др.).

4. Отдельными файлами высылаются:

– копии всей содержащейся в материале графики – рисунков, схем (в формате JPEG или TIFF (разрешение не менее 300 dpi), а также формул и таблиц;

– анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Гонорары авторам не выплачиваются.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторскому коллективу выдается один экземпляр журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.

Просьба к авторам высылать материалы в полном комплекте,
в ином случае они будут возвращаться без рецензирования.
Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (55)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: АНО ВО «Московский институт государственного управления и права», 2019 – 132 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 25.06.2019
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 15,35

Адрес редакции:
115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064-30